

О'Генри

Сборник коротких рассказов

Часть I: Постскриптумы

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Этими коротенькими рассказами Вильям Сидней Портер (О'Генри) начал свою карьеру. Появлением их, собранных в посмертном томике, в свет - она теперь завершается.

Вошедшие в этот сборник миниатюры печатались на столбцах издававшейся в Хаустоне газеты "Post" в период между октябрём 1895 и июнем 1896 гг. под заголовками: "Городские рассказы", "Постскриптумы и зарисовки" и "Еще несколько постскриптузов". Всего вернее было бы назвать этот сборник: "Хаустонские рассказы". Но мы сохраним название английского издания "Постскриптумы", чтобы оттенить посмертный характер томика: рассказы эти вписывает в нашу память уже истлевшая рука американского юмориста.

Подлинность предлагаемых вещиц неоспорима. Правда, они печатались в газете без подписи. Но добросовестная составительница сборника (и - в скобках - беззаветная поклонница "американского Мопассана") установила авторство О'Генри не только показаниями лиц, причастных к газете "Post", но даже бухгалтерскими выписками сумм, которые О'Генри получал, и чисел, в каковые гонорар выплачивался. Впрочем, для лиц, знакомых с творчеством О'Генри, достаточными аргументами в пользу подлинности этих вещиц являются их стиль и конструкция - обязательно на трюке! - столь типичные для О'Генри.

Как бы там ни было, русские поклонники даровитого американского юмориста не должны пропустить этого сборника. В числе вошедших в него вещиц есть немало крошечных шедевров - ценных, кстати сказать, прежде всего для эстрады.

Мы опустили только миниатюры в стихах, за редкими исключениями весьма уступающие прозаическим, да несколько вещиц, частью основанных на непереводимой игре слов, частью включенных в сборник вследствие фанатической добросовестности составительницы, разделять которую мы не можем.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ ПОЛКОВНИК

Солнце ярко светит и птицы весело поют на ветвях. Во всей природе разлиты мир и гармония. У входа в небольшую пригородную гостиницу сидит приезжий и, тихо покуривая трубочку, ждет поезда.

Но вот высокий мужчина в сапогах и в шляпе с широкими, опущенными вниз полями выходит из гостиницы с шестизарядным револьвером в руке и стреляет. Человек на скамье скатывается с громким воплем. Пуля оцарапала ему ухо. Он вскакивает на ноги в изумлении и ярости и орет:

- Почему вы в меня стреляете?

Высокий мужчина приближается с широкополой шляпой в руке, кланяется и говорит:

- П'ошу п'ощения, сэ'. Я полковник Джэй, сэ', мне показалось, что вы оско'бляете меня, сэ', но вижу, что я ошибся. Очень 'ад, что не убил вас, сэ'.

- Я оскорбляю вас - чем? - вырывается у приезжего. - Я не сказал ни единого слова.

- Вы стучали по скамье, сэ', словно хотели сказать, что вы дятел, сэ', а я - п'инадлежу к д'угой по'оде. Я вижу тепе'ь, что вы п'осто выколачивали пепел из вашей т'убки, сэ'. П'ошу у вас п'ощения, сэ', а также, чтобы вы пошли и де'нули со мной по стаканчику, сэ', дабы показать, что у вас нет никакого осадка на душе п'отив джентльмена, кото'ый п'инес вам свои извинения, сэ'.

НЕ СТОИТ РИСКОВАТЬ

- Посмотрим, - сказал жизнерадостный импресарио, наклоняясь над географическим атласом. - Вот город, куда мы можем завернуть на обратном пути. Антананаиво, столица Мадагаскара, имеет сто тысяч жителей.

- Это звучит обещающе, - сказал Марк Твен, запуская руки в густые кудри. - Прочтите, что там есть еще по этому вопросу.

- Жители Мадагаскара, - продолжал читать жизнерадостный импресарио, - отнюдь не дики, и лишь немногие из племен могут быть названы варварскими. Среди мадагаскарцев много ораторов, и язык их полон фигурами, метафорами и притчами. Есть много данных, чтобы судить о высоте умственного развития населения Мадагаскара.

- Звучит очень хорошо, - сказал юморист. - Читайте дальше.

- Мадагаскар, - продолжал импресарио, - родина огромной птицы эпиорнис - кладущей яйца величиной в 15 с половиной на 9 с половиной дюймов, весом от десяти до двенадцати фунтов. Эти яйца...

- Не стоит читать дальше, - сказал Марк Твен. - Мы не поедем на Мадагаскар.

ЗЕЛЕНИЙ

- Я впредь буду иметь дело только с опытными приказчиками, освоившимися со всеми особенностями ювелирной торговли, - сказал вчера хаустонский ювелир своему другу. Видите ли, на рождественские праздники мы обычно нуждаемся в помощи и часто берем на эти дни людей, которые являются прекрасными приказчиками, но не посвящены в тонкости именно ювелирного дела. И вот тот молодой человек чрезвычайно исполнителен и вежлив со всеми, но благодаря ему я только что потерял одного из лучших своих клиентов.

- Каким образом? - спросил друг.

- Господин, всегда покупающий у нас, зашел с женой неделю тому назад, дал ей выбрать великолепную бриллиантовую булавку, обещанную им в качестве рождественского подарка, и попросил этого молодого человека отложить ее для него до сегодня.

- Понимаю, - сказал друг, - он продал ее кому-то другому, к великому разочарованию вашего клиента.

- Вы, по-видимому, недостаточно хорошо знаете психологию женатых людей, - сказал ювелир. - Этот идиот действительно сохранил отложенную булавку, и тому пришлось купить ее.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Все газеты обошло одно утверждение, касающееся хорошо известного женского недостатка - любопытства. Оно гласит, что если мужчина принесет домой номер газеты, из которого вырезан кусочек, жена его не успокоится до тех пор, пока не достанет другого экземпляра и не убедится, что именно было вырезано.

Один из хаустонских жителей настолько заинтересовался этим утверждением, что решил проверить его на опыте. Как-то вечером на прошлой неделе он вырезал из утренней газеты объявление о новом средстве против катара - так, дюйма на два - и оставил искалеченный номер на столе, где жена не могла его не заметить.

Он взял книгу и сделал вид, что поглощен ею, в то же время наблюдая за женой, просматривающей газету. Когда той попалось место, откуда была вырезана заметка, она нахмурилась, и серьезное раздумье отразилось на ее лице.

Однако, она ни слова не сказала, и муж никак не мог решить наверняка, возбуждено в ней любопытство или нет.

На следующий день, когда он вернулся к обеду, жена встретила его с пылающими глазами и зловещим дрожанием губ.

- Жалкий лживый негодяй! - вскричала она. - После стольких лет совместной жизни узнать, что ты низко обманывал меня, ведя двойную жизнь и навлекая позор и горе на твою ни в чем неповинную семью! Я всегда подозревала, что ты мерзавец и подлец, а теперь у меня в руках неоспоримое доказательство этого!

- Что - что - что ты имеешь в виду, Мэри? - вырвалось у него. - Я ничего не сделал!

- Конечно, ты готов добавить и ложь к списку твоих пороков! Раз ты делаешь вид, что не понимаешь меня - погляди на это!

Она держала перед ним неповрежденный экземпляр вчерашней утренней газеты.

- Ты рассчитывал скрыть от меня твои поступки, вырезав часть газеты, но я умнее, чем ты думал!

- Но это всего лишь шутка, Мэри. Я не думал, что ты отнесешься к этому серьезно.

- Ты называешь это шуткой, бессовестный негодяй! - вскричала жена, развертывая перед ним газету.

Муж взглянул - и прочел в смущении и ужасе. Вырезая объявление о катаре, он ни на минуту не подумал взглянуть, что стояло на обратной стороне его - и вот какая заметка должна была представиться глазам того, кто встретился с вырезкой, читая другую страницу листа:

Один из жителей города, видный делец, весьма весело проводил вчера время в одном из ресторанов, ужиная вместе с двумя хористками гастролирующей в настоящее время у нас комической оперы. Излишне громкий разговор и битье посуды привлекли внимание посторонних, но все было улажено, благодаря видному положению, занимаемому упомянутым джентльменом.

- Ты называешь это шуткой, старая ты гадина? - визжала возбужденная дама. - Я уезжаю к маме сегодня же вечером и намерена остаться там. Думал надуть меня, вырезав заметку, да? Ты низкая, транжириющая деньги змея - ты! Я уже упаковала свои сундуки и еду сию же минуту домой... не подходи ко мне!

- Мэри! - пролепетал не находивший слов муж. - Клянусь, что я...

- Не прибавляйте кощунства к вашим преступлениям, сэр!

Муж сделал три-четыре тщетных попытки заставить себя выслушать, а затем схватил шляпу и выбежал на улицу. Через четверть часа он вернулся с двумя шелковыми платьями, четырьмя фунтами конфет, бухгалтером и тремя приказчиками, чтобы доказать, что в упомянутый вечер он был по горло занят у себя в магазине.

Дело в конце концов было улажено к удовлетворению обеих сторон, но зато один из хаустонских жителей больше не испытывает любопытства по вопросу о женском любопытстве.

СПОРТИВНЫЙ ИНТЕРЕС

На задворках одной из крупнейших мануфактурных фабрик Хаустона кипит оживленная работа. Целый ряд рабочих хлопочет, подымая тяжести с помощью блоков и талей. Каким-то образом канат перетирается и подъемный кран летит вниз. Толпа с быстротой молнии рассеивается, кто куда. Сильный, режущий уши грохот, туча пыли и - труп человека под тяжелыми лесами.

Остальные окружают его и геркулесовыми усилиями стаскивают балки с исковерканного тела. Из грубых, но добрых грудей вырывается хриплый ропот жалости, и вопрос обегает все уста:

- Кто скажет ей?

В маленьком аккуратном домике близ железной дороги, который они, стоя, видят отсюда, ясноглазая, каштаново-олосая молодая женщина работает, напевая, и не знает, что смерть в мгновение ока вырвала ее мужа из числа живых.

Работает, счастливо напевая, в то время, как рука, которую она выбрала для защиты и поддержки в течение всей ее жизни, лежит неподвижная и быстро холдеет холодом могилы!

Эти грубые люди, как дети, стараются уклониться от необходимости сообщить ей. Их страшит принести весть, которая сменит ее улыбку на горе и плач.

- Иди ты, Майк, - говорят одновременно трое или четверо из них. - Ты, брат, ученее, чем кто-либо из нас, и будешь чувствовать себя, после того, как скажешь ей, как ни в чем не бывало. Пошел, пошел - и будь поласковее с женкой бедного Тима, пока мы попробуем привести труп в порядок!

Майк - приятного вида мужчина, молодой и дюжий. Кинув последний взгляд на злополучного товарища, он медленно направился вниз по улице к домику, где живет молодая жена - теперь, увы, вдова.

Прибыв на место, он не колеблется. Сердце у него нежное, но закаленное. Он поднимает щеколду калитки и твердым шагом идет к двери. Прежде, чем он успевает произнести хоть одно слово, что-то в его лице говорит ей всю правду.

- Что это было? - спрашивает она. - Внезапный взрыв или укус змеи?

- Подъемный кран сорвался, - говорит Майк.

- В таком случае я проиграла пари, - говорит она. - Я не сомневалась, что это будет - виски. Жизнь, господа, полна разочарований.

УМЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ

Сильный запах лука и того сорта спирта, который рекомендуется в рекламах "для технических целей", проникли сквозь замочную скважину, а немедленно за ними появился индивидуум, неся под мышкой внушительную рукопись, напоминавшую величиной скатанный кусок обоев.

Индивидуум принадлежал к типу, определяемому нашими английскими кузенами, как "представитель низших классов", а демагогической прессой, как "кости и нервы страны"; местом же его вторжения была святая святых великого техасского еженедельника.

Редактор сидел за письменным столом, вцепившись руками в свои скучные волосы и глядя с отчаянием на письмо, полученное от фирмы, у которой он брал в кредит бумагу.

Индивидуум пододвинул стул к самому креслу редактора и положил тяжелую рукопись на стол - так что последний даже затрещал под ее весом.

- Я работал над этим девятнадцать часов, - сказал он, - но, наконец, оно кончено.

- Что это такое? - спросил редактор. - Травокосилка?

- Это ответ, сэр, на послание президента: развенчание каждой и всех его проклятых доктрин, полный и уничтожающий образ каждого из утверждений и каждой из лживых и предательских теорий, им выдвинутых.

- Приблизительно сколько... гм.. сколько фунтов оно содержит, по-вашему? - спросил в раздумья редактор.

- Пятьсот двадцать семь страниц, сэр, и...
- Написано карандашом на одной стороне листа? - спросил редактор со странным блеском в глазах.

- Да, и здесь затронуто...
- Можете оставить рукопись, - сказал редактор, вставая со своего кресла. - Полагаю, что мы сумеем использовать ее надлежащим образом.

Индивидуум отчаянным усилием перевел дух и удалился, чувствуя, что решительный удар нанесен - тем, наверху.

Не прошло и десяти минут, как были приобретены шесть лучших резинок, и весь состав конторы приступил к работе над рукописью.

Великий еженедельник вышел вовремя, но редактор задумчиво взглянул на непогашенный с прошлого месяца счет за бумагу и сказал:

- Пока что - хорошо. Но хотел бы я знать, на чем мы будем печатать следующий выпуск!

ПРИМЕРЕНИЕ

Одноактная драма

Действующие лица: хаустонская супружеская чета.

Место действия: будуар супруги.

Он. А теперь, Виола, раз мы понимаем друг друга, не станем повторять этого еще раз. Забудем горькие слова, сказанные нами друг другу, и решим жить всегда в любви и в мире. (Берет ее за талию).

Она. Ах, Чарльз, ты не представляешь, как я счастлива! Разумеется, мы никогда больше не будем ссориться. Жизнь слишком коротка для того, чтобы изводить ее на мелкие дрязги и стычки. Будем идти по светлому пути любви и никогда больше не сойдем с него. Ах, какое блаженство сознавать, что ты любишь меня и что ничто никогда не встанет между нами! Совсем как будто вернулись прежние дни наших встреч у сиреневой изгороди, не правда ли? (Кладет голову ему на плечо).

Он. Да, и я еще срывал тогда гроздья и вплетал в твои волосы, и называл тебя царицей Титанией.

Она. Ах, это было прелестно! Я помню. Царица Титания? Ах, это одна из шекспировских героинь, которая еще полюбила человека с ослиной головой.

Он. Гм!

Она. Не надо. Я не имела в виду тебя. Ах, Чарльз, прислушайся к этим рождественским колоколам! Что за веселый день это будет для нас! Ты уверен, что любишь меня так же, как любил раньше?

Он. Больше! (Чмок!)

Она. Мои губки сладки?

Он. (Чмок! Чмок!)

Она. Ты хочешь их съесть?

Он. Все без остатка. Чья ты женушка?

Она. Моего собственного маленького мальчика.

Оба. (Чмок!)

Он. Слушай, колокола зазвонили опять. Мы должны быть вдвое счастливы, любовь моя, потому что мы переплыли бурные моря сомнений и гнева. Но теперь близок рассвет: розовая заря любви вернулась!

Она. И вечно останется. Ах, Чарльз, ни словом ни взглядом не причиним больше боли друг другу!

Он. Никогда! И ты не будешь больше бранить меня?

Она. Нет, любимый. Ты знаешь, я никогда не браню тебя, если ты не даешь мне повода.

Он. Иногда ты злишься и говоришь неприятности без всякого повода.

Она. Может быть, ты так думаешь, но это не так. (Отрывает голову от его плеча).

Он. Я знаю, о чём я говорю (Снимает руку с её талии.)

Она. Ты приходишь домой раздраженным, потому что не умеешь вести свои дела, как следует, и срываешь зло на мне.

Он. Я устаю от тебя. Ты наступаешь сама себе на уши, потому что ты принадлежишь к такой уж бездумной широкоротой породе и не в силах не делать этого.

Она. Ты старый беспринципный лгун из лгуньего рода, и не смей разговаривать так со мной, или я выцарапаю твои глаза!

Он. Ты проклятая бешеная кошка! Жалею, что меня не убило молнией прежде, чем я встретил тебя.

Она. (хватая щётку). Бах! Бах! Тррах!

Он. (после того, как выбрался на тротуар). Интересно, прав ли полковник Ингерсол, что самоубийство не грех?

Занавес.

ПЕРЕМУДРИЛ

Есть в Хаустоне человек, идущий в ногу с веком. Он читает газеты, много путешествовал и хорошо изучил человеческую натуру. У него естественный дар разоблачать мистификации и подлоги, и нужно быть поистине гениальным актером, чтобы ввести его в какое-либо заблуждение.

Вчера ночью, когда он возвращался домой, темного вида личность с низко надвинутой на глаза шляпой шагнула из-за угла и сказала:

- Слушайте, хозяин, вот шикарное бриллиантовое кольцо, которое я нашел в канаве. Не хочу наделать себе хлопот с ним. Дайте мне доллар и держите его.

Человек из Хаустона с улыбкой взглянул на сверкающий камень кольца, которое личность протягивала ему.

- Очень хорошо придумано, паренек, - сказал он. - Но полиция наступает на самые пятки таким, как ты. Лучше выбирай покупателей на свои стекла с большей осторожностью. Спокойной ночи!

Добравшись до дома, человек нашел свою жену в слезах.

- О, Джон! - сказала она. - Я отправилась за покупками нынче днем и потеряла свое кольцо с солитером! О, что мне теперь...

Джон повернулся, не сказав ни слова, и помчался по улице - но темной личности уже нигде не было видно.

Его жена часто размышляет на тему, отчего он никогда не бранит ее за потерю кольца.

ПОКУПКА ФОРТЕПЬЯНО

Человек из Хаустона решил несколько дней тому назад купить своей жене фортепьянно в качестве рождественского подарка. Надо при этом сказать, что между агентами по распространению фортепьяно больше соперничества, соревнования и обогоривания друг друга, нежели между людьми всех остальных профессий. Страховое дело и разведение фруктовых садов беззубые младенцы по сравнению с фортепьянной промышленностью. Человек из Хаустона - он видный адвокат - знал это и постарался посвятить в свои намерения самый ограниченный круг людей, опасаясь, что агенты станут досаждать ему. Он всего один раз справился в музыкальном магазине о ценах и решил через неделю-другую сделать свой выбор.

Выйдя из магазина, он по пути в свою контору завернул на почту.

Придя в контору, он нашел трех агентов, примостившихся в ожидании его в кресле и на письменном столе.

Один из них раскрыл рот первым и сказал:

- Слышал, что вы хотите купить фортепьянно, сэр. Стейнвей славится нежностью звука, прочностью, изяществом отделки, тоном, работой, стилем, качеством и...

- Чепуха! - сказал второй агент, проталкиваясь между ними и хватая адвоката за воротник. -

Возьмите Читтерлинг. Единственное фортепьяно в мире. Нежностью звука, прочностью, изяществом отделки, тоном, работой...

- Виноват! - сказал третий агент. - Не могу стоять рядом и видеть, как человека обжаливают. Фортепьяно Кроник и Барк нежностью звука, прочностью, изяществом отделки...

- Убрайтесь вон, все трое! - завопил адвокат. - Когда я хочу купить фортепьяно, я покупаю то, которое мне нравится. Вон из комнаты!

Агенты удалились, и адвокат занялся выпиской из какого-то дела. В течение дня пятеро из его личных друзей захотели порекомендовать различные марки инструментов, и адвокат начал раздражаться. Он вышел, чтобы пропустить стаканчик. Хозяин бара сказал ему:

- Послушайте, господин, мой брат работает на фортепьянной фабрике и он сболтнул мне, что вы хотите купить одно из этих там-тамов. Брат говорит, что по нежности звука, прочности, изяществу от...

- Черт побери вашего брата! - сказал адвокат.

Он влез в вагон трамвая, направляясь домой, и там внутри уже было четверо агентов, поджидавших его. Он отпрянул назад прежде, чем они его заметили, и остался на площадке. В ту же минуту вагоновожатый наклонился к нему и шепнул:

- Дружище, эпперсоновские фортепьяны, которые мой дядька распространяет в Южном Техасе, по нежности звука, прочности...

- Остановите вагон! - рявкнул адвокат.

Он слез и забился в темный подъезд, так что четверо агентов, также покинувших вагон, промчались, не заметив, мимо. Тогда он поднял с мостовой тяжелый булыжник, положил его в карман, задами пробрался к своему дому и, чувствуя себя в полной безопасности, направился к калитке.

Священник его прихода был сегодня с визитом у его семьи. В ту минуту, когда адвокат достиг калитки, он выходил из нее. Адвокат был гордым отцом новохоньского, всего двух недель от роду, ребенка, и священник, захотел поздравить его.

- Дорогой брат мой! - сказал священник. - Ваш дом скоро будет наполнен радостной музыкой. Это будет великое прибавление к вашей жизни. И вот - во всем мире нет ничего, что по нежности звука...

- Черт побери вас! И вы тоже будете бубнить мне про фортепьяно, завопил адвокат, извлекая булыжник из кармана.

Он швырнул камень и сбил высокую шляпу священника, так что она отлетела на другую сторону улицы, и пнул его в голень. Но священник верил в то, что церковь - христов воин, и двинул адвоката кулаком по носу, и они сцепились и покатились с тротуара на кучу сваленных кирпичей.

Соседи услышали шум, прибежали с фонарями и ружьями, и в конце концов недоразумение разъяснилось.

Адвокат был порядочно-таки избит, и пришлось послать за обслуживающим его семью врачом, чтобы малость починить его. Когда доктор наклонился к нему с липким пластырем в одной руке и свинцовой примочкой в другой, он сказал:

- Через день-два вы сможете выходить, и тогда я хотел бы, чтобы вы завернули насчет покупки фортепьяно к моему брату. Те, представителем коих он является, считаются лучшими по нежности звука, прочности, изяществу отделки, качеству и стилю - во всем мире.

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Юный лейтенант Болдуин ворвался вне себя в комнату генерала и хрюпlo крикнул:

- Ради бога, генерал! Скорей, скорей - и в путь! Орлиное Перо увез вашу дочь Инессу! Генерал Сплашер в ужасе вскочил на ноги.

- Как, - вскричал он, - Орлиное Перо, вождь Киомов, самого мирного племени в округе?

- Он самый.

- Милосердное небо! Вы знаете, что представляет из себя это племя, когда его затронут? Лейтенант бросил на своего начальника понимающий взгляд.

- Это самое мстительное, кровожадное и вероломное племя из всех индейцев запада, когда оно воюет, - ответил он. - Но в течение многих месяцев они были мирны, как никто.

- В путь, - сказал генерал. - Мы не можем терять ни минуты. Какие меры приняты?

- Пятьдесят кавалеристов готовы броситься в погоню, а Билл Острый Нож, знаменитый следопыт, готов указывать путь.

Десять минут спустя генерал и лейтенант, в сопровождении Билл Острого Ножа, помчались галопом во главе кавалерийского эскадрона.

Билль Острый Нож с тренированным чутьем пограничной ищейки шел по следу лошади Орлиного Пера с безошибочной быстротой.

- Помоги бог, чтобы мы не опоздали, - сказал генерал, пришпоривая своего задыхающегося скакуна. - Из всех вождей племени судьба выбрала именно Орлиное Перо! Он всегда казался нашим другом!

- Вперед! Вперед! - вопил лейтенант Болдуин. - Может быть, время еще не ушло!

Милю за милю оставляли за собой преследователи, не останавливаясь ни есть, ни пить, почти до самого заката солнца.

Билл Острый Нож показал на тоненькую струйку дыма вдали и сказал:

- Вот их лагерь!

Сердца всех людей готовы были выпрыгнуть наружу от возбуждения по мере приближения к указанному месту.

- Поспели ли мы во-время? - был немой вопрос в каждом мозгу.

Они вынеслись на открытый простор прерии и натянули поводья перед палаткой Орлиного Пера. Завеса у входа была опущена. Солдаты соскочили с коней наземь.

- Если случится то, чего я боюсь, - хрипело прошептал генерал лейтенанту, - это будет означать войну с племенем Киомов. О, почему он не выбрал кого-нибудь другого, вместо моей дочери?

В это мгновение завеса над входом приподнялась и Инесса Сплешер, генеральская дочь, дева тридцати восьми весен, показалась, неся в руке окровавленный скальп Орлиного Пера.

- Слишком поздно! - вскричал генерал, без чувств падая с лошади.

- Я знал это, - сказал Билл Острый Нож, скрещивая на груди руки со спокойной улыбкой. - Меня удивляет только, как он ухитрился добраться сюда живым.

НЕМНОГО МОКРО - И ТОЛЬКО

Когда пароход вошел в Арканзасскую бухту, пассажир - родом из Гальвестона - упал за борт. Ему был брошен спасательный круг, но он оттолкнул его с презрением. Была поспешно спущена шлюпка, которая и настигла утопающего, когда он во второй раз всплыл на поверхность. Десятки рук протянулись к нему, но он отверг их помощь. Он выплюнул добрую пинту соленой воды и прокричал:

- Уходите и оставьте меня в покое! Я шагаю по дну. Ваша шлюпка сию минуту врежется в песок. Я достигну берега вброд и немедленно отправлюсь в парикмахерскую, чтобы из меня выбили пыль. Здесь немного мокро, но насморк меня не пугает!

Тут он окончательно пошел ко дну, и шлюпка повернула обратно. Житель Гальвестона обнаружил до конца свое презрение ко всем другим портам, которые тоже имели дерзость считать себя глубоководными!

ОНА УБЕДИЛАСЬ

Хаустон - то самое место, где живет некая молодая особа, засыпанная по горло дарами богини Фортуны. Она прелестна с виду, блестяща, остра и обладает тем грациозным очарованием, не поддающимся описанию, но совершенно неотразимым, которое обычно называют личным магнетизмом.

Как ни одинока она в этом огромном мире и как ни преисполнена достоинств наружных и внутренних, однако, она - не пустая порхающая бабочка, и лесть бесчисленных вздохателей не

вскружила ей головы.

У нее есть близкий друг - молодая девушка, простая с виду, но наделенная тонким практическим умом - к которой она обычно и прибегает, как к мудрой советчице и наставнице, когда дело касается запутанных жизненных проблем.

Однажды она сказала Марианне - этой самой умной подруге:

- Как бы мне хотелось узнать, кто из моих льстивых поклонников честен и правдив в своих комплиментах! Мужчины ужасные обманщики, и они всегда расточают мне такие безоговорочные похвалы и произносят такие сладкие речи, что я так и не знаю, кто из них говорит честно и искренно - и, вообще, говорит ли честно и искренно хоть один из них!

- Я укажу тебе путь, - сказала Марианна. - В следующий раз, когда у тебя будут гости, продекламируй что-нибудь драматическое и потом скажи мне, как отзовется об этой попытке каждый из них.

Юной леди очень понравилась эта идея, и в ближайшую пятницу, когда с полдюжины молодых людей собрались вечером в ее гостиной, она вызвалась что-нибудь продекламировать.

У нее не было ни малейшего драматического дарования. Но она встала и дочитала до самого конца длинную поэму с массой жестов, вращением глаз и прижиманием рук к сердцу. Она проделала это очень скверно, обнаружив полное незнание правил дикции и экспрессии.

Позже ее подруга Марианна справилась у нее, как была встречена ее попытка.

- Ах, - сказала та, - они все столпились вокруг меня и, казалось, были восхищены до последней степени. Том и Генри, и Джим, и Чарли - все были в восторге. Они сказали, что Мэри Андерсон не может и сравниться со мной. Они говорили, что никогда в жизни не слышали такой степени драматизма и чувства!

- Все до одного хвалили тебя? - спросила Марианна.

- За одним исключением. Мистер Джудсон откинулся в кресле и ни разу не аплодировал. Когда я закончила, он сказал мне, что боится, что мое драматическое дарование очень невелико.

- Теперь, - спросила Марианна, - ты знаешь, кто из них правдив и искренен?

- Еще бы! - сказала прекрасная девушка, и глаза ее блеснули энтузиазмом. - Испытание было как нельзя более удачным. Я ненавижу этого гадкого Джудсона и намерена немедленно начать готовиться к сцене!

СПРАВЕДЛИВАЯ ВСПЫШКА

Он источал запах джина и его бакенбарды походили на цилиндрики музыкального яичка. Он вошел вчера в игрушечный магазин на главной улице города и с убитым видом прислонился к прилавку.

- Что-нибудь прикажете? - холодно спросил владелец.

Он вытер глаза красным платком далеко не первой свежести и сказал:

- Ничего решительно, благодарю вас. Я просто зашел сюда пролить слезу. Я не люблю делать свидетелями моего горя случайных прохожих. У меня есть маленькая дочка, сэр, пяти лет от роду, с золотыми выьющимися волосиками. Ее зовут Лилиан. Она говорит мне нынче утром: - "Папа, Санта Клаус принесет мне на рождество красный вагончик?" Это лишило меня последних сил, сэр, потому что, увы, я без работы и не имею ни гроша. Подумайте только, один красный вагончик сделает ее счастливой, а ведь есть дети, у которых сотни красных вагонов!

- Прежде, чем вы покинете магазин, - сказал владелец, - а вы это сделаете через какие-нибудь 15 секунд, я считаю долгом довести до вашего сведения, что мой магазин имеет отделение на Трэйнс-Стрит, в каковом отделении я вчера и находился. Вы вошли вчера и сообщили то же самое о вашей маленькой девочке, которую вы назвали Дэйзи, и я дал вам вагон. По-видимому, вы плохо помните имя вашей маленькой девочки.

Человек с достоинством выпрямился и направился к двери. Достигнув ее, он повернулся и сказал:

- Ее имя Лилиан-Дэйзи, сэр, а в вагоне, который вы мне дали, одно колесо соскаивает и с ручки сцарапана краска. У меня есть друг, владелец бара на Виллу-Стрит, который хранит его для меня до рождества, но мне будет стыдно за вас, сэр, когда Лилиан-Дэйзи увидит этот старый,

исцарапанный, дребезжащий, из вторых рук, оставшийся с прошлого года вагон. Но, сэр, когда Лилиан-Дэйзи опустится вечером на колени перед своей маленькой кроваткой, я скажу ей, чтобы она помолилась за вас и попросила небо смилиостивиться над вами. Есть у вас под рукой карточка с названием и адресом фирмы, чтобы Лилиан-Дэйзи правильно указала ваше имя в своей молитве?

ФАКТЫ, ФАКТЫ И ФАКТЫ

Было далеко за полдень и дневной штат уже разошелся по домам. Ночной редактор только что вошел, снял пиджак, жилетку, воротничок и галстук, закатил рукава сорочки, спустил с плеч подтяжки и подготовился засесть за работу.

Кто-то робко постучался в дверь снаружи, и ночной редактор гаркнул:

- Войдите!

Красивая молодая леди с умоляющими голубыми глазами и прической Психеи вошла со скатанной в трубку рукописью в руке.

Ночной редактор молча взял трубку и раскатал ее. Это была поэма, и он стал читать ее вполголоса, судорожно кривя челюсть, так как его органы речи были частично закупорены добрым четвертью плитки жевательного табака.

Поэма гласила:

РЕКВИЕМ

*Рассвет в окна немую муть
Проник, развеяв тьму,
Где он лежит, закончив путь,
Назначенный ему.
О, сердце, рвясь от тяжких мук,
Рыдая и стеная:
Мой alter ego, ментор, друг
Оторван от меня!
Когда в восторге он творил
В часы ночной тиши
Он слишком много в масло лил
Огня своей души.
И взрыв пришел. И яркий свет
Погас: не вспыхнуть вновь.
И не проснется мой поэт
Принять мою любовь!*

- Когда это случилось? - спросил ночной редактор.

- Я написала это вчера ночью, сэр, - сказала молодая леди. - Оно годится для печати?

- Вчера ночью? Гм... Материал немного лежалый, но все равно, в другие газеты он не попал. Теперь, мисс, - продолжал ночной редактор, улыбаясь и выпячивая грудь, - я намерен дать вам урок, как надо писать для газеты. Мы воспользуемся вашей заметкой, но не в такой форме. Сядьте в это кресло, и я напишу ее заново, чтобы показать вам, в какую форму надо облекать факт для печати.

Юная писательница уселась, а ночной редактор сдвинул брови и два-три раза перечитал стихотворение, чтобы схватить главные черты. Он небрежно набросал несколько строк на листе бумаги и сказал:

- Вот, мисс, та форма, в которой ваша заметка появится в нашей газете:

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Вчера ночью мистер Альтер Эго из нашего города, обладающий недюжинным поэтическим дарованием, был убит взрывом керосиновой лампы во время работы у себя в комнате.

- Как видите, мисс, заметка содержит все существенное, и, однако...

- Сэр! - воскликнула с негодованием юная леди. - Ничего этого абсолютно нет в стихотворении! Сюжет его вымыщен и целью стихотворения является изобразить горе друга поэта по поводу его безвременной смерти.

- Но, мисс, - сказал ночной редактор, - стихотворение ясно говорит о том, что в масло было подлито слишком много огня - или, вернее, в огонь слишком много масла - и что последовал взрыв, и что когда свет погас, джентльмен остался в положении, после которого он никогда уже больше не проснеться.

- Вы прямо ужасны! - сказала юная леди. - Отдайте мне мою рукопись. Я занесу ее, когда здесь будет редактор литературного отдела.

- Очень жаль, - возразил ночной редактор, возвращая ей свернутую в трубку рукопись. - У нас мало происшествий сегодня и ваша заметка была бы весьма кстати. Может быть, вам пришлось слышать о каких-нибудь несчастных случаях по соседству: рождениях, угонах, грабежах, разорванных помолвках?

Но хлопнувшая дверь была единственным ответом юной поэтессы.

РОКОВАЯ ОШИБКА

- Что ты такой мрачный сегодня? - спросил один из жителей Хаустона, завернув в сочельник в контору своего приятеля.

- Старая дурацкая шутка с перепутанными письмами - и я боюсь теперь идти домой. Жена прислала мне час тому назад с посыльным записку, прося отправить ей десять долларов и подождать ее здесь в три часа, чтобы пойти вместе за покупками. В это же время я получил счет на 10 долларов от торговца, которому я должен, с просьбой погасить его. Я нацарапал торговцу ответ: "Никак не могу выполнить просьбы. Десять долларов нужно для одной штучки, от которой не считаю возможным отказаться". Я сделал обычную ошибку: торговцу послал 10 долларов, а жене - записку.

- Разве ты не можешь пойти домой и объяснить жене ошибку?

- Ты не знаешь моей жены. Я уже принял все меры, какие мог. Я застраховался на 10.000 долларов от несчастного случая сроком на два часа, и жду ее сюда в течение ближайших пятнадцати минут. Передай всем моим друзьям прощальный привет, и если, когда будешь спускаться вниз, встретишь даму на лестнице - держись ближе к стенке!

ТЕЛЕГРАММА

Место действия: телеграфная контора в Хаустоне.

Входит очаровательное манто из черного велюра, отделанное шнурками и выпушками, с воротником из тибетской козы, заключающее в себе не менее очаровательную юную леди.

Юная леди. О, мне нужно немедленно послать телеграмму - будьте так добры, дайте мне, пожалуйста, бланков - штук шесть. (Пишет в течение 10 минут). Сколько это будет стоить?

Телеграфист. (Подсчитывает слова). Шестнадцать долларов девяносто пять центов, мэм.

Юная леди. Господи боже мой! У меня с собой только 30 центов. (Подозрительно). За что вы берете так много, когда почтой это стоит всего два цента?

Телеграфист. Мы берем за то, что доставляем корреспонденцию быстрее, чем почта, мэм. Вы можете послать телеграмму в 10 слов всего за двадцать пять центов.

Юная леди. Дайте мне еще один бланк, пожалуйста. Я думаю, одного хватит.

Через пять минут напряженной работы она представляет следующее:

"Кольцо ужасно красиво. Приходите ко мне как только сумеете. Ваша Мэми".

Телеграфист. Здесь одиннадцать слов. Это будет стоить тридцать центов.

Юная леди. Ах, какая жалость! Я как раз хотела на эти пять центов купить жевательную резинку.

Телеграфист. А вот посмотрим. Вы можете выбросить слово: "ужасно" - и все будет в порядке.

Юная леди. Но я не могу его выбросить! Вам следовало бы посмотреть на это кольцо. Я лучше дам вам 30 центов.

Телеграфист. Кому вы посылаете телеграмму?

Юная леди. Вы, кажется, слишком любопытны, сэр!

Телеграфист. Уверяю вас, мой вопрос не носит личного характера. Нам необходимы имя и адрес, чтобы знать, куда доставлять телеграмму.

Юная леди. Ах, да! Я не подумала об этом.

Она надписывает имя и адрес, платит 30 центов и уходит. Через двадцать минут она появляется снова, задыхаясь от быстрой ходьбы:

- Ах, я совсем забыла... Вы уже отослали?

Телеграфист. Да. Десять минут тому назад.

Юная леди. Такая жалость! Я совсем не то хотела сказать. Вы не можете протелеграфировать, чтобы изменили?

Телеграфист. Конечно. И у нас есть прелестные духи: фиалка. Не прикажете ли спрыснуть телеграмму?

Юная леди. О, да! Вы так любезны! Я непременно буду посыпать все свои телеграммы через вашу контору - вы до такой степени обязательны! Всего хорошего.

ОТКЛОНЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Фермер, живущий приблизительно в четырех милях от Хаустона, как-то на прошлой неделе заметил во дворе незнакомца, который вел себя не совсем обычным образом. На нем были парусиновые штаны, засунутые в сапоги, а нос у него был цвета прессованного кирпича. Он держал в руке заостренную палку фута в два длиной, втыкал ее землю, и, поглядев через нее в разных направлениях, переносил ее в другое место и повторял ту же процедуру.

Фермер вышел во двор и справился; что ему здесь нужно.

- А вот обождите минутку, - сказал незнакомец и, прищурившись, поглядел через палку на курятник. - Так. Это будет пункт Т. Видите ли, я принадлежу к разведывательному отряду инженеров, который проводит новую линию из Колумбуса, Огайо, до Хаустона. Понимаете? Остальные парни там за холмом с обозом и багажом. Свыше миллиона основного капитала. Понимаете? Меня послали вперед, чтобы найти место для большого узлового вокзала, стоимостью в 27.000 долларов. Стройка начнется как раз от вашего курятника. Я даю вам намек - соображаете? Требуйте основательно за этот участок. Тысяч пятьдесят они выложат. Почему? Потому что деньги у них есть и потому, что они должны строить вокзал в том самом месте, которое я укажу. Понимаете? Мне нужно ехать сейчас в Хаустон оформлять заявку, да забыл взять пятьдесят центов у казначея. Казначей - низенький человек в светлых брюках. Вы можете дать мне 50 центов, а когда парни подъедут попозже скажите им и они вам вернут доллар. Вы можете даже спросить с них пятьдесят тысяч, если...

- Брось эту палку через забор, возьми топор и наколи ровно половину этих вот дров - и я дам тебе четверть доллара и ужин, - сказал фермер. Улыбается тебе это предложение?

- Вы хотите отклонить возможность отдать часть своей земли под вокзал и получить за нее..?

- Да. Эта часть земли мне нужна под курятник.

- Вы, значит, отказываетесь взять за нее 50.000 долларов?

- Значит. Ты будешь колоть дрова или мне свистнуть собаку?

- Давайте ваш топор, мистер, и покажите, где дрова. Да велите вашей миссис поджарить лишнюю сковородку оладий к ужину. Когда эта железнодорожная линия Колумбус-Хаустон пройдет перед самым вашим забором, вы пожалеете, что не воспользовались моим предложением. Да скажите ей, чтобы она не пожалела к оладьям патоки и топленого масла. Понимаете?

НЕЛЬЗЯ ТЕРЯТЬ НИ МИНУТЫ

Молодая мать из Хаустона влетела на этих днях в страшном возбуждении к себе в квартиру и крикнула своей матери, чтобы та как можно скорее поставила на плиту утюг.

- Что случилось? - спросила та.

- Томми укусила собака, и я боюсь, что она бешеная. Ах, поторопись, мама! Не теряй ни минуты!

- Ты хочешь попробовать прижечь ранку?

- Нет - я хочу отутюжить голубую юбку, чтобы ее можно было надеть к доктору. Скорее, мама! Скорее!

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ЧТЕНИЯ МЫСЛЕЙ

Как ужасно было бы жить, если бы мы умели читать в мыслях друг друга! Можно с уверенностью сказать, что при таком положении вещей люди думали бы не иначе, как шепотом!

В качестве примера этому можно привести случай, имевший место в Хаустоне. Несколько месяцев тому назад очаровательная юная леди посетила наш город и дала ряд публичных сеансов чтения мыслей, проявив в этом отношении настоящие чудеса. Она легко разгадывала мысли любого из присутствовавших, находила спрятанный предмет после того, как брала за руку человека, его спрятавшего, и читала фразы, написанные на маленьких клочках бумаги людьми, отстоявшими от нее на значительном расстоянии.

Один из молодых людей Хаустона влюбился в нее, и после продолжительного ухаживания дело кончилось браком. Они занялись домашним хозяйством и некоторое время были счастливейшими из смертных.

В один прекрасный вечер они сидели на веранде своего домика, держа друг друга за руки, охваченные тем чувством близости и взаимного понимания, которое может дать только разделенная любовь. Вдруг она вскочила на ноги и сшибла его с веранды огромным цветочным горшком. Он поднялся в полнейшем изумлении, с чудовищной шишкой на голове, и попросил ее - если ей не трудно - дать объяснения.

- Тебе не удастся одурачить меня, - сказала она, сверкая глазами. Ты думал сейчас о рыжеволосой девушке по имени Мод с золотой коронкой на одном из передних зубов, одетой в легкую розовую кофточку и черную шелковую юбку. Ты представлял ее стоящей на Руск-Авеню под кедровым деревом, и жующей гуммипепсин, и называющей тебя "душечкой", и играющей твоей часовой цепочкой, и чувствующей, как твоя рука обвивает ее талию, и говорящей: - Ах, Джордж, дай же мне перевести дыхание! - в то время, как мать никак не дозволяется ее ужинать. Пожалуйста, не отрицай этого! И не являйся на порог дома прежде, чем заставишь себя думать о чем-нибудь лучшем!

Тут входная дверь захлопнулась, и Джордж остался наедине с разбитым цветочным горшком.

ЕГО ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС

На прошлой неделе труппа, делающая турне с пьесой "Громовержцы", дала в Хаустоне два спектакля - дневной и вечерний. На последнем видный политический деятель Хаустона занял одно из мест в самом первом ряду. В руках он держал блестящий черный шелковый цилиндр и оказался в страшно напряженном состоянии: так и ерзal в кресле, держа цилиндр перед собой обеими руками. Один из его приятелей, сидевший как раз сзади, наклонился к нему и справился о причинах такой возбужденности.

- Я скажу вам, Билл, - ответил политический деятель конфиденциальным шепотом, - в чем собственно дело. Я уже десять лет принимаю участие в политической жизни и меня за это время столько раз оклеветывали, обкладывали, смешивали с грязью и называли крепкими именами, что я подумал, что хорошо было бы, если бы ко мне хоть один раз прежде, чем я умру, обратились приличным образом - а нынче кажется, представляется единственная возможность к этому. Сегодня в одном из антрактов состоится сеанс престижитатора, и профессор черной магии, конечно, спустится в публику и скажет: - "Не будет ли кто-либо из джентльменов так любезен,

что одолжит мне шляпу?" Тогда я встану и протяну ему свою - и после этого я буду чувствовать себя хорошо целую неделю. Меня уже столько лет никто не называл джентльменом! Боюсь только, что разрыдаюсь, пока он будет брать у меня цилиндр... А теперь, извините, я должен быть наготове, чтобы кто-нибудь не опередил меня. Я отсюда вижу одного из гласных города со старым котелком в руке - и готов держать пари, что он здесь с этой же целью!

БУДЕМ ЗНАКОМЫ

Пальто его порыжело и шляпа уже вышла из моды, но пенсне на черной ленте придавало ему внушительный вид, а в манере держать себя были изысканность и непринужденность. Он вошел в новую бакалейную лавку, недавно открывшуюся в Хаустоне, и сердечно приветствовал ее владельца.

- Я должен представиться, - сказал он. - Мое имя Смит, и я живу рядом с квартирой, куда вы только что переехали. Видел вас в церкви в это воскресенье. Наш священник также обратил на вас внимание и после службы сказал мне: "Брат Смит, вы должны обязательно узнать, кто этот незнакомец с таким интеллигентным лицом, что так внимательно слушал меня сегодня". Как вам понравилась проповедь?

- Очень хороша, - сказал торговец, извлекая из банки какие-то смешные (точно с крылышками) ягодки.

- Да, это добродушный и красноречивый человек. Вы недавно занялись коммерцией в Хаустоне, не правда ли?

- Недели три, - сказал торговец, перекладывая нож для сыра из ящика на полку.

- Жители нашего города, - сказал порыжелый господин, - радушны и гостеприимны. К приезжим они относятся даже сердченее, чем к своим согражданам. А прихожане нашей церкви особенно внимательны к тем, кто заходит разделить с ними служение господу. У вас прекрасный подбор товаров.

- Так, так, - сказал торговец, поворачиваясь спиной и рассматривая жестянки с консервированными калифорнийскими фруктами.

- Всего лишь неделю назад у меня был спор с моим бакалейщиком о том, что он поставляет мне второсортные продукты. У вас, надо полагать, есть хорошие окорока и такие вещи, как кофе и сахар?

- Н-да, - сказал торговец.

- Моя жена заходила нынче утром навестить вашу и с большим удовольствием провела время. В какие часы ваша повозка объезжает улицу?

- Послушайте, - сказал торговец. - Я скупил тут весь остаток одной из бакалейных лавок и дополнил его массой новых товаров. В одной из старых книг я вижу против вашего имени сумму долга в 87 долларов 10 центов. Вам угодно еще что-нибудь взять сегодня?

- Нет, сэр, - сказал порыжелый субъект, выпрямляясь и сверкая глазами через пенсне. - Я просто зашел из чувства долга, присущего каждому христианину, чтобы приветствовать вас, но вижу, что вы не тот, за кого я вас принял. Мне не нужно вашей бакалеи. Черви в вашем сыре видны даже с той стороны улицы, а жена моя говорит, что ваша жена носит нижнюю юбку, сшитую из старой скатерти. Многие из наших прихожан заявляли, что от вас несло грязью в церкви и что вы немилосердно хранили во время службы. Моя жена вернет занятую сегодня утром у вашей жены чашку шпека, как только получу продукты из лавки, которая мне их поставляет. Всего хорошего, сэр.

Торговец тихо напевал про себя: "Никто играть со мной не хочет!" и машинально отколупывал свинец с одной из гирь, к вящему ущербу ее полновесности.

ОПАСНОСТИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Иеремия К. Дилуорти живет в конце Сан-Джакинто-Стрит. Он каждый вечер возвращается домой пешком. Первого января он пообещал жене, что в течение года ни разу не выпьет. Он тут же забыл свое обещание и второго января мы сошлись веселой компанией, так что когда он направился домой, он чувствовал себя несколько беззаботно.

Мистер Дилуорти - хаустонский старожил и в дождливые ночи всегда ходит по середине улицы, где мостовая лучше всего.

Увы! Если бы только мистер Дилуорти помнил обещание, данное им жене!

Он пустился в путь в полном порядке, но когда он шел уже по Сан-Джакинто-Стрит, ноги отнесли его к одной из сторон улицы.

Полисмен, стоявший на углу, услышал громкий крик ужаса и, обернувшись, заметил как какой-то человек судорожно взмахнул руками и затем исчез из виду. Прежде, чем полисмен мог кликнуть кого-либо, кто добрался бы до несчастного вплавь, человек всплыл в третий и последний раз и исчез уже навсегда.

Мистер Иеремия К. Дилуорти утонул в тротуаре.

ВЗДОХ ОБЛЕГЧЕНИЯ

Джентльмен из Хаустона, стоящий сотни тысяч и живущий на одиннадцать долларов в неделю, спокойно сидел в своей конторе несколько дней тому назад, как вдруг вошел человек самого отчаянного вида и осторожно прикрыл за собой дверь. У посетителя было лицо типичного негодяя, а в руке он чрезвычайно бережно держал продолговатый четырехугольный сверток.

- Что вам угодно? - справился капиталист.

- Мне угодно денег, - прошипел незнакомец. - Я умираю от голода, в то время, как вы катаетесь в миллионах. Видите этот пакет? Знаете, что в нем содержится?

Богач выскочил из-за стола, бледный от ужаса.

- Нет, нет! - вырвалось у него. - Не может быть, чтобы вы были так жестоки, так бессердечны!

- Этот пакет, - продолжал отчаянный человек, - содержит количество динамита, достаточное - если уронить его на пол - чтобы превратить все здание в бесформенную груду развалин.

- Только и всего? - сказал капиталист, опускаясь в свое кресло и со вздохом облегчения подымая выпущенную им из рук газету. - Вы даже не представляете, как вы меня перепугали. Я думал, что это слиток золота и что вы хотите под него денег!

НИЗКИЙ ТРИЮК

Когда актеру по ходу пьесы требуется написать письмо, он по установившемуся обычаю читает вслух слово за словом по мере занесения их на бумагу. Это необходимо для того, чтобы зрители знали его содержание, иначе фабула пьесы будет для них недостаточно ясна. Письмо, которое пишется на сцене, чаще всего имеет существенное значение для развития драматической интриги, и, конечно, пишущий должен читать вслух то, что он пишет, чтобы довести об этом до сведения аудитории.

Но во время представления пьесы "Монбарс" в Хаустоне, несколько дней тому назад, джентльмен, играющий роль отъявленного негодяя, воспользовался упомянутой выше особенностью писания сценических писем самым недостойным образом.

В последнем акте мистер Мантель, в роли Монбарса, пишет имеющее решающее значение письмо и - по обычаю - читает его по мере написания, строка за строкой. Негодяй прячется за пологом алькова и прислушивается в низкой радости к тому, что мистер Мантель сообщает публике совершенно конфиденциально. Затем он пользуется полученными таким недостойным образом сведениями, чтобы привести в исполнение свои дьявольские планы.

Пусть мистер Мантель незамедлительно обратит на это свое внимание. Человек, принадлежащий к его труппе и получающий, несомненно, очень приличное содержание, должен стоять выше этого и не злоупотреблять выгодами обыкновенного сценического приема.

ПАСТЕЛЬ

Над всем распростерла свои крылья черная ночь.
Он умоляет ее.

Его рука лежит на ее руке. Они стоят в холодной торжественной тьме и смотрят в ослепительно освещенную комнату. Его лицо бледно от ужаса. На ее лице написаны желание и презрительный упрек, и оно бледно от волнения перед неизбежным.

В десяти милях, на Гаррисбургском шоссе, уже прокричал свое "ку-ка-реку" петух с растрепанным хвостом, но женщина непоколебима.

Он умоляет ее.

Она стряхивает его руку со своей жестом, ясно говорящим об отвращении, и делает шаг по направлению к освещенной комнате.

Он умоляет ее.

Хрустальные блики луны дрожат на ветвях деревьев над ними. Звездная пыль осыпала грань, за которой начинается Непостижимое. Нечто Абсолютное царит над всем.

Грех - внизу. Наверху - мир.

Порыв норда хлестнул их резким ударом хлыста. Мимо проносятся экипажи. Изморозь ползет по камням, ложится хрустя вдоль перил и отбрасывает, как северное сияние, назад к луне ее вызывающие лучи.

Он умоляет ее.

Наконец, она поворачивается, убежденная.

Он настоял на своем отказать ее устрицами.

КОМНАТА С ПРЕДКАМИ

Пройдоха-репортер "Техасской Почты" направлялся вчера ночью к себе домой, когда к нему подошел худой, голодного вида человек с дикими глазами и изнуренным лицом.

- Не можете ли сказать мне, сэр, - спросил он, - где мне найти в Хаустоне семью самого что ни на есть низкого происхождения?

- Я вас не совсем понимаю, - сказал репортер.

- Позвольте объяснить вам, как обстоит дело, - сказал истощенный человек. - Я приехал в Хаустон месяц тому назад и стал искать меблированную комнату с пансионом, так как гостиницы мне не по средствам. Мне попался прелестный аристократического вида особнячок, и я зашел туда. Хозяйка комнат вышла в гостиную: очень представительная дама с римским носом. Я справился о цене и она назвала цифру:

- Восемьдесят долларов в месяц!

Я с таким глухим стуком ударился, отшатнувшись, о дверь, что она сказала:

- Вы, по-видимому, удивлены, сэр. Имейте, пожалуйста, в виду, что я вдова бывшего губернатора штата Вирджиния. У моей семьи очень высокие связи. Иметь в моем доме комнату с пансионом чрезвычайно лестно, сэр. Я не считаю никакие деньги достаточным эквивалентом пребыванию в моем обществе. Вы хотите комнату с отдельным ходом?

- Я зайду еще раз, - сказал я, и сам не помню, как выбрался оттуда и направился к другому - красивому трехэтажному особнячку с вывеской: "комнаты с пансионом и без".

У второй дамы были седые кудри и нежные, как у газели, глаза. Она была кузиной генерала Магона из Вирджинии и хотела 15 долларов в неделю за маленькую боковую комнатку с розовой вышивкой и олеографией, изображающей битву при Чанселорсвилле на стене.

Я пошел дальше по меблированным комнатам.

Следующая дама сообщила, что она произошла от знаменитого проповедника Аарона Бурра с одной стороны, и от знаменитого пирата капитана Кидда - с другой. В деловой жизни в ней проявлялись наследственные черты капитана Кидда. Она хотела получать с меня за помещение и пансион по 60 центов в час. Я обошел весь Хаустон и столкнулся с девятью вдовами судей Верховного суда, с двенадцатью отпрысками губернаторов и генералов, с двадцатью двумя развалинами, состоявшими в счастливом браке с полковниками, профессорами и мэрами - и все они расценивали свое общество в огромные цифры, а комнату и стол давали, по-видимому, как бесплатное приложение.

Но я к этому времени буквально умирал от голода, и потому снял на неделю комнату с пансионом в одном из красивых, стильных домов. Хозяйка была высокой представительной

дамой. Одну руку она постоянно упирала в бок, а в другой держала молитвенник и крюк для льда. Она говорила, что она тетка Дэви Крокета и до сих пор носит по нему траур. Ее семья считалась одной из первых в Техасе. Когда я въехал, был как раз час ужина, и я сразу же отправился к столу. Ужин подавался между шестью часами пятьюдесятью минутами и семью часами и состоял из покупного хлеба, молитвы и холодной подошвы. Я так устал за день, что немедленно после ужина попросил показать мне мою комнату.

Я взял свечу, вошел в указанное помещение и быстро замкнул за собой дверь. Комната была меблирована в стиле поля битвы при Аламо. Стены и пол были голы, как камень, а кровать была, как монумент - только жестче.

Около полуночи мне приснилось, будто я упал в куст шиповника, который страшно колется. Я вскочил и зажег свечу. Оглядев постель, я быстро оделся и воскликнул:

- Фермопилы имели одного вестника несчастья, но в Аламо таких вестников тысячи.

Я выскользнул за дверь и был таков.

Так вот, дорогой мой сэр, я недостаточно богат, чтобы платить за аристократическое происхождение и за предков содержателей пансионов. Я больше дорожу обыкновенными коронками своих зубов, чем геральдическими коронами своих хозяев. Я голоден, и в отчаянии, и ненавижу всякого, чья родословная восходит дальше отца с матерью. Я хочу найти комнату и стол у такой хозяйки, которая была в детстве подкинута сердобольным людям, чей отец имел пять судимостей и у которой вовсе не было никакого деда. Я хочу найти низкую по происхождению, вульгарную, нечистокровную, санкционную семью, в которой никогда не слышали о хорошем тоне, но которая может подать к обеду кусок жаркого по обычной рыночной цене. Есть хоть одна такая в Хаустоне?

Репортер печально покачал головой в ответ.

- Ни разу не слыхал о такой, - сказал он. - Здешние содержательницы пансионов сплошь аристократичны и цены заламывают выше любой примадонны.

- В таком случае, - сказал худосочный господин в полном отчаяния, угостите хоть стаканом грота!

Репортер надменно сунул руку в жилетный карман, но господин почему-то презрительно отвернулся и исчез во тьме плохо освещенной улицы.

ПРИТЧА ОБ Х-ЛУЧЕ

И случилось так, что Некто с Катодным Лучом обходил страну и показывал одним людям, за приличное вознаграждение, содержимое голов других людей и то, о чем они думают. И он ни разу не сделал ошибки.

И в одном из городов жил человек по имени Рюбен и дева по имени Руфь. И оба они любили друг друга и вскоре должны были стать мужем и женой.

И Рюбен пришел к Некоему и заказал у него за плату снимок с головы Руфи, чтобы узнать, кого в действительности она любит.

И позже пришла Руфь и также заказала Некоему, чтобы он узнал, кого в действительности любит Рюбен.

И Некто сделал так, как они просили, и получил два хороших негатива.

Тем временем Рюбен и Руфь признались друг другу в том, что они сделали, и на следующий день они пришли рука об руку, чтобы Некто дал им ответ. И он, увидев их, написал каждое из имен на отдельном клочке бумаги и дал им их в руки.

- На этих клочках бумаги, - сказал Некто, - вы найдете имена тех, кого каждый из вас любит в действительности, как это обнаружено моим чудесным Катодным Лучом.

И человек и дева взглянули на клочки бумаги и увидели, что на одном написано: "Рюбен", а на другом: "Руфь", и были они преисполнены радостью и счастьем, и ушли, обнимая друг друга.

Но Некто с Лучом забыл им сказать, что сделанные им снимки показывали, что голова Рюбена была полна глубокой и неувядающей любовью к Рюбену, а голова Руфи - глубокой и неувядающей любовью к Руфи.

Мораль этой притчи в том, что владелец Луча, по-видимому, хорошо знал свое дело.

ВСЕОБЩАЯ ЛЮБИМИЦА

Наиболее популярная и повсеместно любимая девушка в Соединенных Штатах - мисс Анни Вильямс из Филадельфии. Нет такого человека, который не имел бы хоть раз в жизни ее изображения. Его добиваются иметь больше, нежели фотографии самых выдающихся красавиц. На него больший спрос, чем на портреты всех знаменитейших мужчин и женщин мира, вместе взятых. И тем не менее, это - скромная, милая и, пожалуй, даже предпочитающая одиночество молодая девушка далеко не чисто-классического типа.

Мисс Вильямс скоро выйдет замуж, но полагаем, что борьба за обладание ее изображениями будет идти по-прежнему.

Она - та самая девушка, чей профиль послужил моделью для головы Свободы, выбитой на серебряной монете достоинством в один доллар.

СПОРТ И ДУША

- Литературный редактор принимает?

Редактор отдела спорта поднял глаза от газеты, которую он читал, и увидел перед собой воплощение женственной прелести, лет двадцати отроду, с нежными голубыми глазами и с тяжелой массой коричневато-золотистых волос, собранных в самую модную и как нельзя более идущую прическу.

- Ни-ни, - сказал спортивный редактор. - Можете поставить сто против одного, что его нет. Вы зашли насчет стихотвореньца или хотите, чтобы он спер для вас пару лишних купонов на получение в премию велосипеда?

- Ни то и ни другое, - сказала юная леди с достоинством. - Я секретарь Хаустонской Лиги Этической Культуры для Молодых Девиц, и меня делегировали к редактору литературного отдела вашей газеты, чтобы он порекомендовал нам, как лучше и шире всего развить наши функции.

- Вот это хорошая штука, - сказал спортивный редактор. - Не улавливаю в точности, что такое этическая культура, но если это нечто похожее на физическую, то вы, барышня, попали как раз на нужного человека. Я могу за одну минуту дать вам больше ценных сведений для развития ваших функций, чем литературный редактор за целый час. Он знает все решительно о происхождении пирамид, но он не сделает ни одного шага, чтобы научить вас, как увеличить размеры вашей груди хотя бы на полдюйма. Сколько времени ваша лига занимается тренировкой?

- Мы организовались в прошлом месяце, - ответила посетительница, рассматривая жизнерадостное лицо редактора с некоторым сомнением.

- Ну-с, а как вы, девицы, дышите - легкими или диафрагмой?

- Сэр!?

- О, вы должны приниматься за дело немедленно и вам надо знать, какой способ дыхания правильный и какой нет. Первое дело - держать грудь вперед, плечи назад, и в течение нескольких дней проделывать упражнения с руками. Затем попробуйте вот что: выпрямьте верхнюю часть туловища и, стоя на одной ноге, постарайтесь...

- Сэр! - сурово воскликнула юная леди. - Вы слишком самоуверенны. Я не понимаю, о чем вы говорите. Наше общество не имеет никакого отношения к гимнастике. Наша цель - поощрение социальной этики.

- О! - разочаровано протянул спортивный редактор. - Так это все-таки общество - и чай в розовых чашечках... В таком случае это не по моей специальности. Полагал, что вы интересуетесь атлетикой. Вы смело могли бы! Послушайтесь моего совета и проделывайте это упражнение каждое утро в течение недели. Вы будете изумлены, когда увидите, насколько оно разовьет вашу мускулатуру. Как я уже говорил, станьте на одну ногу...

Бах! - хлопнула дверь, и голубоглазое видение исчезло.

- Ужасно жалко, - сказал спортивный редактор, - что наши девицы никак не хотят

заниматься саморазвитием без... без этой самой этики!

ГТОВНОСТЬ НА КОМПРОМИССЫ

Подойдя к бару, он подтянул обеими руками воротник и поправил старый красный галстук, который упорно хотел заползти ему за ухо.

Владелец бара взглянул на него и продолжал крошить в посудину лимонную корку.

- Послушайте, - сказал субъект с красным галстуком, - мне прямо-таки больно думать об этом.

- О чем? - спросил владелец. - О воде?

- Нет, сэр. Об индифферентизме, проявляемом населением штата, в вопросе о поднесении достойного подарка дредноуту "Техас". Это позор для нашего патриотизма! Я беседовал с Вудро Вильсоном по этому поводу и мы оба решили, что что-нибудь необходимо предпринять немедленно. Вы дадите два доллара в фонд на приобретение подарка дредноуту?

Владелец бара протянул руку назад и снял с полки стакан.

- Я, может быть, дам вам и 10 долларов, - сказал он, - но вот стакан виски, в который я по ошибке капнул скрипидаром нынче утром и забыл выплеснуть. Это может заменить?

- Может, - сказал субъект в красном галстуке, потянувшись к стакану, - и я также собираю пожертвования в пользу голодающего населения Кубы. Если вы хотите поддержать гуманное начинание, но не располагаете свободной наличностью, фужер пива со случайно попавшей мухой...

- Катись дальше, - сказал владелец бара. - В заднюю дверь заглядывает член евангелической конгрегации, а он не войдет, пока кто-нибудь здесь есть.

ИСПОРЧЕННЫЙ РАССКАЗ

Недавно вечером в довольно грязной ресторанчик, имевший вообще малозавидную репутацию, в небольшом городке на линии Центральной железной дороги вошел верзила самого отчаянного вида. Он подошел к бару и громко потребовал, чтобы все находившиеся в ресторанчике присоединились и выпили вместе с ним. Толпа быстро двинулась к бару при этом приглашении, так как субъект был почти вдребезги пьян и несомненно опасен в таком состоянии.

Лишь один человек не откликнулся на приглашение. Это был невысокого роста господин, чисто одетый, который спокойно сидел в кресле и лениво разглядывал толпу. Внимание физиономиста было бы привлечено выражением его лица, соединявшим в себе холодную решимость и силу воли. У него была плотная квадратная челюсть и пристальные серые глаза - с тем своеобразным оттенком серого цвета, который больше говорит о таящейся за ним опасности, нежели какой-либо другой.

Хулиган обернулся и увидел, что нашелся один, который не откликнулся на его приглашение.

Он повторил его во всю силу своих легких.

Невысокий господин встал и спокойно подошел к пьяному верзиле.

- Виноват, - сказал он негромким, но решительным голосом. - Я несколько туг на ухо и не рассышал, что вы сказали в первый раз. Гоните сюда виски! Живо!

И еще один рассказ был испорчен для печати.

НИКАКОГО ИСХОДА

- Джон, - сказал на этих днях хаустонский бакалейный торговец одному из своих приказчиков, - вы были мне верным и исполнительным служащим и, чтобы показать вам свою признательность, я решил взять вас в дело компаньоном. С этого дня вы имеете часть в деле и являетесь участником фирмы.

- Но, сэр, - сказал обеспокоенный Джон, - у меня семья на плечах. Я ценю оказанную мне честь, но боюсь, что я слишком молод для столь ответственного положения. Я предпочел бы остаться в прежних условиях.

- Ничего не могу поделать, - сказал торговец. - Времена теперь тяжелые, и с целью сократить

расходы я не остановлюсь даже перед тем, чтобы сделать всех своих приказчиков компаньонами!

СТРЕЛЯННЫЙ ВОРОБЕЙ

В прошлую субботу субъект без воротничка, в белом жилете и с дырявыми локтями, бодро вошел в бакалейную лавку на Конгресс-Стрит с пакетом в руке и сказал:

- Вот, Фриц, я купил у вас сегодня две дюжины яиц, и, должно быть, ваш приказчик ошибся...

- Поди сюда, Эмиль, - закричал торговец, - ты надул этого джентльмена, подсунув ему тухлые яйца. Дай ему еще дюжину и...

- Вы меня не так поняли, - сказал покупатель с приятной улыбкой. Ошибки не в этом. Яйца хороши, но вы положили их больше, чем нужно. Я уплатил всего за две дюжины, а дойдя до дома, обнаружил, что их в мешке 36 штук. Я хочу возвратить лишнюю дюжину и для этого вернулся назад. Я...

- Эмиль! - снова крикнул мальцу торговец. - Немедленно дай этому господину две дюжины яиц. Ты подсунул ему тухлые яйца. Не делай этого больше, или я уволю тебя.

- Но, сэр, - сказал человек в белом жилете с нотками беспокойства в голосе. - Вы дали мне больше яиц, чем следует на мои деньги, и я хочу вам вернуть дюжину. Я слишком честен, чтобы...

- Эмиль, - сказал торговец, - дай этому господину три дюжины самых свежих яиц и пусть он уходит. Если мы отпускаем плохие яйца, мы их заменяем хорошими. Попспеши, да положи на всякий случай три-четыре штуки лишних.

- Но выслушайте меня, сэр, - сказал человек. - Я хочу...

- Вот что, мой друг, - сказал тихо торговец, - вы лучше забирайте эти яйца и идите домой. Я знаю, для чего вы принесли яйца назад. Если я их возьму у вас, я скажу: ну, это очень хороший человек, он честно поступил с этими яйцами, не правда ли? А потом вы придетете в понедельник и возьмете у меня на 9 долларов муки, и ветчины, и консервов, и скажете, что заплатите в субботу вечером. Я стрелянnyй воробей, меня на мякине не проведешь. Вы лучше заберите эти три дюжины яиц и считайте, что сделали хорошее дело. Мы всегда исправляем мелкие ошибки, если нам случится сделать. Эмиль, клади уж прямо три с половиной дюжины - да прибавь штук пять леденцов для ребят!

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

- Как я удерживаю Джона дома по вечерам? - сказала хаустонская дама своей подруге. - Видишь ли, я однажды по вдохновению придумала способ - и он прекрасно действует до сих пор. Джон ежедневно уходил из дома после ужина и возвращался не раньше 10-11 часов. В один прекрасный вечер он ушел, как всегда, но пройдя несколько кварталов, заметил, что забыл взять зонтик, и вернулся за ним. Я сидела и читала в гостиной, и он, подойдя сзади на цыпочках, закрыл мне руками глаза. Джон ожидал, вероятно, что я перепугаюсь, но я только спросила тихо:

- Это ты, Том?

С тех пор Джон все вечера проводит дома.

ПОЧЕМУ КОНДУКТОРА НЕОБЩИТЕЛЬНЫ

Трамвайных кондукторов бестактная публика часто выводит из себя; но им запрещено выражать и тем более облегчать свою душу. Вот рассказ одного из кондукторов о случае, имевшем место несколько дней назад.

В числе пассажиров - а вагон был переполнен - находилась чрезвычайно изящно одетая дама с маленьким мальчиком.

- Кондуктор, - сказала она томно, - дайте мне знать, когда будет Роу-Стрит.

Когда вагон поровнялся с этой улицей, кондуктор дернул веревку звонка и остановил вагон.

- Роу-Стрит, сэр, - сказал он, проталкиваясь ближе, чтобы помочь даме выйти.

Дама поставила маленького мальчика на колени и указала ему в окно на дощечку с названием улицы, прикрепленную к забору.

- Посмотри, Фредди, - сказала она, - вот эта высокая прямая буква со смешной завитушкой вверху - "Р". Постарайся запомнить. Можете пускать вагон, кондуктор. Мы выходим на Грэй-Стрит.

ПО ВДОХНОВЕНИЮ

Он сидел на перевернутом вверх дном пустом ящике под холодным моросящим дождем. Это было вчера, поздно вечером, на главной улице Хаустона. Одет он был бедно, и его толстое пальто с поднятым воротником было застегнуто доверху. На его лице застыло выражение горестного замешательства, и во всем его виде было что-то такое, что отличало его от обыкновенного бродяги, строящего свою жизнь на обманах и надувательствах.

Журналист из "Техасской Почты" почувствовал к нему жалость и, подойдя, сказал:

- Сразу же за углом есть место, где вы сможете найти еду и ночлег за сравнительно небольшую сумму. Как давно вы попали в Хаустон?

Человек посмотрел на репортера своими маленькими острыми глазками и спросил:

- Вы новый человек в газете, не так ли?

- Да, более или менее.

- Видите этот квартал, застроенный сплошь трехэтажными домами?

- Вижу!

- Так вот, все эти дома принадлежат мне, и я сижу здесь и размышляю, что мне делать.

- Что именно вас беспокоит?

- А видите ли, стены дают трещины и расползаются, и я боюсь, что мне придется всадить уйму денег в ремонт. У меня свыше ста квартирнанимателей во всех этих зданиях.

- Я вам скажу, что делать.

- Ну?

- Вы говорите, стены расползаются?

- Да.

- В таком случае жилая площадь квартир увеличивается. Повысьте на этом основании квартирную плату.

- Молодой человек, вы гений! Я завтра же увеличу ее на двадцать процентов.

И таким образом был спасен еще один капиталист.

РАЗГАДКА

В оранжерее одного из роскошнейших особняков Хаустона стоял со сложенными на груди руками и улыбкой сфинкса на лице Роланд Пендергаст и глядел сверху вниз на сидевшую в кресле Габриэль Смитерс.

- Почему, - говорил он, - меня так влечет к вам? Вы не прекрасны, вам не хватает апломба, грации и *savoir faire*. Вы холодны, несимпатичны, и у вас кривые ноги. Я пытался проанализировать вашу власть надо мной - и не мог. Мы связаны друг с другом таинственной цепью телепатических явлений, но какова их природа? Мне противно думать, что я влюблена в женщину, у которой нет ни шика, ни *naivete*, ни передних зубов, но рок судил так. Все в вас отталкивает меня, но я не в силах вырвать вас из своего сердца. Днем вы наполняете мои мысли; ночью - кошмары. Вы сложены уродливо; но когда я прижимаю вас к своему сердцу, странный восторг наполняет его. Я не могу вам сказать, почему я люблю вас, как не могу сказать почему

парикмахер может скоблить бритвой чью-нибудь голову четверть часа и не задеть воспаленного места. Говорите, Габриэль, скажите мне, в чем заключаются чары, которыми вы околдовали меня?

- Я скажу вам, - ответила Габриэль с мягкой улыбкой. - Я уже многих мужчин очаровывала этим. Когда я помогаю вам надеть пальто, то никогда не засовываю под него руку и не пытаюсь одернуть ваш пиджак.

ДОРОГО, КАК ПАМЯТЬ

- Предложенная цена?

Аукционер высоко поднял детскую лошадь-качалку, поломанную и грязную. Она принадлежала кому-то из младших членов семьи человека, чье имущество продавалось с молотка.

Он был разорен вконец. Он отдал все, что у него было, своим кредиторам - дом, обстановку, лошадей, товары и землю. Он стоял в толпе и смотрел, как вещи, составлявшие его домашний очаг и доставшиеся ему от родителей, расходились по сотням незнакомых рук.

Женщина в густой вуали опиралась на его руку.

- Предложенная цена?

Аукционер высоко поднял игрушку, чтобы ее было видно всем. Детские ручонки оборвали и без того скучную гриву; уздечка была перекручена и потерта от прикосновений нежных пальчиков. Толпа молчала.

Женщина под густой вуалью зарыдала и протянула руки.

- Нет, нет, нет! - вырвалось у нее.

Мужчина был бледен от волнения. Маленькое существо, когда-то скакавшее на этой лошадке, много лет назад ушло и потерялось в широком мире. Это было все, что осталось в воспоминании о счастливых днях детства.

Аукционер со странным влажным блеском в глазах передал мужчине игрушку, не говоря ни слова. Тот схватил ее жадными руками и, вместе с женщиной под густой вуалью, поспешил прочь.

По толпе пробежал шепот сочувствия.

Мужчина и женщина вошли в одну из пустых комнат и поставили на пол лошадь-качалку. Он вынул перочинный нож, вспорол грудь лошади и извлек оттуда пачку кредиток. Он пересчитал их и сказал.

- Меня мороз пронизывает по коже при мысли, что кто-нибудь мог предложить за нее несколько центов! Восемь тысяч пятьсот долларов - но этот аукционер чуть-чуть не испортил всей штуки!

НИКАК НЕ МОГ УГАДАТЬ

Субъект с длинным, острым носом и с огромным тюком на ремне поднялся по ступенькам на крыльцо мрачного кирпичного дома, скинул тюк, дернул звонок, а потом снял шляпу и вытер пот со лба.

Женщина открыла дверь, и он сказал:

- Мэм, я имею предложить целый ряд не только полезных, но прямо необходимых вещей, которые я хотел бы показать вам. Во-первых, попрошу вас взглянуть на эти изумительные жизнеописания великих людей и путешествия в разные страны в роскошных переплетах самых лучших авторов. Продаются исключительно по подписке. Переплет сделан...

- Мне нечего их смотреть. У нас ос...

- Особые вкусы, а? В таком случае, мэм, вот кубики для маленьких детей под названием "Юный строитель". Чрезвычайно полезно и занимательно. Нет? Тогда разрешите показать вам

прелестные кружевные шторы для гостиной, ручной работы и совершенно даром. Могу...

- Не надо! Не надо! У нас ос...

- Осторожное отношение к торговцам в разнос? Все, что я продаю, мэм, я продаю с гарантией. Вот, например, остроумнейшее приспособление, чтобы будить по утрам ленивых слуг. Стоит только нажать эту кнопку...

- Говорю вам, у нас ос...

- Острая нужда в деньгах? Пусть это не беспокоит вас, мэм. Я могу предоставить кредит до следующего посещения этого района или на любой указанный вами срок. Взгляните, мэм, на эту веревку для белья. Она не требует никаких прищепок и может быть прикреплена к чему угодно - забору, дереву, шесту. Ее можно снижать и натягивать в одну секунду, и для большой стирки это совершенно незаменимое...

- Я все пытаюсь сказать вам, - перебила женщина, - что у нас оспа в доме, и мы...

Длинноносый субъект судорожно схватил свои товары и скатился со ступеней в две секунды. Женщина тихо закрыла за ним дверь, а подъехавший в эту минуту мужчина вылез из экипажа и прикрепил к дому желтый флаг.

НЕСМОТРЯ НИ НА КАКУЮ НАУКУ

Человек, следящий за всеми новейшими открытиями и достижениями - тот же "пророк в своем отечестве". Он знает все решительно о бациллах и микробы и обо всем многообразии вновь открытых врагов человечества. Он читает все газеты и наматывает на ус все предостережения, необходимые для долголетия и здоровья как физического, так и умственного. Он остановил вчера на Мэйн-Стрит приятеля, который спешил на почту, и сказал, вне себя от волнения:

- Минуточку, Браун. Вы куда-нибудь кусали ногти?

- Полагаю, что да - нет, впрочем, не знаю! Извините меня, пожалуйста, я должен вскочить в трамвай.

- Погодите вы! Боже милосердный, вы не представляете, какая вам грозит опасность! Если острые частицы ногтя попадают к вам в легкие, начнется воспалительный процесс, который завершится поражением тканей, упадком сил, кровохарканьем, припадками, летаргией, туберкулезом и смертью. Подумайте об этом! И, между прочим, обнаружена очень опасная бацилла, возникающая в воде, в которой стояли розы. Хочу предостеречь вас. Знаете ли вы, что...

- Послушайте, старина, премного вам обязан, но это письмо...

- Что значит письмо в сравнении с вашей жизнью! В ложке обыкновенной ключевой воды находится свыше десяти миллионов живых существ; науке известны две тысячи их разновидностей. Вы солите пиво, когда пьете?

- Не знаю. Право же, я должен идти. Я...

- Не делайте меня ответственным за вашу жизнь - я пытаюсь ее спасти. Да знаете ли вы, что всякий прожитый нами день есть уже чудо! В каждом стакане пива находится бесконечно малое количество хлористоводородной кислоты. Соединение ее с солью дает чистый хлор. Вы поглощаете хлористый газ каждый день вашей жизни. Остановитесь, пока не поздно!

- Я не пью пива!

- Но вы дышите через рот во время сна. Вы знаете к чему это ведет? К грудной жабе и бронхиту. Или вы твердо решили, чтобы невежество привело вас к могиле? Подумайте о жене и детях! Известно ли вам, что обыкновенная комнатная муха носит на подушечках своих ног сорок тысяч микробов и служит распространителем холеры, тифа, дифтерита, скарлатины и...

- К черту микробов! У меня ровно три минуты, чтобы успеть сдать письмо. Всего!

- Одну секундочку! Доктор Пьер Пастер говорит, что...

Но жертва исчезла.

Десять минут спустя живой каталог новейших открытий был сбит с ног трамваем в то время, как пересекал улицу, поглощенный чтением о вновь изобретенном фильтре, и сочувствующие друзья отнесли его домой на руках.

"ДУРНОЙ" ЧЕЛОВЕК

Один смелый и "дурной" человек привлек на этих днях всеобщее внимание в одном из городов Техаса. По-видимому, он поглотил такое количество спиртных напитков, что им овладело желание во что бы то ни стало продемонстрировать свои особенности "дурного" человека. А когда полиция захотела арестовать его, он встал спиной к стене здания и предложил полиции "попробовать". Значительная толпа горожан - в том числе несколько коммивояжеров из находившейся неподалеку гостиницы - собралась поглязеть на происходящее.

"Дурной" человек был огромным, свирепого вида парнем с длинными курчавыми волосами, ниспадавшими на плечи, в широкополой шляпе, в плаще из лосины с бахромой внизу и с весьма образным лексиконом. Он играл громадным шестизарядным револьвером и клялся костьми Дэви Крокета, что продырявит каждого, кто попробует его схватить.

Шериф города вышел на середину улицы и стал было уговаривать его, но "дурной" человек гаркнул и поднялся на носки - и вся толпа очутилась на противоположной стороне улицы. Полисмены устроили совещание, но ни один из них не хотел начинать военные действия первым.

В это время маленький, худосочный, чахоточного вида вояжерчик, разъезжавший от одной из обувных фабрик Коннектикута, протиснулся через толпу на противоположной стороне улицы, чтобы взглянуть на бандита. Он весил какие-нибудь девяносто фунтов и носил двойные очки в золотой оправе. В эту самую минуту бандит гаркнул еще раз:

- Черт вас подери, почему никто из вас не подойдет и не попробует взять меня? Я проглошу любых пятерых из вас, даже не разжевывая, хотя я совсем не голоден - га! га!

Толпа подалась назад еще на несколько ярдов, а полисмены побледнели еще больше. Но худосочный человечек поправил обеими руками очки, шагнул с тротуара на мостовую и внимательно оглядел "дурного" человека. Затем он спокойно направился через улицу смешной подпрыгивающей походкой - прямо туда, где стояло воплощение ужаса.

Толпа завопила, чтобы он вернулся, а бандит еще раз потряс своим револьвером, но маленький человечек подошел к нему в упор и сказал что-то. Зрители затрепетали, ожидая, что смельчак полетит наземь с сорокапяти миллиметровой пулей внутри - но он не полетел. Все с изумлением увидели, как бандит опустил револьвер, сунул руку в карман и передал что-то маленькому человечку.

После этого бандит робко поплелся по тротуару, а человечек пересек улицу и присоединился к толпе.

- "Дурной" человек? - сказал он. - Полагаю, что нет. Он не способен обидеть и муху. Это - Зеке Скиннер. Он вырос на ферме в Коннектикуте по соседству со мной. Он представитель какого-то дутого средства от печени, и это его обычный уличный трюк, чтобы привлечь внимание толпы. Я дал ему взаймы восемь долларов в Гартфорде лет девять тому назад и думал, что уже никогда больше его не увижу. Его голос показался мне знакомым. Уплатил? Надо думать, что уплатил. Я всегда получаю то, что мне следует.

После этого толпа рассеялась, а двенадцать полисменов перехватили Зеке на ближайшем углу и избивали его до самого участка.

МАЛЕНЬКАЯ ОШИБКА

Самого обыкновенного вида субъект в сорочке-неглиже, вышедшей из моды еще в прошлом году, вошел в контору газеты и развернул рукопись длиною в добрых три фута.

- Я хотел повидать вас относительно этой небольшой вещицы, которую я собираюсь поместить у вас в газете. Здесь пятнадцать четверостиший, помимо прозаического материала. Стихи трактуют о весне. Мой почерк немного неразборчив, и мне придется прочесть вам это самому. Благоволите послушать.

ВЕСНА

Воздух полон нежных зефиров,
Трава в зеленые коврики вяжется.
Зима ушла из наших квартир,
А весна пришла, как мне кажется.
Когда солнце заходит, туманы

*Ползут из низких болот,
А когда звезды зажигаются, освещая заоблачные страны,
Холодный ветер дует, принося много хлопот.*

- Отнесите эту ерунду в редакцию, - сказал заведующий конторой коротко.

- Я там уже был, - возразил обыкновенного вида субъект, - и они направили меня сюда. Это заполнит целый столбец. Я хочу поговорить с вами о цене. Последнее четверостишие читается так:

Весенняя томность, чему есть примеры,
Закупоривает нашу кровь в сердцах
И мы должны немедленно принимать меры,
Чтобы не обратиться в то, чему имя "Прах".

- За этим следует прозаический материал, который написан на машинке, как вы можете видеть, и вполне разборчив. Теперь я...

- К черту! - сказал заведующий конторой. - Нечего вам тут шляться в контору и читать ваш старый весенний бред. Мне и так все утро досаждали представители фабрик, вырабатывающих бумагу и краску. Почему вам не заняться делом вместе того, чтобы валять дурака таким образом?

- Я не имел в виду отнять у вас время, - сказал посетитель, скатывая в трубку рукопись. - В городе имеются еще другие газеты?

- Да. Несколько. Семья у вас есть?

- Есть, сэр.

- Тогда какого черта не займетесь вы приличным делом, вместо того, чтобы кропать гнусные вирши и читать их занятым людям? Мужчина вы или нет?

- Очень извиняюсь за беспокойство, - сказал самого обыкновенного вида субъект, направляясь к выходу, - я вам сейчас объясню, как обстоит дело. Я заработал за прошлый год свыше восьмидесяти тысяч долларов на этих самых маленьких вещицах, которые я пишу. Я помещаю свои весенние и летние рекламки для фирмы, вырабатывающей патентованное средство "Сарсапарилла", одним из совладельцев коей я являюсь. Я решил затратить около тысячи долларов на рекламу в этом городе. Я побываю в других газетах, о которых вы упомянули. Всего хорошего!

Заведующий конторкой стал после этого случая настолько осторожен, что все начинающие поэты города читают ему теперь свои стихи и он безропотно их выслушивает.

ВЫШЕ СИЛ ЖУРНАЛИСТА

- Вы дали заметку о самоубийстве, как я вас просил вчера вечером? спросил редактор у новичка-репортера, только что окончившего школу журналистов.

- Я видел труп, сэр, но не нашел возможным дать его описание.

- Почему?

- Каким бы образом мог я написать, что горло несчастного было перерезано от уха до уха, когда у него всего-то было одно ухо?

ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ КРИКА

Это был большой мистификатор, никогда не пропускавший случая подшутить над кем-нибудь.

Несколько дней тому назад он встретил приятеля на Мейн-Стрит и конфиденциально шепнул ему:

- Я никогда бы не поверил этому, но полагаю своим долгом сделать факт общеизвестным.

Мистер Джонсон, гласный нашей части города, принял деньги с определенной целью избежать крика.

- Невозможно! - сказал приятель.

- Говорю вам, что это правда, так как я случайно подслушал разговор и своими глазами видел, как деньги были переданы ему и как он взял их и положил в карман.

Затем он продолжал свой путь, не сообщив никаких подробностей, и целых два дня город только об этом и говорил.

Он совсем забыл об этом и не вспоминал до того дня, когда столкнулся с мистером Джонсоном и понес ущерб в виде двух фонарей под глазами и разорванного сверху донизу пальто.

После чего ему пришлось обходить всех и объяснять, что под деньгами, данными гласному во избежании крика, он разумел десятицентовик, переданный последнему его женой, чтобы купить успокоительного для младенца.

ПАМЯТНИК СЛАДКОГО ДЕТСТВА

Он был стар и слаб, и песок в часах его жизни почти истек. Он двигался неверными шагами вдоль одной из самых фешенебельных улиц Хаустона. Он оставил город двадцать лет тому назад, когда последний был немногим больше влачащей полунищее существование деревни, и теперь, устав странствовать по свету и полный мучительного желания поглядеть еще раз на места, где протекало его детство, он вернулся и нашел, что шумный деловой город вырос на месте дома его предков. Он тщетно искал какой-нибудь знакомый предмет, могущий напомнить ему минувшие дни. Все изменилось. Там, где стояла хижина его отца, выселись стены стройного небоскреба; пустырь, где он играл ребенком, был застроен современными зданиями. По обе стороны расстилались великолепные лужайки, подбегавшие к роскошным особнякам.

Внезапно, с радостным криком, он бросился вперед с удвоенной энергией. Он увидел перед собой - нетронутый рукой человека и неизменный временем - старый знакомый предмет, вокруг которого он бегал и играл ребенком. Он простер руки и кинулся к нему с глубоким вздохом удовлетворенности.

Позже его нашли спящим с тихой улыбкой на лице на старой мусорной куче посередине улицы - единственном памятнике его сладкого детства!

КОЕ-ЧТО ДЛЯ РЕБЕНОЧКА

Это всего только легкий диссонанс в радостной праздничной музыке. Минорная нотка под пальцами Рока, скользнувшими по клавишам, в то время, как рождественские славословия и песни наполняют весельем святочные дни.

Журналист из "Техасской Почты" стоял вчера в одном из крупнейших мануфактурных и галантерейных магазинов на Майн-Стрит, наблюдая за толпой разодетых покупателей, главным образом, дам, рывшихся в предпраздничных безделушках и предметах для подарков.

Но вот маленькая, тоненькая, бледненькая девочка робко пролезла к прилавку сквозь осадившую его толпу. Она была в слишком холодном для рождества пальтишке, а ее сношенные башмачки были сплошь в заплатках.

Она оглядывалась с видом наполовину печальным, наполовину испуганным.

Приказчик заметил ее и подошел.

- Ну, чего тебе? - спросил он, пожалуй, слишком резко.

- Пожалуйста, сэр, - ответила тоненьким голоском девочка, - мама дала мне десять центов, чтобы купить кое-что для ребеночка.

- Кое-что для ребеночка, на десятицентовик? Рождественский подарок, а? А не находишь ли

ты, что тебе лучше сбегать за угол, в игрушечный магазин? У нас этих вещей нету. Тебе нужно жестянную лошадку, или мячик, или паяца на веревочке, верно ведь?

- Пожалуйста, сэр, мама сказала, чтобы я зашла сюда. Ребеночка уже нет с нами, сэр. Мама велела мне купить - на... десять... центов... крепа, сэр, пожалуйста!

СИЛА РЕПУТАЦИИ

В один из вечеров на прошлой неделе в Сан-Антонио, высокий торжественного вида господин в шелковом цилиндре вошел в бар при гостинице и остановился около камина, где уже сидели - куря и болтая - несколько человек. Толстяк, видевший, как он входил, справился у конторщика гостиницы, кто это такой. Конторщик назвал его имя, и толстяк последовал за незнакомцем в бар, бросая на него взгляды восхищения.

- Довольно холодная ночь, джентльмены, для теплого пояса, - сказал господин в шелковом цилиндре.

- Ха-ха-ха-ха-ха! - проревел толстяк, разражаясь оглушительным хохотом. - Это недурно!

Торжественного вида господин был изумлен этим, но продолжал стоять и греться у камина. Вскоре один из людей, сидевших подле огня, заметил:

- Старуха-Турция там в Европе, по-видимому, приутихла в настоящее время.

- Да, - сказал торжественный господин, - похоже, что обязанность шуметь взяли на себя другие нации.

Толстяк издал громкий вопль, лег на пол, и начал кататься по нему.

- Вот умора! - вопил он. - Лучшее, что я слышал когда-либо! Ха-ха-ха-ха-ха! Давайте, джентльмены, дернем по этому поводу!

Приглашение дернуть показалось всем достаточным удовлетворением за такую ничем не оправданную веселость, и они сгрудились у стойки. Пока смешивались напитки, толстяк успел шепнуть что-то на ухо каждому из присутствующих, за исключением господина в шелковом цилиндре. Когда он кончил, все лица растянулись в широкие улыбки.

- Ну-с, джентльмены, если в чем и заключается шутка, то в этом! произнес торжественный господин, поднимая стакан.

Вся компания единодушно разразилась в буквальном смысле ревом от хохота, расплескав половину содержимого стаканов на стойку и на пол.

- Когда-нибудь слышали такой поток остроумия? - спросил один.

- Он битком набит шутками, разве нет?

- Такой же, каким он был всегда!

- Лучшее, что мы имели здесь за год!

- Джентльмены, - сказал торжественный господин, - вы, по-видимому, сговорились разыграть меня. Я сам не прочь посмеяться от хорошей шутки, но мне хотелось бы знать, насчет чего вы проходите?

Тroe лежали, вываленные в опилках, на полу и взвизгивали, а остальные попадали в кресла или держались за стойку в пароксизмах хохота. Затем трое или четверо чуть не подрались за честь собрать всех снова у стойки. Торжественного вида господин держал себя подозрительно и осторожно - но пил каждый раз, когда кто-нибудь заказывал угощение. Стоило ему произнести слово, как вся орда выла от хохота, пока слезы не брызгали из глаз.

- Ну, - сказал торжественный господин, когда его собутыльники оплатили по крайней мере двадцать круговых, - даже лучшие друзья расстаются. Мне нужно спешить к моему жестокому ложу.

- Здорово! - проревел толстяк. - Ха-ха-ха-ха-ха! Жесткое ложе, это - здорово! Лучшее, что я когда-либо слышал. Вы так же неистощимы, черт подери, каким были всегда! Ни разу не слышал такого экспромта острозвония! Техас гордится вами, старина!

- Спокойной ночи, джентльмены! - сказал торжественный господин. - Мне нужно встать очень рано и приняться за работу.

- Послушайте только! - взвыл толстяк. - Говорят, что ему надо приняться за работу. Ха-ха-ха-ха-ха!

Вся толпа разразилась прощальным ревом хохота вслед направлявшемуся к выходу торжественному господину. Последний остановился на минуту и сказал:

- Провел (ик!) чрезвычайно приятный вечер (ик!), джентльмены. Надеюсь увидеться с вами (ик!) утром. Вот моя карточка. Доброй ночи!

Толстяк схватил карточку и потряс торжественному господину руку. Когда тот исчез за дверью, толстяк взглянул на карточку, и лицо его вдруг стало серьезно.

- Джентльмены, - сказал он, - вы все знаете, кто такой наш друг, которого мы только что угощали?

- Еще бы! Вы сказали, что это Алекс Сладкий из "Техасского Весельчака".

- Так я и думал, - сказал толстяк. - Конторщик гостиницы сказал, что это Алекс Сладкий.

Он протянул им карточку и исчез через боковой выход. Карточка гласила:

Л.Х.УИТТ

Канзас-Сити

Представитель фирмы "СМИТ и ДЖОНС"

ГРОБЫ. ВЕНКИ. ПАМЯТНИКИ.

Угощение стоило - всем по совокупности - тридцать два доллара. Толпа вооружилась, чем попало, и села в засаду в ожидании толстяка

Когда теперь в Сан-Антонио незнакомцу приходит желание пошутить, он может вызвать улыбку не прежде, чем представит оформленные по всем правилам письменные данные.

ВО ИСПРАВЛЕНИЕ СТРАШНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Недавно было сделано открытие, которое не замедлит пробудить в каждом джентльмене нашей страны чувство живейшего раскаяния. В течение долгого времени мужчины полагали, что обыкновение дам надевать в театр высокие шляпы есть просто результат невнимания к тем несчастным, которым судьба предоставила места непосредственно сзади них.

Ныне выясняется, что такое предположение было по отношению к прекрасному полу глубочайшей несправедливостью. Известная женщина-врач раскрыла болезненное явление, от которого женская половина человечества уже давно и мучительно страдает, но которое ей удавалось сохранить до настоящего времени в полнейшей тайне. Обыкновение дам появляться в публичных местах в шляпах есть результат печальной необходимости - и, следовательно, с них должно быть снято обвинение, столь часто против них выдвигавшееся, в эгоистическом невнимании к удобствам других.

Оказывается, дамы, перешагнувшие за 35 лет, особенно чувствительны к действию световых лучей, падающих им на головы сверху. Женский череп существенно отличается от мужского, главным образом, в верхней своей части и, начиная с 35-летнего возраста, теменные ткани женского черепа утончаются. Лучи света - особенно электрического - производят, проникая, чрезвычайно раздражающее действие на мозговые центры.

Как ни странно, этот недостаток черепного устройства совершенно не замечается женщинами в молодости; но стоит им перешагнуть за грань юности, как он немедленно дает себя почувствовать. Сами женщины знают об этом и часто толкуют на эту тему, но они ревностно оберегали свой секрет даже от самых близких мужчин. Женщина-врач, разоблачившая его на столбцах научного журнала, первая представительница их пола, заговорившая об этом вопросе открыто.

Если кто-нибудь даст себе труд проделать опыт, он незамедлительно убедится в соответствии изложенного истине. Начните разговор с дамой, перешагнувшей средний возраст, стоя под ярко светящей лампой, и через несколько минут ей станет не по себе и вскоре боль, причиняемая светом, заставит ее отодвинуться от его источника. На молодых здоровых девушек лучи света не оказывают никакого заметного действия. Таким образом, если мы видим в театре даму в высокой и громоздкой шляпе, мы сможем смело сделать вывод, что ей больше 35 лет и что она просто предохраняет себя от болезненного явления, постигшего ее с годами. Напротив, где бы

мы ни увидели даму, носящую небольшой и никому не мешающий головной убор,

мы должны заключить, что она все еще молода, очаровательна и может сидеть под пронизывающими лучами света, не испытывая никаких неудобств. Нет такого человека, на чьей совести лежит грех осуждения женщины за ее предполагаемое пренебрежение к удобству ее близких, который бы теперь не высказал искреннейшего сожаления о своем заблуждении. Американцам присуще уважать старость - особенно женскую - и когда изложенные здесь факты станут общеизвестными, терпимость и сочувствие заменят негодование и упреки. С этих пор впредь высокие шляпы с ниспадающими перьями и торчащими цветами и отделкой, встающие между нами и сценой, будут рассматриваться не с неудовольствием, но с уважением - коль скоро мы поймем, что их носительницы уже не молоды и идут быстрыми шагами к могиле, и что они вынуждены принимать предосторожности, необходимые в таком возрасте для их хрупких организмов.

РАССКАЗ-ЗАГАДКА С ПРЕМИЕЙ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Наиболее распространенный и модный способ для увеличения тиража наших газет - помещение в них романов-загадок с премиями для читателей. Публика приглашается принять участие в разгадывании, чем все это закончится - и следовательно вынуждается покупать или выписывать газету.

Нет ничего легче в мире, чем написать загадочный рассказ, который устоял бы против изощренности самых гениальных отгадчиков страны.

В доказательство этого - вот рассказ, за расшифровку которого до прочтения последней главы мы предлагаем премию десять тысяч долларов любому мужчине и пятнадцать тысяч долларов любой женщине.

Мы даем только конспект рассказа, потому что литературный стиль нас не интересует - загадочность нам нужна, а не стиль!

Глава 1

Судья Смит, высокочтимый житель города Плунквилля, найден убитым в постели у себя дома. Его грудь пронзена парой ножниц, отправленных крысиным ядом. Его горло перерезано бритвой с ручкой из слоновой кости, артерия на одной из рук вскрыта и в него всажен добрый фунт дроби из охотничьей двустволки.

Следователь вызван, и комната подвергнута осмотру. На потолке обнаружен кровавый след ноги, а на полу найдены дамский кружевной платочек с инициалами "Д.Б.", пачка папирос и бутерброд с ветчиной. Следователь считает самоубийство доказанным.

Глава 2

После судьи остается его дочь, Мэбель, восемнадцати лет, необычайно красивая. Вечером, накануне убийства, она показывала в одном из лучших ресторанов города револьвер и топор и говорила о намерении "прикончить старишку". Жизнь судьи была застрахована на сто тысяч долларов в ее пользу. Никто не подозревает ее в преступлении.

Мэбель обручена с молодым человеком по имени Чарли, которого в ночь убийства многие граждане видели вылезающим из окна судьи с окровавленной бритвой и ружьем в руках. Общество не обращает никакого внимания на Чарли.

Бродяга попадает под трамвай и прежде, чем умереть, сознается в совершении преступления. На похоронах судьи его брат, полковник Смит, не выдерживает и каётся, что убил судью с целью завладеть его часами. Мэбель посыпает в Чикаго и нанимает для расследования дела искусного сыщика.

Глава 3

Прелестная незнакомка в глубоком трауре приезжает в Плунквилль и называет администрации отеля свое имя: Джейн Бумгартнер. (Инициалы на платке!).

На следующий день сыщик натыкается на китайца, отрицающего, что он убил судью, и арестовывает его. Незнакомка встречает на улице Чарли и, услышав запах его сигары, падает в обморок. Мэбель порывает с Чарли и обручается с китайцем.

Глава 4

Во время следствия над китайцем Джэйн Бумгартнер показывает, что она видела, как сыщик убил судью Смита по наущению священника, руководившего похоронами, и что Мэбель - мачеха Чарли. Китаец уже готов сознаться, как вдруг раздаются приближающиеся шаги. Следующая глава - последняя, и можно с уверенностью сказать, что никому не удастся предугадать ее содержание. Чтобы показать, как это трудно, даем теперь последнюю главу.

Глава 5

Шаги оказываются принадлежащими Томасу Р.Хеффлбомеру из Вашингтонского округа, который представляет исчерпывающие доказательства, что судью убил он в припадке временного помешательства, а Мэбель выходит замуж за человека по имени Томпкинс, которого она встретила двумя годами ранее в Горячих Ключах.

ПРАВО НА ПЕНСИЮ

- Кстати о ста сорока миллионах долларов, выплачиваемых ежегодно правительством на пенсии, - сказал один видный деятель представителю "Техасской Почты". - Мне рассказывали, что один человек из Индианы заявил месяц тому назад свое право на пенсию на основании операции, которой он подвергся в прошлую войну. И как вы думаете, о какой операции шла речь?

- Не имею ни малейшего представления!
- Ему отрезали отступление во время битвы при Геттисбурге!

ПОСЛЕ УЖИНА

Мистер Шарп. - Мне кажется, дорогая моя, что каждый год, пролетающий над твоей головой, приносит тебе лишь новое очарование, выявляет скрытую красоту, увеличивает твою душевную грацию. В твоих глазах сегодня есть что-то пленительно-девическое - как в тот день, когда я впервые увидел тебя. Какое счастье, когда два сердца становятся лишь нежнее друг к другу по мере того, как годы проносятся над ними. Ты сейчас столь же прекрасна, как тогда...

Миссис Шарп. - А я и забыла, что у тебя сегодня заседание в масонской ложе. Постарайся вернуться не позже двенадцати, пожалуйста!

УМЕТЬ ХРАНИТЬ СЕКРЕТ

Пора положить конец распространению старой шутки о том, что женщины не умеют хранить секреты. Ни в чем черная неблагодарность мужчин к прекрасному полу не проявилась так ярко, как в распространении этой клеветы. Где бы и когда бы человек, считающий себя наделенным чувством юмора, ни вернулся к этой более древней, чем сам мир, теме, которой его братья-мужчины считают своим священным долгом аплодировать, на лице женщины появляется странная, непостижимая, полная жалости, усмешка, понятная лишь очень немногим из мужчин.

Правда в том, что только женщины и умеют хранить секреты. Одному богу понятна та изумительная сила, с какой девяносто девять из ста замужних женщин ухитряются скрыть от

всего прочего мира, что они связали себя с существом, недостойным их чистой и полной самопожертвования любви к нему. Женщина может шепнуть соседке, что миссис Джонс уже второй раз перелицовывает свое старое шелковое платье, но если в ее груди есть что-либо, касающееся любимого ею человека, сами боги не вырвут это оттуда.

Слабый мужчина заглядывает в чашу с вином - и смотрите: вот он уже выболтал свои сокровеннейшие мысли развесившему уши случайному встречному! Женщина может щебетать о погоде и глядеть своими детскими глазами в очи хитрейшего из дипломатов, без труда пряча в это время в своей груди важнейшие государственные тайны.

Адам был праотцом болтунов, первым из сплетников - и нам нечего им гордиться. Под грезящим, взывающим к нему взглядом Евы - той, что была создана для его удобства и удовольствия - в ту самую минуту, когда она стояла рядом с ним, любящая, и юная, и прекрасная, как весенняя луна, он, жалкий приживальщик, сказал:

- Женщина дала мне, и я вкусили!

Этот отвратительный поступок нашего прародителя не может быть извинен ни одним джентльменом, знающим свой долг по отношению к леди!

Поведение Адама должно было бы привести к исключению его имени из списков каждого порядочного клуба страны. И тем не менее, с того дня женщина идет рука об руку с мужчиной - верная, преданная и готовая на все жертвы ради него. Она скрывает от света его жалкие пороки, она перетолковывает в обратную сторону его позорные проступки и - главное она молчит... когда одного слова достаточно, чтобы пронзить его дутое величие и обратить его в смятую тряпку!

А мужчина говорит, что женщина не умеет держать секретов!

Пусть он будет благодарен, что она умеет их держать - иначе бы все воробы на крышах чирикали про его ничтожество!

ПОБЕДИТЕЛЬ

После того, как в пятницу вечером была поставлена пьеса "В старом Кентукки", трое стариков-приятелей отправились в ресторанчик с непреклонным решением "вспрыснуть". "Вспрыснув" один раз, они "вспрыснули" и другой, и третий.

Когда они почувствовали, что дозрели, то сели за стол и начали врать. Не со злой целью, а естественно по-приятельски, о том, что им приходилось видеть и делать. Каждый из них приводил случаи из своей жизни и, так как небо было безоблачно, то никакого дневного повторения трагедии с Ананием не состоялось.

Наконец, судья внес предложение заказать огромный бокал мятного грога - напитка, исключающего всякую необходимость в щипцах для завивки волос! и тот, кто расскажет наиболее невероятную историю, получит возможность вынуть весь бокал через соломинку!

Мэр и судья выступили первыми с парой изумительных рассказов на тему о галстуках. Полковник облизнул губы, пересохшие при взгляде на огромный бокал, сверкавший алмазами и янтарем и увенчанный благоуханной мяты, и начал свой рассказ:

- Случай, который я собираюсь вам поведать, не только изумителен, но и правдив. Он имел место в этом самом городе, в субботу после обеда. Я встал в этот день очень рано, ибо мне предстояло много работы. Жена закатила мне добрый стаканчик виски, так что я чувствовал себя довольно недурно. Когда я спускался по лестнице, она подала мне кредитку в пять долларов, выпавшую у меня из кармана, и сказала:

- Джон, тебе нужно найти горничную помиловиднее. Джейн настолько буднична, что ты никогда не посмотришь на нее нежно. Попробуй, не найдешь ли ты служанки покрасивее - и, Джон, милый, ты уж слишком много работаешь! Тебе право же надо отдохнуть. Почему бы тебе не прокатиться сегодня после обеда с мисс Мутгинс, твоей машинисткой? Ты бы кстати мог заехать в шляпный магазин и сказать там, чтобы мне не присыпали шляпы, которую я отобрала, и...

- Довольно, полковник! - сказал судья. - Можете приступать к этому мятному грогу сию же минуту. Вам нет надобности заканчивать ваш рассказ.

ГОЛОДНЫЙ ГЕНРИ И ЕГО ПРИЕМ

Голодный Генри. Мэм, я представитель новейших, на роликах, не рвущихся, двойных подтяжек. разрешите показать?

Миссис Лоунстрит. Нет, у нас в доме нет мужчин.

Голодный Генри В таком случае я имею предложить нечто единственное в своем роде - собачьи ошейники из русской кожи, с серебряными инкрустациями, с именем, которое мы вырезаем за ту же цену в виде премии. Быть может...

Миссис Лоунстрит. Не надо, не надо. У меня нет собаки.

Голодный Генри. Вот это мне и надо было знать. Подай-ка мне, тетка, самый лучший ужин, какой только можешь, да поворачивайся живее, не то это плохо отразится на твоем здоровье. Понятно?

ЕДИНСТВЕННОЕ УТЕШЕНИЕ

Завтрак был кончен, и Адам вернулся к своей постоянной работе: наклеиванию ярлыков с именами на клетки, в которых сидели звери.

Ева взяла на руку попугая и сказала ему:

- Дело было так. Он устроил целый скандал по поводу пирога, который был к завтраку...

- А что ты сказала? - спросил попугай.

- Я сказала, что у меня есть во всем этом одно утешение: он не может ткнуть мне в глаза, что у его матери пирог всегда выходил лучше!

НЕУДАЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В Техасе есть старый проповедник-негр, большой поклонник его преподобия Сэма Джонса. В прошлое воскресенье он решил отказаться от обычного увещевания чернокожих братьев и кинуться, очертя голову, в самую гущу своей паствы по способу, столь успешно практикуемому знаменитым евангелистом Джорджи. Когда вступительный гимн был пропет и собрание прочло положенные молитвы, старый проповедник положил свои очки на библию и сразу же бросился в атаку.

- Горячо любимые братья, - сказал он, - я проповедую вам уже больше пяти лет, а милосердие божие так и не проникло в ваши беспокойные сердца. Я никогда еще не видел худшей банды, чем это горячо любимое собрание. Вот, например, Сэм Уадкинс на первой скамейке налево. Может кто-нибудь указать мне более низкого, жульнического, продувного, грязного негра во всей округе? Откуда те куриные перья, которые я увидел у него на заднем дворе сегодня утром? Пусть брат Уадкинс встанет и ответит на это!

Брат Уадкинс сидел на скамье, врашал глазами и тяжело дышал. Но он был застигнут врасплох и не мог дать ответа.

- А вот Эльдер Хоскинс, на правой стороне. Все знают, что это лживая, беспомощная, налитая пивом бочка. Его содержит жена, стирая белье. Что хорошего принесла ему кровь агнца? Он, должно быть, думает, что сможет околачиваться вокруг чужих кухонь и в Новом Иерусалиме.

Эльдер Хоскинс, пришпоренный этими обвинениями, поднялся с места и сказал:

- Это мне приводит на ум одну шутку. Не помню, чтобы я когда-нибудь работал тридцать дней на починке дорог в Бастропском графстве за кражу тюка хлопка.

- А кто работал? Кто работал? - возопил проповедник, надевая очки и сверкая глазами на Эльдера. - Кто украл этот хлопок? Заткни свой рот, негр, не то я спущусь вниз и раскрою его так, что шире некуда. А вон сидит мисс Джинни Симпсон. Поглядите, как она разрядилась! Поглядите на ее желтые башмаки, да на страусовые перья, да на шелковую кофту, да на белые перчатки. Откуда она берет деньги на все это? Она нигде не работает. Но господь видит эту суэтную неряху, и он бросит ее в кипящую серу и в смердящий кладезь

Мисс Симпсон поднялась, и каждое из ее страусовых перьев дрожало от негодования.

- Старая, лживая, черномазая морда - ты! - сказала она. - Ты, что ли, платишь за мои тряпки?

Может, ты скажешь всему собранию, кто вчера утром передал через забор огромный букет и жбан с сидром Лиззи Джаксон, когда ее старик ушел на работу?

- Ты лжешь, ехидная, низкая, шпионская дщерь диавола! Я был у себя дома, погруженный в молитву за порочных братьев и сестер во Христе. Я сейчас спущусь вниз и заткну тебе рот, если ты не закроешь его! Вы все обречены геенне огненной! Вы все до единого - только грязные отбросы земли! Я вижу отсюда Билла Роджерса, который, как известно, налил свинцом кости для того, чтобы играть наверняка, и который не тратит ни единого цента на прокорм своей семьи. Господь скоро переломает ему все ребра! Праведный суд духа святого скоро притянет его к ответу!

Билл Роджерс поднялся с места и заложил большие пальцы рук за жилетку.

- Я мог бы назвать, - сказал он, - некоторых игроков, которых выгнали с фермы полковника Янси за игру краплеными картами - если бы захотел.

- Вот это уж ложь! - сказал проповедник, захлопывая библию и засучивая рукава. - Берегись, Билл Роджерс, я сейчас спущусь к тебе!

Проповедник слез с кафедры и направился к Биллу, но мисс Симпсон успела по дороге запустить пальцы в шерсть на его голове, а Сэм Уадкинс и Эльдер Хоскинс не замедлили прийти к ней на помощь. Затем вступили остальные братья и сестры. И летающие во все стороны книги гимнов, вместе с треском разрываемых одежд, красноречиво засвидетельствовали, что свойственный Сэму Джонсу стиль проповедей именно к этому приходу подходит мало.

СКОЛЬКО СТОИТ ПРАВДА

На одного из жителей Хаустона, прослушавшего целый ряд проповедей Сэма Джонса, произвело особенное впечатление осуждение всяких сделок с совестью и неправд всех цветов и оттенков.

Так повлияло это на него, и на такую плодородную почву упало зерно, брошенное великим евангелистом, что этот самый житель Хаустона, неоднократно грешивший до тех пор против правдивости, решил в одно прекрасное утро начать жизнь съзнова и говорить правду во всех случаях, больших и малых, ни на йоту не отступая от голой неприукрашенной истины.

Во время завтрака жена спросила его:

- Как ты находишь бисквит, Генри?
- Тяжеловат, - ответил он, - и не выпечен.

Жена выскочила из столовой, и он доел завтрак наедине с детьми. Прежде Генри сказал бы:

- Бисквит очень хорош, душечка!

И все сошло бы хорошо.

Когда он позже выходил из калитки, к дому подъехала его богатая старуха-тетка, любимчиком которой он всегда был. Она была завита, напудрена и в корсете, чтобы казаться как можно моложе.

- О, Генри, - оскалила она зубы в глупейшей улыбке. - Как поживает Элла и детки? Я бы зашла, но у меня такой ужасный вид сегодня, что мне совсем нельзя показываться!

- Это верно, - сказал Генри, - вид у вас ужаснейший. Хорошо, что ваша лошадь в шорах, а то она могла бы случайно увидеть вас, понести и сломать вам шею.

Тетка свирепо взглянула на него и, не говоря ни слова, взялась за вожжи.

Генри перевел это впоследствии в цифры и рассчитал, что каждое слово, сказанное им тетке, обошлось ему в восемь тысяч долларов.

ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА СЭМА ДЖОНСА

Унылого вида человек с отвисшими каштановыми баками вошел вчера днем в участок и сказал дежурному:

- Хочу отдать себя в руки правосудия. Лучше наденьте на меня наручники и посадите в самую темную камеру, где будет побольше пауков и мышей. Я один из худших людей в мире и уклоняюсь от суда. Велите, пожалуйста, тюремщику дать мне заплесневелого хлеба и воды из

самой грязной лужи.

- Что именно вы сделали? - спросил дежурный.

- Я жалкий, опустившийся человек, изолгавшийся, ни на что не годный, на всех клевещущий, пьяный, вероломный, святотатственный мерзавец - и я не достоин даже умереть! Вы можете также велеть тюремщику приводить к моей камере маленьких детей, чтобы они глядели через решетку, как я буду скрежетать зубами и каяться в бесовском исступлении!

- Мы не в праве посадить вас в тюрьму, если вы не совершили никакого определенного преступления. Не можете ли вы выдвинуть против себя более конкретное обвинение?

- Нет, я хочу отдаться в руки правосудия на принципиальных основаниях. Видите ли, я слушал вчера вечером Сэма Джонса, он заметил меня в толпе и вынес мне приговор. Я думал, что я, на худой конец, старая кляча, но Сэм показал мне обратное изображение и убедил меня. Я старый, грязный, паршивый, блудливый пес - вы можете смело пнуть меня несколько раз, прежде чем посадите под замок, да пошлите сообщить моей жене, что старый негодяй, который в течение двадцати лет измывался над нею, получил, наконец, по заслугам.

- Чего там, бросьте это, - сказал дежурный. - Не верю, чтобы вы были так плохи, как вам кажется. Откуда вы знаете, что Сэм Джонс имел в виду именно вас? Он мог целить в кого-либо другого. Подтянитесь, и пусть это вас не трогает!

- Погодите-ка, - сказал унылого вида человек в раздумье. - Если подумать, то как раз сзади меня сидел один из соседей, гнуснее которого нет во всем Хаустоне. Это шелудивый щенок - и никаких гвоздей! Он лупит свою жену и отказывал мне в трех долларах целых пять раз. Все, что Сэм говорил, подходит к нему точка в точку. Если подумать...

- Вот это правильный способ смотреть на вещи, - сказал дежурный. Все шансы за то, что Сэм имел вовсе не вас в виду.

- Черт побери, если я сам так не думаю теперь, когда я вспомнил про этого соседа, - сказал кающейся, начиная оживляться. - Вы не представляете себе, какую тяжесть вы сняли с меня. Мне уже совсем казалось, что я самый худший грешник в мире. Держу пари на десять долларов, что он говорил как раз про того жалкого, презренного негодяя, что сидел сзади меня. Слушайте, пойдем и пропустим по стаканчику по этому поводу, а?

Дежурный отклонил предложение, и унылого вида человек запустил палец за шею, извлек наружу воротничок и сказал:

- Никогда не забуду, сэр, как вы любезно помогли мне выбраться из этого. Я чувствовал себя не на месте с самого утра. Иду сию же минуту на ипподром и поставлю на фукса против фаворита. Всего хорошего, сэр, никогда не забуду вашей любезности!

ПОСТЕПЕННО

- Вы не туда попали, - сказал Цербер. - Эти ворота ведут в глубины ада, а на паспорте, который вы предъявили, помечен рай.

- Я это знаю, - устало сказала тень, - но билет разрешает здесь остановку. Я, видите ли, из Гальвестона и мне надо менять обстановку постепенно.

ЕЩЕ ХУЖЕ

Двое жителей Хаустона пробирались домой в одну из дождливых ночей на прошлой неделе, и когда они, спотыкаясь, переправлялись через лужи на одной из главных улиц, один сказал:

- Это и есть ад, не правда ли?

- Хуже, - сказал другой. - Даже ад вымыщен благими намерениями.

УДАР

Бледный, как смерть, человек, с шерстяным кашне вокруг шеи и тоненькой тростью в руке, вошел вчера, спотыкаясь, в один из аптекарских магазинов Хаустона и прислонился к прилавку, крепко прижимая другую руку к груди.

Фармацевт взял стаканчик с делениями, быстро влил туда унцию spiriti frumenti и подал вошедшему. Человек выпил его залпом.

- Немного лучше? - спросил фармацевт.

- Чуть-чуть. Мне еще не приходилось испытывать подобного удара. Едва стою на ногах. Еще немножко, пожалуйста...

Фармацевт налил ему еще одну унцию виски.

- Кажется, пульс у меня возобновился, - сказал человек. - Но это было ужасно!

- Выпали из экипажа? - осведомился фармацевт.

- Нет, не совсем.

- Поскользнулись на банановой корке?

- Если бы это! Я, кажется, опять лишусь чувств, если вы...

Обязательный фармацевт подал третью дозу возбудительного напитка.

- Попали под трамвай? - спросил он.

- Нет, - сказал бледный человек. - Я расскажу вам как было дело. Видите того краснокожего типа, что пляшет и изрыгает проклятия там на углу?

- Да.

- Это по его вине. Боюсь, что не смогу держаться дальше на ногах. Я... спасибо!

Посетитель хлопнул четвертую порцию и начал оправляться.

- Может быть позвать доктора? - спросил фармацевт.

- Нет, пожалуй, не надо. Ваша любезность оживила меня. Я расскажу вам, в чем дело. У меня был привязан к трости игрушечный паук, и я увидел этого краснокожего типа, который сидел на пороге, спиной ко мне, и я опустил паука прямо ему на нос. Я тогда еще не знал, кто он! Он упал от перепуга на спину, и порезал ухо о скобу для чистки сапог, и сломал вставную челюсть, стоящую шестьдесят долларов. Этот тип - мой домовладелец, и я должен ему тридцать семь долларов за прежнее время, и у него закладная в десять долларов на мою корову, и он уже однажды грозился переломать мне ребра. Я шмыгнул сюда, и он не заметил меня. Удар для моих чувств, когда я увидел, кто это такой, прямо ужасен! Если у вас есть немного еще этого возбудителя, я...

ЦИНИК

Младший компаньон. Вот честная фирма! Шарп и Симон посыпают нам чек на пятьдесят долларов в добавление к расчету за этот месяц, чтобы возместить разницу в цене, ввиду того, что им в прошлом месяце были по ошибке посланы товары высшего качества!

Старший компаньон. Они делают при этом новый заказ?

Младший. Да! Большой, чем когда-либо.

Старший. Отправить его наложенным платежом!

ГОВОРЯ О ЦИКЛОНАХ

Человек с бронзовым лицом и импонирующей осанкой был великим путешественником и только что вернулся из кругосветного плавания. Он сидел у камина в Ламлоре, а несколько заезжих коммивояжеров да зашедших в гостиницу горожан слушали с большим интересом его рассказы.

Он говорил о жестоких бурях, бывающих в Южной Америке, когда длинные стебли травы в пampасах сначала переплетаются, а потом с такой силой прибиваются к земле порывами ветра, что их режут квадратами и продают, как соломенные циновки высшего качества.

Он также рассказывал о чудесном инстинкте дикого скота, который, говорил он, - хотя его бросает во все стороны жестоким ураганом и хотя ему преграждают путь раздувшиеся от дождей потоки - никогда, ни ночью, ни днем, не теряет верного направления.

- У них есть какой-нибудь орган, приспособленный для этого? - спросил представитель мукомольной компании из Топеки.

- Конечно. Вымя, - сказал путешественник.

- Не вижу, над чем тут смеяться, - заговорил человек из Канзаса. - Но если говорить о страшных ветрах, мы имеем нечто в этом роде у нас в штате. Вы все слыхали о канзасских циклонах, но весьма немногие из вас знают, что это такое. У нас они не редки и выдаются между ними очень сильные, но

большинство рассказов, которые вам приходилось читать, преувеличены. Однако, хороший, зрелого возраста циклон может иногда поднимать вещи на изрядную высоту. Единственное, обо что их ярость разбивается безрезультатно, это - агенты по продаже земельных участков. Я знаю некоего парня, по имени Боб Лонг, который работает в качестве земельного агента с незапамятных времен. Боб скопил огромное пространство степи и перепродает его небольшими участками под фермы. Однажды он повез в своей тележке человека, чтобы показать ему землю.

- Только поглядите на нее, - говорит он. - Это лучший, богатейший кусок земли в Канзасе. Стоит он много больше, но для почина, да принимая во внимание необходимые улучшения, я уступлю вам 160 акров по 40 долларов за...

Прежде, чем Боб успел сказать: "акр", налетел циклон и унес Боба вверх. Его увлекало все выше и выше, и он превратился, наконец, в еле заметное пятнышко, а покупатель стоял и следил до тех пор, пока Боб не исчез из виду.

Земля покупателю понравилась, так что он купил ее у наследников Боба, и вскоре через нее прошла железная дорога, и на этом месте вырос и стал процветать прекрасный город.

Ну-с, этот самый человек стоял однажды на тротуаре и размышлял о том, как ему повезло, и - кстати - как не повезло Бобу, как вдруг он поднял глаза и увидел, что кто-то падает. Оно делалось все больше и больше, и вскоре оказалось, что это человек.

Он свалился вниз, ударился о тротуар со звуком, который был слышен на четыре квартала в окружности, подскочил вверх по крайней мере на 10 футов, встал на ноги и крикнул:

- Ногу вперед!

Это был Боб Лонг. Борода у него стала седее и длиннее, но он остался таким же дельцом, как и был. Он заметил перемены, произшедшие за это время, пока он летел вниз, и когда он заканчивал фразу, прерванную циклоном, он соответственно изменил ее содержание. Боб был спекулянтом. Вскоре после этого он...

- Погодите, - сказал путешественник. - Подойдем к стойке и спрыснем это происшествие. Я требую законной передышки перед началом второго раунда.

ЦИФРЫ

Джентльмен с большой шевелюрой и с выражением на лице, свидетельствовавшем об отрешении от всего земного, сошел с двенадцатичасового поезда на Центральном вокзале. Он нес в руках кипу брошюр о воздержании и, почувяв острый запах, пошел в его направлении и уперся в красноносого субъекта, прислонившегося к сундуку близ багажного отделения.

- Друг мой, - сказал длинноволосый джентльмен, - знаете ли вы, что если бы вы поместили стоимость трех стаканчиков виски на сложные проценты в год сооружения Соломонова храма, у вас был бы сейчас капиталец в 47.998. 645 долларов 22 цента?

- Знаю, - сказал красноносый субъект. - Я сам немного математик. Я также вычислил - за тот промежуток времени, пока доктор мазал мне йодом нос, чтобы вылечить эту болячку - что первый криворотый, гнилокостный, резиновошней собачий сын из ханжеской округи Меддельсомского графства, который позволит себе замечание по этому поводу, должен будет сделать прыжок на 17 футов в девять секунд, или получить тринадцать пинков под брюхо. У вас осталось ровно четыре секунды.

Длинноволосый джентльмен совершил блестящее отступление, не превысив данного ему срока, и насыпал со своими брошюрами о воздержании на показавшегося ему подозрительным жителя Хаустона, который нес домой завернутую в газету бутылку минеральной воды для тещи.

ОРИГИНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Есть одна леди в Хаустоне, которой вечно приходят в голову оригинальные идеи.

Для женщин это - очень большой недостаток, заслуживающий всяческого порицания. Женщина должна узнатъ, как смотрит на вещи ее муж, и построить свое мировоззрение соответственно. Конечно, неплохо, если у нее есть и свой взгляд на вещи, который она держит про себя - но кому приходилось встречать женщину, которая поступала бы таким образом?

Эта леди, в частности, имела обыкновение применять свои оригинальные идеи на практике,

и не только ее семья, но и соседи вечно были настороже против каких-нибудь ошарашивающих сюрпризов с ее стороны.

В один прекрасный день она прочла в газете статью, не замедлившую внушить ей оригинальную идею. Статья указывала на то хорошо известное обстоятельство, что если бы мужчины могли найти у себя дома удовлетворение своих нужд и прихотей, у них не являлось бы потребности покидать домашний очаг и шляться по кабакам. Это утверждение показалось нашей леди разительнейшей истиной, и она смело заимствовала идею и решила немедленно применить ее на практике как свое собственное изобретение.

Когда в этот вечер ее муж вернулся домой, он заметил, что один конец гостиной отделен занавеской, но он уже так привык ко всякого рода новшествам, что даже побоялся расспрашивать, в чем тут дело.

Здесь будет кстати упомянуть, что у мужа нашей леди была слабость к пиву. Он не только любил - он обожал пиво. Пиво смело могло никогда ни к чему не ревновать этого джентльмена.

После ужина леди сказала:

- А теперь, Роберт, у меня есть маленький сюрприз для тебя. Тебе не нужно уходить в город сегодня. Я приспособила наш дом к тому, чтобы доставлять тебе все удовольствия, которые ты ищешь на стороне.

С этими словами она отдернула занавеску, и Роберт увидел, что один конец гостиной обращен в бар - или, вернее, в представление его жены о баре.

Несколько дорожек, из числа составлявших ковер, были сняты, и пол посыпан опилками. Кухонный стол был поставлен наискосок в одном из углов. Сзади на полке красовалась внушительная батарея бутылок всех размеров и форм, а в центре было артистически приспособлено лучшее из туалетных зеркал его жены.

На козлах помещался непочатый бочонок пива, и жена его, надев кокетливую наколку и передничек, грациозно прыгнула за стойку и, смущенно протягивая ему кружку пива, сказала:

- Вот идея, пришедшая мне в голову, Роберт. Мне казалось, что будет гораздо лучше, если ты станешь тратить деньги дома и в то же время иметь все удовольствия и развлечения, которые ты получаешь в городе. Что прикажете, сэр? - продолжала она с милой деловой вежливостью.

Роберт прислонился к стойке и тщетно двинул три или четыре раза носком сапога, пытаясь найти перекладину для ног. Он был до некоторой степени ошеломлен, как бывал всегда от оригинальных идей своей жены. Затем он взял себя в руки и изобразил на лице мрачное подобие улыбки.

- Мне пива, пожалуйста, - сказал он.

Его жена нацедила пива, положила пятицентовик на полку, и облокотившись на бар, стала непринужденно болтать на темы дня, как это делают все рестораторы.

- Вы должны пить много сегодня, - сказала она лукаво, - так как сегодня вы мой единственный посетитель.

Настроение у Роберта было подавленное, но он пытался не обнаруживать этого. Если не считать пива - действительно, первоклассного - мало что напоминало ему здесь те места, где он имел обыкновение тратить деньги.

Яркого света хрусталия, стука игральных костей, смешных анекдотов Брауна, Джонса и Родинсона, оживленного движения и специфически ресторанных колоритов - ничего из того, что он находил там, здесь не было.

Некоторое время Роберт был задумчив - и вдруг оригинальная идея пришла ему в голову.

Он вытащил из кармана пригоршню мелочи и начал заказывать кружку за кружкой пива. Леди за стойкой вся так и сияла от успеха своей идеи. Обычно она устраивала целую бучу, если от ее супруга несло по возвращении домой пивом - но теперь, когда прибыль шла ей в руки, она и не думала жаловаться.

Неизвестно, сколько в точности кружек пива подала она своему мужу, но на полке уже красовалась целая стопка пяти- и десятицентовиков, и даже две или три монетки в четверть доллара.

Роберт почти уже лежал на стойке, время от времени выбрасывая ногу, чтобы попасть на перекладину, которой там не было, но говорил очень мало. Его жене следовало бы не допустить

до этого, но прибыльность предприятия вскружила ей голову.

Наконец Роберт выговорил чрезвычайно повышенным тоном:

- Черт ппобери, ггоните ссюда еще ппару ссклянок и ззапишите их на ммой ссчет!

Жена посмотрела на него с удивлением.

- Конечно же, я не сделаю этого, Роберт, - сказала она. - Ты должен платить за все, что берешь. Я думала, что ты это понял.

Роберт посмотрел в зеркало так прямо, как только мог, пересчитал отражения и затем гаркнул голосом, который можно было услышать за квартал:

- Кк ччерту вссе этто, ггони, сюда шшесть ккружек пива, дда ппоставь их на ллед, Ссюзи, ккрасавица моя, или я ссброшу к ччерту всю ттвою ммузыку. Га-га!

- Роберт! - сказала его жена тоном, обнаруживающим растущее подозрение, - ты пил сегодня!

- Этто ннаглая лложь! - возразил Роберт, запуская пивной кружкой в зеркало. - Ббыл в кконторе и ппромогал пприятелю отправлять ккниги и оппоздал на ттрамвай. Слушай, Ссюзи, ккрасавица, ты ддолжна мне две ккружки с проишлого рраза. Ггони их ссюда, или я ссброшу к ччерту всю сстойку!

Жену Роберта звали Генриеттой. В ответ на последнее замечание она вышла из-за стойки и двинула его в глаз штукой для выжимания лимона. Тогда Роберт пнул стол, переломал половину бутылок, пролил пиво и заговорил языком, не пригодным для печатного издания.

Десять минут спустя, жена связала его бельевой веревкой и, мерно нанося ему удары теркой для картофеля, обдумывала в промежутках способ ликвидации своей последней блестящей оригинальной идеи.

ЕЕ НЕДОСТАТОК

Это были две хаустонские барышни, совершающие прогулку на велосипедах. Они встретили третью барышню, не признающую велосипеда, которая катила с молодым человеком в шарабане.

Конечно, они должны были сделать какое-нибудь замечание о ней потому что это рассказ из жизни и потому что они настоящие живые барышни! - и вот одна из них сказала:

- Мне никогда не нравилась эта особа.

- Почему?

- О, она слишком женственна!

РАЗНОГЛАСИЕ

- Этот мистер Бергман, оперный антрепренер, - сказал один из хаустонских граждан, - поступил со мной несправедливо. Когда я недавно пошел брать билет на оперетту "Паук и муха", я просил его взять с меня полцены, потому что я глух на одно ухо и могу услышать только половину спектакля, а он сказал мне, что я должен заплатить вдвое, так как мне чтобы прослушать пьесу, требуется больше времени, чем кому-либо другому!

ПРИЧИНА БЕСПОКОЙСТВА

Во время гастролей оркестра Суз в Хаустоне на прошлой неделе профессор Суз был приглашен отобедать у одного из выдающихся жителей города, с которыми он встречался раньше на севере.

Джентльмен этот - хотя он занимал видное положение и имел высокую репутацию - составил свое состояние благодаря чрезвычайной бережливости. Его мелочная экономия была предметом вечных разговоров среди соседей, и один-двое из его знакомых доходили даже до того, что называли его скаредом.

После обеда профессора попросили сыграть на рояле - он владел этим инструментом мастерски - и Суз сел и сыграл несколько очаровательных бетховенских сонат и других вещиц лучших композиторов.

Во время исполнения прекраснейшего адажио в миноре профессор заметил, что хозяин дома бросает в окно беспокойные взгляды и вообще имеет тревожный и удрученный вид. Вскоре джентльмен из Хаустона подошел к роялю и тронул профессора за плечо.

- Послушайте, - сказал он, - сыграйте, пожалуйста, что-нибудь поживее. Дайте нам джигу или квикстеп - что-нибудь быстрое и веселое!

- Ах, - сказал профессор, - эта печальная музыка, очевидно, действует на вас удручающе?

- Не то, - сказал хозяин. - У меня на заднем дворе человек пилит дрова поденно, и он вот уже полчаса держит темп вашей музыки.

ЧТО ЭТО БЫЛО

Во вторник вечером что-то случилось с электричеством, и в Хаустоне царил такой же мрак, как в Египте, когда Моисей выключил газ. Они находились в это время на Руск-Авеню, сидели на травке в сквере и извлекали все выгоды из создавшегося положения.

Вдруг она сказала:

- Джордж, я знаю, что вы меня любите, и уверена, что ничто на свете не изменит вашего расположения ко мне, но я чувствую все-таки, что что-то есть между нами, и это что-то, хотя я долго колебалась сказать вам причиняет мне боль!

- Что именно, драгоценная? - спросил Джордж в агонии ожидания. Скажите, любимая, что такое находится между вами и мной?

- Мне кажется, Джордж, - нежно вздохнула она, - это ваши часы.

И Джордж ослабил на секунду объятия и переложил свой хронометр из жилетного кармана в задний карман брюк.

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ МЫСЛИ

Золотой рог молодого месяца висел над городом, и ночь была холодная, но прекрасная, как ночи ранней весны.

Пять или шесть человек сидели перед гостиницей Хатчинса, и они до тех пор придвигали, переговариваясь, свои стулья, что составили, наконец, тесную группу.

То были люди из разных концов страны, некоторые из городов, отстоящих на тысячи миль отсюда. Судьба побренчала ими, как игральными костями в чашечке, и швырнула в случайной комбинации в гостеприимные ворота города Магнолии.

Они курили и болтали, связанные тем чувством товарищества, которое с особенной силой проявляется в людях, встречающихся в чужом месте далеко от родных очагов.

Они пересказали все анекдоты и поделились случаями из личного опыта, а затем наступило непродолжительное молчание. И пока висевшие в воздухе струйки голубого дыма делались толще, их мысли стали обращаться к прошлому - подобно тому, как скот тянется к вечеру домой - к иным сценам и лицам.

*Всплыть спешит над волнами заката
Молодого месяца ладья,
И тускнеют, отылав богато,
Неба беспредельные края,*

цитировал коммивояжер из Нью-Йорка. - А-ха-ха! Хотел бы я быть сейчас у себя дома!

- То же со мной, - сказал маленький человечек из Сент-Луи. - Я так и вижу, как мои чертенята катаются по полу и выделяют штуки, пока Лаура еще не уложила их спать. Хорошо хоть, что я попаду домой к празднику!

- Я получил нынче письмо из дома, - сказал седобородый филадельфиец, - и мне захотелось к своим. Я не отдаю и одного фута корявой мостовой на Спрюс-Стрит за все это благорастворение воздуха и рулады пересмешников на юге. Я двину прямиком к своим квакерам, чтобы попасть как раз к праздничной индейке, и мне все равно, что скажет моя фирма.

- Вы только прислушайтесь к этому оркестру! - вставил толстый джентльмен с сильным

немецким акцентом. - Мне почти кажется, что я у себя в Цинциннати, "у берегов Рейна", рядом с очаровательной девчонкой с шляпной фабрики. По-моему, вот эти вот дивные ночи и заставляют нас вспоминать про "дом, сладкий дом"!

- Что тут толковать! - сказал представитель железного и медного товара из Чикаго. - Я хотел бы сидеть сейчас в ресторане француза Петэ за большой бутылкой пива, да порцией кишок, да лимонным пирогом. Я сам нынче вечером что-то стал сентиментален!

- Хуже всего то, - сказал человек в золотом пенсне и зеленом галстуке, - что наших близких отделяет от нас много длинных и унылых миль и что мы ничего не знаем о тех преградах, которые, в виде бурь, наводнений, крушений, предстоят нам на пути. Если б можно было хоть на пять минут уничтожить время и пространство, многие из нас могли бы прижать сейчас к сердцу тех, кого они любят. Я тоже - муж и отец.

- Этот ветерок, - сказал человек из Нью-Йорка, - в точности такой же, как те, что дули над старой фермой в графстве Монтгомери, и все эти "сад, и луг, и сумрак бора" и прочее - так и вертятся у меня в памяти нынче вечером.

- Многие ли из нас, - сказал человек в золотом пенсне, - отдают себе отчет в том, сколько волчьих ям рок вырыл на нашем пути? Самый ничтожный случай может перервать нить, привязывающую нас к жизни. Сегодня - здесь, завтра - навсегда ушел из этого мира...

- Более, чем верно! - сказал человек из Филадельфии, вытирая стекла очков.

- ...и покинул тех, кого любил! - закончил тот. - Привязанности, длившиеся всю жизнь, любовь самых крепких сердец, обрывались во мгновение ока! Объятия, которые удержали бы вас, размыкаются, и вы уходите в печальный, неизвестный, иной мир, оставляя за собой израненные сердца, чтобы неутешно оплакивать вас. Жизнь кажется сплошной трагедией!

- Черт подери, если вы не попали в самую точку! - сказал вояжер из Чикаго. - Наши чувства хуже, чем свиньи на бойне: бац - и нету! Лопнули!

Остальные с неудовольствием покосились на вояжера из Чикаго, потому что человек в золотом пенсне собирался продолжать.

- Мы утверждаем, - заговорил тот снова, - что любовь живет вечно, и однако, когда мы исчезаем, наши места занимают другие, а раны, причиненные нашей смертью, заживают. Тем не менее, у смерти есть еще одно жало, которое наиболее умные из нас могут обезвредить. Есть возможность уменьшить удар, наносимый смертью, умалить победу разверстой могилы. Когда мы узнаем, что наши часы сочтены, и когда дыхание слабеет и делается реже, и когда начинает проникать

В уши тронутые смертью, трепетанье райских крыль,

В очи, тронутые смертью, блеск раскрывшихся светил, - есть сладкое утешение в сознании, что те, кого мы оставляем в этом мире, защищены от нужд. Джентльмены! Мы все - далеко от своих очагов, и вы знаете опасности путешествий. Я представитель лучшей в мире страховой компании от несчастных случаев, и я хочу занести в ее списки каждого из вас. Я предлагаю вам на случай смерти, потери трудоспособности, утраты пальцев на ноге или руке, нервного потрясения, острого заболевания...

Но человек в золотом пенсне обращался к пяти пустым стульям, и луна с саркастической усмешкой скользнула за черный контур здания.

СОМНЕНИЕ

Они жили в чистеньком маленьком домике на Прери-Авеню и были женаты около года. Она была молода и сентиментальна, а он был клерком на жалованье в пятьдесят долларов в месяц. Она сидела, качая колыбель и не отрывая глаз от чего-то, завернутого в розовое и белое, что крепко спало, а он читал газету.

- Чарли, - вдруг сказала она, - ты должен подумать о необходимости начать экономить и откладывать понемногу каждый месяц на будущее. Ты должен понять, что следует позаботиться о прибавлении к нашему дому, которое принесет с собой радость и удовольствие и зазвенит веселой музыкой у нашего очага. Ты должен приготовиться к обязательствам, которые падут на тебя, и помнить, что не о нас одних придется подумать. И в то время, как наши пальцы будут

прикасаться к струнам, из которых по желанию могут быть извлечены чудные мелодии или диссонансы, и в то время, как звуки будут расти выше и громче, мы должны не забывать о долгах, нами на себя принятом. Ты представляешь всю ответственность?

Чарли сказал:

- Да.

А потом пошел в сарайчик для дров, бормоча себе под нос:

- Интересно: она болтала о младенце или имеет в виду купить фортепиано в рассрочку?

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Незнакомый человек вошел на днях в хаустонский банк и предъявил кассиру к оплате именной чек.

- Кто-нибудь должен удостоверить, - сказал кассир, - что ваше имя действительно Генри Б.Саундерс.

- Но я никого в Хаустоне не знаю, - сказал незнакомец. - Вот целая пачка писем, ко мне адресованных, и телеграмма от моей фирмы, и мои визитные карточки. Разве они не могут служить достаточным доказательством?

- Сожалею, - сказал кассир, - но хотя я никак не сомневаюсь, что вы именно нужное лицо, однако наши правила требуют лучших доказательств.

Человек расстегнул жилет и показал инициалы: "Г.Б.С." на сорочке.

- Это сойдет? - спросил он.

Кассир покачал головой.

- У вас могут быть письма Генри Б.Саундерса, и его бумаги, и даже его сорочка, и все-таки вы можете не быть им. Нам приходится проявлять максимальную осторожность.

Незнакомец распахнул сорочку и показал огромный горчичник, покрывающий почти всю его грудь.

- Вот, - вскричал он, - если бы я не был Генри Б.Саундерсом, я, по-вашему, носил бы по всему телу его горчичники? По-вашему я согласился бы покрывать себя всего волдырями, чтобы изображать какое-либо лицо? Гоните сюда монету, мне некогда валять больше дурака!

Кассир поколебался, но потом выложил деньги. Когда незнакомец ушел, чиновник мягко потер себе подбородок и пробормотал:

- Эти горчичники могли быть в конце концов и чужими, но - без всякого сомнения - все в порядке. Он - он.

ЯБЛОКО

Юноша держал в руке круглое, румяное, до приторности сладкое яблоко.

- Съешь его, - сказал Дух. - Это - яблоко Жизни.

- Я не хочу его, - сказал юноша, и отбросил яблоко далеко от себя. Я хочу успеха. Я хочу славы, богатства, власти и знания.

- Тогда идем, - сказал Дух.

Они пошли рука об руку по крутым каменистым тропинкам. Солнце жгло, мочил дождь, окутывали горные туманы и снег падал, такой прекрасный и предательски мягкий, скрывая тропу, по которой они карабкались вверх. Быстро летело время и золотые кудри юноши приняли белую окраску снега. Его стан согнулся от вечного карабканья вверх, рука его ослабела, и голос стал высоким и дрожащим.

Дух не изменился, и на его лице была непроницаемая улыбка мудрости.

Они достигли наконец высочайшей вершины. Старик, который некогда был юношой, сказал, обращаясь к Духу:

- Дай мне яблоко Успеха. Я взошел на вершины, на которых оно растет, и оно принадлежит мне. Но поторопись, потому что странная мгла заволакивает мои глаза.

Дух протянул ему яблоко - круглое, румяное, прекрасное на вид.

Старик откусил от него и увидел, что оно сгнило внутри и обратилось в пыль.

- Что это? - спросил он.

- Это было когда-то яблоком Жизни, - сказал Дух. - Теперь это яблоко Успеха.

ОТКУДА ЭТО ПОШЛО

- Вы бы лучше подвинули кресло немного назад, - сказал старожил. - Я видел, как один из Джудкинов только что вошел в редакцию газеты с ружьем в руке, и возможно, что будет маленькая перестрелка.

Репортер, собиравший в это время в городе кое-какие сведения для большого издания, быстро укрылся вместе со своим креслом за колонной и спросил о причинах такого возбуждения страстей.

- Это старая война, длившаяся уже несколько лет, - сказал старожил, между редактором и семейством Джудкинов. Приблизительно раз в два месяца они палят друг в дружку. нет человека в окрестности, который не знал бы этой истории. Вот откуда это пошло. Джудкины живут в другом городе, и однажды хорошенская барышня из их семейства приехала сюда погостить у некоей миссис Браун. Миссис Браун дала бал - как в самом высшем свете! чтобы показать свою гостью молодым людям города. Один из них влюбился в барышню и послал маленькое стихотвореньице в нашу газету "Наблюдатель". Вот как оно читалось:

*ПОСВЯЩЕНИЕ МИСС ДЖУДКИНС
(Гостящей у миссис Т.Монткальм Браун)
В ту ночь ты на себе имела
Манто на царственных плечах,
Лиши розу, воткнутую смело,
Являя в черных волосах.
Вся - воплощенье экстаза,
В румянце робкого стыда
Под яркими лучами газа
Стояла в зале ты тогда!*

Это-то стихотвореньице и послужило поводом к войне!

- Не вижу ничего плохого в этом стихотворении, - сказал репортер. Оно довольно коряво, но не содержит в себе ничего оскорбительного!

- Ну, - сказал старожил, - само по себе стихотвореньице в том виде, как его написал автор, было в полном порядке. Беда началась в редакции. После того, как оно появилось, первой, кому оно попалось на глаза, была начальница отдела "В городе и в свете". Это - старая дева, и она нашла "царственные плечи" нескромностью и вычеркнула всю вторую строку. Затем заведующий объявлениями перенюхал по обыкновению всю корреспонденцию, полученную на имя редактора, и увидел это стихотвореньице. В номере должно было как раз идти объявление о том, что каждая дама может легко и навсегда стать блондинкой, и он нашел, что одобрительный отзыв о шевелюре иного цвета едва ли уместен. И он выбросил четвертую строку.

Затем появилась жена редактора, чтобы проверить, нет ли среди его писем квадратных надушенных конвертов, и пробежала стихотворение. Она сама была на балу у миссис Браун и, когда прочла строку, где мисс Джудкинс определялась, как "вся - воплощенье экстаза", то вздернула нос и выцарапала строчку прочь.

Наконец взял стихотворение в руки сам редактор. Он лично заинтересован в нашей новой электрической сети, и его синий карандаш быстро вцепился в строку "Под яркими лучами газа". Позже зашел человек из типографии, схватил груду материала, в том числе и это стихотвореньице. Вы знаете, на что способна типография, если только ей представится случай, так что вот в каком виде стихотворение появилось в газете:

ПОСВЯЩЕНИЕ МИСС ДЖУДКИНС
(Гостящей у миссис Т.Монткальм Браун)
*В ту ночь ты на себе имела
Лиши розу, воткнутую смело,
В румянце робкого стыда
Стояла в зале ты тогда.*

- Ну, и, - закончил старожил, - Джудкинсы взбесились!

КРАСНОРЕЧИЕ РЭДА КОНЛИНА

Они говорили о силе убеждения великих ораторов и каждый имел что сказать в защиту своего фаворита.

Вояжер готов был выставить мировым чемпионом в ораторском искусстве Барка Кокрена, молодой адвокат полагал самым убедительным говоруном сладкого Ингерсолла, а страховой агент поддерживал кандидатуру магнетического В.К.П.Брекенбриджа.

- Они все болтают немного, - сказал старый скотопромышленник, пыхтевший своей трубкой и прислушивавшийся к разговору, - но ни один из них и в подметки не годится Рэду Конлину, который командовал скотом под Сэнтоном в восьмидесятом. Знали когда-нибудь Рэда?

Никто из присутствующих не имел этой чести.

- Рэд Конлин был прирожденный оратор. Он не был перегружен науками, но слова из него текли так же легко и свободно, как виски из полного бочонка через новый кран. Он был вечно в прекрасном настроении, улыбался до ушей, и если просил передать ему хлеба, так делал это, как будто защищал свою жизнь. Он был-таки человеком с даром речи, и этот дар никогда не изменял ему.

Помню, одно время в округе Атаскоза на нас здорово наседали конокрады. Их была целая шайка, и они угоняли по жеребцу почти каждую неделю. Несколько человек собрались вместе, составили компанию и решили покончить с этим. Главарем шайки был парень по имени Мулленс - и кряжистый же пес он был! Готовый драться - и при этом когда угодно. Двадцать человек оседали коней и стали лагерем, нагруженные шестизарядниками и винчестерами. У этого Мулленса хватило дерзости попытаться отрезать наших верховых коней в первую же ночь, но мы услыхали, вскочили в седла и бросились по горячему следу. Вместе с Мулленсом было еще человек пять-шесть.

Ночь была - зги не видать, и скоро мы настигли одного из них. Лошадь под ним была хромая - и мы узнали в нем Мулленса по огромной белой шляпе и черной бороде. Мы до такой степени были обозлены, что не дали ему сказать ни слова, и через две минуты у него на шее была веревка, и вот уже Мулленс вздернут, наконец! Мы подождали минут десять, пока он перестал дрыгать ногами, и тогда один парень зажигает из любопытства спичку и вдруг - ка-ак вззвизгнет:

- Боже праведный, ребята, мы повесили не того, кого надо!

И так оно и было.

Мы отменили приговор и провели процесс еще раз, и оправдали его - но это уже не могло ему помочь. Он был мертв, как Дэйви Крокет.

То был Сэнди Макней, один из спокойнейших, честнейших и самых уважаемых людей в округе и - что всего хуже - он всего три месяца, как женился.

- Что нам теперь делать? - говорю я, и действительно тут было, над чем подумать.

- Мы, должно быть, где-нибудь поблизости от дома Сэнди, - говорит один из парней, пробуя взглянуться во тьму и вроде как определить место нашего блестящего - как это принято говорить - куп-детата.

В эту минуту мы видим освещенный четырехугольник открывшейся двери, и оказывается, что дом всего в двухстах ярдах, и женщина - в которой мы не могли не узнать жену Сэнди - стоит на пороге и выглядывает его.

- Кто-нибудь должен пойти и сказать ей, - говорю я. Я вроде как был предводителем. - Кто это сделает?

Ни один не спешил отозваться.

- Рэд Конлин, - говорю я, - ты этот человек. Ты единственный из всех, который сможет раскрыть рот перед несчастной женщиной. Иди, как подобает мужчине, и пусть господь научит тебя, что сказать, потому что будь я проклят, если могу.

Малый ни одной минуты не колебался. Я видел в темноте, что он вроде как плюнул на руку и пригладил назад свои рыжие кудри, и я подметил, как блеснули его зубы, когда он сказал:

- Я пойду, ребята. Подождите меня.

Он ушел, и мы видели, как дверь открылась и закрылась за ним.

- Да поможет бог несчастной вдове, - говорили мы друг дружке, - и черт побери всех нас - слепых кровожадных мясников, которые не имеют даже права называть себя людьми!

Прошло, должно быть, минут пятнадцать, прежде чем Рэд вернулся.

- Ну, как? - прошептали мы, почти боясь, что он заговорит.

- Все уложено, - сказал Рэд, - вдова и я просим вас на свадьбу в следующий вторник вечером. Этот Рэд Конлин умел-таки говорить!

ПОЧЕМУ ОН КОЛЕБАЛСЯ

Человек с усталым, исхудавшим лицом, которое ясно обнаруживало следы глубокого горя и страданий, взбежал в волнении по лестнице, ведшей в редакцию "Техасской Почты".

Редактор литературного отдела сидел один у себя в углу, посетитель бросился в кресло рядом и заговорил:

- Извините, сэр, что я навязываю вам свое горе, но я должен раскрыть душу перед кем-нибудь. Я несчастнейший из людей. Два месяца тому назад в маленьком тихом городке восточного Техаса жила в мире и довольстве одна семья. Хезекия Скиннер был главой этой семьи, и он почти боготворил свою жену, которая, как ему казалось, платила ему тем же. Увы, сэр, она обманывала его. Ее уверения в любви были лишь позлащенной ложью, с целью запутать и ослепить его. Она влюбилась в Вильяма Вагстафа, соседа, который вероломно задумал пленить ее. Она вняла мольбам Вагстафа и сбежала с ним, оставив своего мужа с разбитым сердцем у разрушенного очага. Чувствуете ли вы ужас всего этого, сэр?

- Помилуйте, еще бы! - сказал редактор. - Я ясно представляю себе агонию, горе, глубокое страдание, которые вы должны были испытывать!

- Целых два месяца, - продолжал посетитель, - дом Хезекии Скиннера пустовал, а эта женщина и Вагстаф метались, спасаясь от его гнева.

- Что вы намерены делать? - спросил круто литературный редактор.

- Я совершенно теряюсь. Я не люблю больше этой женщины, но я не могу избежать мучений, которым я подвергаюсь все больше день ото дня.

В эту минуту в соседней комнате раздался резкий женский голос, о чем-то спрашивающий редакционного мальчика.

- Боже правый, ее голос! - вскричал посетитель, в волнении вскакивая на ноги! - Я должен скрыться куда-нибудь. Скорее! разве нет выхода отсюда? Через окно, через боковую дверь, через что угодно, пока она еще не нашла меня.

Литературный редактор встал с негодованием на лице.

- Стыдитесь, сэр, - сказал он. Не играйте такой недостойной роли. Встретьте лицом к лицу вашу неверную жену, мистер Скиннер, и обвините ее в разрушении вашего дома и вашей жизни. Почему вы колеблетесь встать на защиту своих прав и чести?

- Вы меня не поняли, - сказал посетитель, вылезая, с бледным от страха лицом, через окно на крышу прилегающего сарайчика. - Я - Вильям Вагстаф.

ИЗУМИТЕЛЬНОЕ

Мы знаем человека, который является, пожалуй, самым остроумным из всех мыслителей, когда-либо рождавшихся в нашей стране. Его способ логически разрешать задачу почти граничит с вдохновением.

Как-то на прошлой неделе жена просила его сделать кое-какие покупки и, ввиду того, что при всей мощности логического мышления, он довольно-таки забывчив на житейские мелочи, завязала ему на платке узелок. Часов около девяти вечера, спеша домой, он случайно вынул платок, заметил узелок и остановился, как вкопанный. Он - хоть убейте! - не мог вспомнить, с какой целью завязан этот узел.

- Посмотрим, - сказал он. - Узелок был сделан для того, чтобы я не забыл. Стало быть он - незабудка. Незабудка - цветок. Ага! Есть! Я должен купить цветов для гостиной.

Могучий интеллект сделал свое дело.

ПРИЗЫВ НЕЗНАКОМЦА

Он был высок, угловат, с острыми серыми глазами и торжественно-серьезным лицом. Темное пальто на нем было застегнуто на все пуговицы и имело в своем покрове что-то священническое. Его грязно-рыжеватые брюки болтались, не закрывая даже верхушек башмаков, но зато его высокая шляпа была чрезвычайно внушительна, и вообще можно было подумать, что это деревенский проповедник на воскресной прогулке.

Он правил, сидя в небольшой тележке, и когда поровнялся с группой в пять-шесть человек, расположившейся на крыльце почтовой конторы маленького техасского городка, остановил лошадь и вылез.

- Друзья мои, - сказал он, - у вас всех вид интеллигентных людей, и я считаю своим долгом сказать несколько слов касательно ужасного и позорного положения вещей, которое наблюдается в этой части страны. Я имею ввиду кошмарное варварство, проявившееся недавно в некоторых из самых культурных городов Техаса, когда человеческие существа, созданные по образу и подобию творца, были подвергнуты жестокой пытке, а затем зверски сожжены заживо на самых людных улицах. Что-нибудь нужно предпринять, чтобы стереть это пятно с чистого имени вашего штата. Разве вы не согласны со мной?

- Вы из Гальвестона, незнакомец? - спросил один из людей.

- Нет, сэр. Я из Массачусетса, колыбели свободы несчастных негров и питомника их пламеннейших защитников. Эти костры из людей заставляют нас плакать кровавыми слезами, и я здесь для того, чтобы попытаться пробудить в ваших сердцах сострадание к чернокожим братьям.

- Полагаю, вы можете смело ехать дальше, - сказал один из группы. - У нас на этот счет свой взгляд на вещи и до тех пор, пока негры будут совершать свои гнусные преступления, мы будем их наказывать.

- И вы не будете раскаиваться в том, что призвали огонь для мучительного отправления правосудия?

- Нисколько.

- И вы будете продолжать подвергать негров ужасной смерти на кострах?

- Если обстоятельства заставят.

- В таком случае, джентльмены, раз ваша решимость непоколебима, я хочу предложить вам несколько гро сов спичек, дешевле которых вам еще не приходилось встречать. Взгляните и убедитесь. Полная гарантия. Не гаснут ни при каком ветре и воспламеняются обо все, что угодно: дерево, кирпич, стекло, чугун, железо и подметки. Сколько ящиков прикажете, джентльмены?

РОМАН ПОЛКОВНИКА

Они сидели у камина за трубками. Их мысли стали обращаться к далекому прошлому.

Разговор коснулся мест, где они провели свою юность, и перемен, которые принесли с собой промелькнувшие годы. Все они уже давно жили в Хаустоне, но только один из них был уроженцем Техаса.

Полковник явился из Алабамы, судья родился на болотистых берегах Миссисипи, бакалейный торговец увидел впервые божий свет в замерзшем Мэне, а мэр гордо заявил, что его родина - Теннеси.

- Кто-нибудь из вас, ребята, ездил на побывку домой, с тех пор как вы поселились здесь? - спросил полковник.

Оказалось, что судья побывал дома дважды за двадцать лет, мэр - один раз, бакалейщик - ни разу.

- Это забавное ощущение, - сказал полковник, - посетить места, где вы выросли, после пятнадцатилетнего отсутствия. Увидеть людей, которых вы столько времени не видели, все равно, что увидеть привидения. Что касается меня, то я побывал в Кросстри, в Алабаме, ровно через пятнадцать лет со дня своего отъезда оттуда. Я никогда не забуду впечатления, которое на меня произвел этот визит.

В Кросстри жила некогда девушка, которую я любил больше, чем кого-либо на свете. В один прекрасный день я ускользнул от приятелей и направился в рощу, где когда-то часто гулял с ней. Я прошел по тропинкам, по которым ступали наши ноги. Дубы по обеим сторонам почти не изменились. Голубенькие цветочки могли быть теми же самыми, которые она вплетала себе в волосы, выходя ко мне навстречу.

Особенно мы любили гулять вдоль ряда густых лавров, за которыми журчал крохотный ручеек. Все было точно таким же. Никакая перемена не терзала мне сердца. Надо мной высился те же огромные сикоморы и тополя; бежала та же речушка; мои ноги ступали по той же тропе, по которой мы часто гуляли с нею. Похоже было, что если я подожду, она обязательно придет, легко ступая во мраке, со своими глазами-звездами и каштановыми кудрями, такая же любящая, как и прежде. Мне казалось тогда, что ничто не могло бы нас разлучить - никакое сомнение, никакое непонимание, никакая ложь. Но - кто может знать?

Я дошел до конца тропинки. Там стояло большое дуплистое дерево, в котором мы оставляли записки друг другу. Сколько сладких вещей могло бы рассказать это дерево, если б только оно умело! Я считал, что после щелчков и ударов жизни мое сердце огрубело - но оказалось, что это не так.

Я заглянул в дупло и увидел что-то, белевшее в глубине его. То был сложенный листок бумаги, желтый и запыленный от времени. Я развернул и с трудом прочел его.

- "Любимый мой Ричард! Ты знаешь, что я выйду за тебя замуж, если ты хочешь этого. Приходи пораньше сегодня вечером, и я дам тебе ответ лучше, чем в письме. Твоя и только твоя Нелли".

Джентльмены, я стоял там, держа в руке этот маленький клочок бумаги, как во сне. Я писал ей, прося стать моей женой, и предлагал положить ответ в дупло старого дерева. Она, очевидно, так и сделала, но я не нашел его в темноте, и вот все эти годы промчались с тех пор над этим деревом и этим листком...

Слушатели молчали. Мэр вытер глаза, а судья забавно хрюкнул. Они были пожилыми людьми теперь, но и они знали любовь в молодости.

- Вот тогда-то, - сказал бакалейный торговец, - вы и отправились в Техас и никогда больше не встречались с нею?

- Нет, - сказал полковник, - когда я не пришел к ним в ту ночь, она послала ко мне отца, и через два месяца мы поженились. Она и пятеро ребят сейчас у меня дома. Передайте табак, пожалуйста.

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Кроткого вида человек с одним глазом и робкой виляющей походкой вошел в один из хаустонский баров в то время, когда там никого не было, кроме владельца, и сказал:

- Прошу прощения, сэр, не позволите ли вы мне зайти на одну секунду за стойку? Вы можете не спускать с меня глаз. Я хочу взглянуть на одну вещь сам.

Содержателю бара делать было нечего, и он из любопытства удовлетворил просьбу посетителя.

Кроткого вида человек зашел за стойку и подошел к одной из полок.

- Не будете ли вы любезны снять на минутку эту бутылку с вином и стаканы?

Владелец сделал это и обнаружил расщепленную часть задней доски и в ней маленькую дырку, довольно глубоко идущую внутрь.

- Спасибо, больше ничего, - сказал кроткий человек, выходя из-за стойки.

Он в раздумья прислонился к ней и сказал:

- Я прострелил эту дырку в полке девять лет тому назад. Я пришел сюда со страшной жаждой и без единого цента в кармане. Хозяин отказал мне в выпивке, и я начал палить. Эта пуля пробила ему ухо и пять бутылок шампанского прежде, чем попасть в полку. Я так громко гаркнул после этого, что двое людей сломали себе руки, пытаясь выбраться за дверь, а хозяин так дрожал, когда смешивал для меня виски и соду, что можно было подумать, будто он наливает лекарство, которое надо взвалывать перед употреблением.

- Да? - сказал владелец.

- Да, сэр, мне сегодня что-то не по себе, а такое самочувствие всегда делает меня резким и вспыльчивым. Немного джина и английской горькой хорошо помогают в этих случаях. раз шесть, помнится, я выстрелил в тот день, про который я вам рассказываю. Виски без всяких примесей вполне годится, если нет джина.

- Если бы у меня была липкая бумага для мух, - сказал хозяин бара нежным голосом, - я бы посадил вас на нее и повесил в заднем окне. Но она у меня вся вышла и, следовательно, я вынужден принять более крутые меры. Я завяжу узел на конце этого полотенца, потом сосчитаю до десяти и только после этого выйду из-за стойки. Таким образом у вас будет достаточно времени, чтобы произвести пальбу, да смотрите, не забудьте гаркнуть так, как вы гаркнули тогда!

- Обождите минутку, - сказал кроткого вида человек. - Я припоминаю, что доктор запретил мне употреблять горячительные напитки в течение шести недель. Но все одно вы были на волосок от смерти. Я, пожалуй, дойду до ближайшего аптекарского магазина и упаду в припадке на тротуар. Это даст, по крайней мере, немного эссенции и ароматической настойки.

ХВАТИТ НА ГОД

Он был одним из богатейших граждан города, но не любил бахвалиться своим богатством. Маленькая, худенькая, плохо одетая девочка стояла, глядя в окно гастрономического магазина, где было выставлено столько вкусных вещей.

- Как тебя зовут, крошка? - спросил он.

- Сюзи Тоипкинз, сэр, - отвечала она, глядя на него большими преследующими голубыми глазами.

В ее невинном, умоляющем голоске было что-то, пробудившее в сердце старого миллионера странное чувство. Впрочем, это мог быть результат несварения желудка.

- У тебя есть отец? - спросил он.

- Ах, нет, сэр, только я одна поддерживаю свою маму.

- Разве твоя мать так бедна?

- О, да, сэр.

- Как зовут твою мать?

- Сюзанной, сэр. Как и меня.

- Скажи мне, дитя, - сказал богач, хватая ее руку в страшном волнении, - у твоей матери бородавка на носу и от нее вечно пахнет луком?

- Да, сэр.

Миллионер на мгновение закрыл лицо руками и затем сказал дрожащим голосом:

- Дитя мое, твоя мать и я некогда знали друг друга. У тебя ее голос, ее волосы и ее глаза. Если бы не недоразумение, то может быть... Впрочем, это все уже прошло и никогда уже не вернется!

Человек расстегнул пальто и вынул из кармана пиджака сверток.

- Возьми это, - сказал он. - У меня их больше, чем нужно. Тебе и твоей матери этого хватит на год.

Маленькая девочка схватила сверток и радостно побежала домой.

- Посмотри, мама! - вскричала она. - Мне дал это один джентльмен. Он сказал, что этого хватит нам на целый год.

Бледная женщина вскрыла сверток дрожащими руками.

То был прелестный новый отрывной календарь.

ЛЕГКАЯ СМЕСЬ

Некий хаустонский житель, любитель рысистого спорта, женился несколько месяцев тому назад. Он является также гордым собственником прелестной кобылы-двулетки, которая прошла 5 с половиной стадий в 1.09 минут и от которой он ждет еще большей резвости в следующем сезоне. Он назвал кобылу по имени своей жены, и обе они дороги его сердцу. Представитель "Техасской Почты", завернувший к нему вчера, нашел его очень разговорчивым.

- Да, - сказал он, - я счастливейший человек в Техасе. Бесси и я живем теперь одной семьей и устраиваемся довольно недурно. Эта моя кобылка еще покажет чудеса! Бесси так же интересуется ею, как и я. Вы знаете, я назвал ее по жене. Она чистокровная. Говорю вам, глаза радуются, когда видишь, как Бесси трусит ко мне навстречу...

- Вы имеете в виду кобылу?

- нет, жену. Она собирается держать пари на двенадцать дюжин лайковых перчаток за Бесси следующий раз. У меня только одно возражение против нее. Она держит голову набок, и заплетает ноги на ходу, и вечно рвет чулки.

- Ваша ж... жена?

- Нет, что с вами такое? Кобыла. Мне очень приятно, когда мои друзьяправляются о Бесси. Она становится всеобщей любимицей. Мне такого труда стоило добить ее. Я готов окружить ее царственным уходом...

- Вашу кобылу?

- Нет, жену. Мы с Бесси отправились на днях объездить кобылу. Бесси очарование. У нее одно плечо выше чуть-чуть другого и небольшое затвердение в одной из ног, но зато как развита грудь! А что вы скажете о ее крупе?

- Я... я... я, право, не имел чести встречаться с вашей супругой, но я не сомневаюсь...

- О чем вы толкуете? Я имею в виду кобылу. Бега состоятся как раз в годовщину нашей свадьбы. Это будет настоящее празднество! Вы знаете, мы ровно год, как женаты. Я считаю, что Бесси скоро покажет себя! Мы ждем одного новенького, которым мы все заранее очень интересуемся. Вы, право же, должны заглянуть к нам и присутствовать при этом событии!

- Я... я... я, право, это будет неделикатно... вы должны извинить меня! Я ни при чем таком ни разу не присутствовал. Я... я...

- О, бега, это - такое невинное зрелище! Прекрасный вид спорта! Ну, пока всего. Мне нужно выйти и проветрить Бесси немного.

ВЕРНЫЙ СПОСОБ

Редактор сидел в своем роскошно меблированном святылище, склониввшись над грудой рукописей и опираясь на руку высоким челом. До сдачи полос в машину оставалось не более часа, а надо еще было написать передовую по вопросу о революции в Венесуэле.

Бледный одухотворенный юноша приблизился, держа в руке свернутую в трубку рукопись, перевязанную розовой ленточкой.

- Вот небольшая вещица, - сказал юноша, - которую я набросал в минуты досуга.

Редактор развернул рукопись и взглянул на бесконечные строчки стихов. Затем он вынул из кармана бумажку в двадцать долларов и протянул ее поэту. Послышался глухой стук падения и в ответ на звонок редактора вбежали курьеры и вынесли из кабинета безжизненное тело поэта.

- Третий за сегодня, - пробормотал великий публицист, кладя обратно в карман кредитный билет. - Действует лучше пули и дубины, и судья всегда выносит приговор: смерть от разрыва сердца.

Часть II: Остальное

Закон и порядок

Недавно я очутился в Техасе и осмотрел все старые места.

В овечьем ранчо, где я жил несколько лет тому назад, я остановился на неделю. И, как все посетители, я с головой ушел в текущую работу, которая оказалась купаньем овец. Этот процесс настолько отличается от обычного крещения человека, что нуждается в пояснении.

Громадный железный котел с разведенным под ним огнем - половина всего адского огня - частью наполняется водой, которая скоро начинает неистово кипеть. Затем туда бросают известь, концентрированный щелок и серу; все это должно тушиться и выкипать до тех пор, пока это чортово варево не станет таким крепким, что могло бы обжечь руку ведьме. Это конденсированное варево затем смещивается в длинном, глубоком чане с несколькими кубическими галлонами горячей воды; овец ловят за задние ноги и бросают в эту смесь. После основательного погружения при помощи вилкообразного шеста в руках специально для этого приставленного джентльмэна, овцам разрешается выкарабкаться по наклонным доскам в корраль и высохнуть там, или околеть, в зависимости от того, что им подскажет состояние их организма.

Если вам приходилось когда-нибудь ловить здорового двухгодовалого барана за задние ноги, и чувствовать те 750 вольт пинков, которые он может пропустить через вашу руку, прежде чем удастся швырнуть его в чан, вы, конечно, семнадцать раз пожелаете, чтобы он лучше околел, чем высох.

Все это сказано для того только, чтобы объяснить, почему Бед Оклей и я после купанья овец радостно растянулись на берегу charco, радуясь благоприобретенному аппетиту и чудесному соприкосновению с землец после утомительной мускульной работы.

Стадо было не большое, и мы закончили купанье в три часа пополудни. Бед вытащил из mortaля на луке своего седла кофе и кофейник, а также большой каравай хлеба и ветчину.

М-р Мильс, владелец ранчо и мой давнишний приятель уехал обратно в ранчо, в сопровождении рабочих из мексиканских trabajadores.

В то время как ветчина, поджариваясь, приятно пела, за нами раздался стук лошадиных подков. Шестизарядный револьвер Беда находился в кобуре на расстоянии десяти футов от него, но мой товарищ не обратил ни малейшего внимания на приближающегося всадника.

Такое отношение техасского ранчмэна было настолько отлично от прежних обычаем, что я удивился. Инстинктивно обернувшись, чтобы разглядеть возможного врага, угрожавшего нам с тыла, я увидел всадника в черной одежде, который мог быть адвокатом или пастором, или же купцом. Он мирно ехал рысцой вдоль ручья.

Бед увидел мое движение и улыбнулся саркастически и печально.

- Вы слишком долго отсутствовали, - сказал он. - Вам больше не нужно оборачиваться в этом штате, когда кто-нибудь скажет сзади вас, пока что-нибудь не ударит вас в спину; но даже и в этом случае вам может угрожать только пачка брошюр или протест против трестов - для подписи.

Я даже не посмотрел на hombre проехавшего мимо, но готов прозакладать четверть овечьей мочки, что это какая-нибудь двуличная сволочь, раз'езжающая для собирания голосов в пользу запрещения выпивки.

- Времена переменились, Бед, - сказал я с видом оракула: - закон и порядок теперь являются правилом на Юге и Юго-Западе.

Я заметил холодный блеск в бледно-голубых глазах Беда.

- Я не... - начал я спешно.

- Разумеется, нет, - горячо сказал Бед. - Вы хорошо знаете. Вы здесь прежде жили. Закон и порядок, говорите вы? Двадцать лет назад они были здесь. У нас было всего два или три закона: об убийстве при свидетелях, Во поимке на месте при краже лошадей, о голосовании по республиканскому списку! А теперь что? Мы все время получаем приказы за приказами, а законность уходит из штата. Законодатели заседают в Аустине и ничего не делают, кроме того, что издают постановление против ввоза в штат керосина и школьных учебников. Я думаю, они

боятся, что кто-нибудь вечером после работы зажжет лампу и получит образование, а затем примется за дело и составит закон об отмене вышеупомянутых законов. Я стою за прежние времена, когда законы и порядок были, действительно, тем, чем назывались. Закон был законом, а порядок-порядком.

- Но...-начал я. - Пока закипит кофе,-продолжал Бед,-я хотел описать вам случаи подлинного закона и порядка, которого я был свидетелем в те времена, когда дела разрешались в камерах шестизарядного револьвера вместо камер высшего суда.

- Слыхали вы о старом Бене Киркмане, короле скота? Его ранчо тянулось от Нуесес до Рио-Гранде. В те времена, как вы знаете, были бароны скота и короли скота. Разница между ними была следующая. Если скотовод отправлялся в Сан-Антоне, заказывал пиво для газетных репортеров и сообщал им количество скота, которым в действительности владел, они в газетах называли его бароном.

Если же он заказывал шампанское и к количеству купленного им скота прибавлял количество скота, им украденного, его называли королем.

Лука Семмерс был одним из работников на его ранчо. Однажды на ранчо короля явилась кучка восточных людей из Нью-Йорка или Канзас-Сити, или откуда-то по соседству. Лука с небольшим отрядом был послан сопровождать их, смотреть, чтобы гремучим змеям было сделано должное внушение при их приближении, и отгонять с дороги скотину. Среди кучки приезжих была черноглазая девушка, которая носила второй номер ботинок. Это-все, что я заметил у нее. Но Лука, вероятно, видел больше моего, так как женился на ней за день до того, как кавалькада отправилась домой. Он переехал в Канада-Верде и обзавелся собственным ранчо. Я нарочно пропускаю всю сентиментальную часть, так как никогда не видел и не желал видеть ее. Лука взял меня с собой, потому что мы были старыми друзьями, и я ходил за скотом по его вкусу.

Я пропускаю много из того, что последовало, потому что никогда не видел и не желал видеть ничего такого,- но через три года по галерее и по дому ранчо Луки, переваливаясь и спотыкаясь, затопал мальчуган. Я никогда особенно не ценил детей, но они, повидимому, ценили.

Я опять пропускаю много из того, что последовало до того дня, когда на ранчо в наемных экипажах и телегах приехала компания друзей м-с Семмерс с Востока,- сестра, что ли, и двое или трое мужчин. Один был похож на чьего-то дядю, другой ни на что не был похож, а третий носил галлифе и говорил особенным тоном голоса. Мне никогда не нравился человек, говоривший таким голосом.

Я пропускаю многое, что последовало, но однажды после обеда, когда я приехал в дом за приказаниями относительно погрузки гурта скота, я слышу словно выстрел из пугача.

Я жду у решетки, не желая вмешиваться в частные дела. Немного погодя выходит Лука и отдает приказание некоторым своим мексиканским работникам; они идут и выводят несколько экипажей, и вскоре после того выходит сестра, или что-то в этом роде, и кто-то из мужчин. Мужчины несут человека в галлифе, говорившего особым голосом, и кладут его в одну из повозок. А затем видно было, что все они направляются по дороге домой. - Бед,- говорит мне Лука,- прошу вас приодеться и поехать со мной в Сан-Антоне.

-Дайте мне надеть мои мексиканские шпоры, и я готов ехать.

Повидимому, одна из сестр, или в этом роде, осталась на ранчо с м-с Семмерс и ребенком. Мы едем в Энсиаль, там попадаем на международный поезд и приываем в Сан-Антоне утром. После завтрака Лука ведет меня прямо в контору адвоката. Они уходят в комнату, разговаривают там и приходят обратно.

- Никаких хлопот не будет, м-р Семмерс,- говорит адвокат.- Я сегодня же ознакомлю судью Симменса с фактами, и дело это будет проведено возможно скорее. В этом штате царят закон и порядок, такой же быстрый и верный, как где-либо в стране.

- Я подожду решения, если это не затянется более получаса,-говорит Лука.

- Ну, ну,-говорит адвокат.- Закон должен ити своим течением. Возвращайтесь послезавтра к половине девятого.

К этому времени мы с Лукой являемся, и адвокат вручает ему сложенный документ. Лука выписывает ему чек. На тротуаре Лука протягивает мне бумагу, кладет на нее палец, величиной с щеколду у ухонной двери, и говорит: Решение об окончательном разводе с присуждениям

ребенка!

- Не касаясь многого случившегося, чего я не знаю,-говорю я,-все это мне кажется похожим на шантаж. Что же. адвокат не мог разве уладить это?

- Бед,- говорит он, с огорченным видом,- ребенок - единственное, что мне осталось в жизни. Она может уходить, но мальчик - мой! Вы подумайте: я опекун моему ребенку.

- Хорошо,- говорю я.- Если это закон, подчинимся ему. Но я думаю, что судья Симменс мог бы применить в нашем случае известную милость или какой для этого употребляется легальный термин.

Видите ли, я не был особенно обольщен желанием иметь детей на ранчо, за исключением того сорта, которые сами кормятся и продаются по столько-то за штуку на копытах. Но Лука был заражен тем видом родительской дури, которую я никогда не мог понять. Все время, пока мы ехали со станции обратно в ранчо, он продолжал вынимать декрет суда из кармана, класть палец на его изнанку и читать заглавие.

- Опека над ребенком, Бед-говорит он.- Не забудь: опека над ребенком.

Но когда мы достигли ранчо, мы увидели, что наш судебный декрет предупрежден, и решение отменено. М-с Семмерс и ребенок исчезли. Нам рассказали, что через час после того, как я с Лукой отправились в Сан-Антоне, она велела запрягать и отправилась на ближайшую станцию со своими чемоданами и ребенком.

Лука еще раз вытаскивает свой декрет и читает о своих правах.

- Ведь невозможно, Бед, чтобы это так осталось. Это противоречит закону и порядку. Ведь здесь же написано ясно, как цент! Опека над ребенком. Ребенок присужден мне!

- По человечеству,- говорю я - следовало бы прихлопнуть их обоих... я говорю о ребенке.

- Судья Симменс, - продолжал Лука,- вернейший слуга закона. Она не имела права взять мальчика. Он принадлежит мне по статутам, принятым и утвержденным в штате Техас,

- Но он из'ят из юрисдикции мирских приказов,- говорю я,- неземными статутами женского пристрастия. Будем восхвалять творца и благодарить его даже за малые милости...- начал я, но вдруг вижу, что Лука не слушает меня.

Несмотря на усталость, он требует свежую лошадь и отправляется обратно на станцию.

Он возвращается через две недели и мало говорит.

- Мы не могли найти след,- заявляет он,- но мы телеграфировали столько, сколько могла вынести проволока. Мы пригласили для розысков этих городских ищек, которые называются детективами. Пока же, Бед,- говорит он,- мы отправимся об'езжать скот на Брэж-Крик и будем ждать действия закона.

После этого мы никогда больше не намекали на это происшествие. Пропускаю многое, что случилось за следующие двенадцать лет.

Лука был назначен шерифом графства Мохада. Он сделал меня своим помощником по канцелярии.

Не создавайте в уме своем ложных представлений, будто заведующий канцелярией только веде счета и снимает копии с писем прессом для выжимки яблок. В то время его делом было охранять окна сзади, чтобы никто не мог подойти к шерифу с тыла. Тогда у меня были качества, нужные для этого дела. В Мохадской провинции царили закон и порядок: были школьные учебники и виски, сколько угодно. А правительство строило собственные военные корабли и не собирало деньги для их постройки со школьников. И, как я говорил, царили закон и порядок, вместо всяких указов и запрещений, которые уродуют наш штат в настоящее время. Наша канцелярия помещалась в Бильдаде, главном городе графства, оттуда мы выезжали в редких случаях для усмирения беспорядков и волнений, случавшихся в районе нашей юрисдикции.

Пропуская многое, что случилось, пока мы с Лукой шерифствовали, я хочу дать вам представление о том, как в прежние времена почитался закон. Лука был одним из наиболее добросовестных людей в мире. Он никогда не был особенно хорошо знаком с писанным законом, но носил внедренными в свой организм природные зачатки справедливости и милосердия. Если какой-нибудь уважаемый гражданин, бывало, застрелил мексиканца или задержит поезд и очистит сейф в служебном вагоне, и если Луке удается поймать его, он делает виновному такое внушение и так выругает его, что тот вряд ли когда-нибудь повторит свой поступок. Но пусть

только кто-нибудь украдет лошадь, - если только это не испанский пони,- или разрежет проволочную ограду или иным образом нарушит мир и достоинство провинции Мохада, мы с Лукой напустимся на него с *habeas corpus*, бездымным порохом и всеми современными изобретениями справедливости и формальности.

Мы, конечно, держали свою провинцию на базисе законности. Я знал людей восточной породы в примятых фуражечках и ботинках на пуговицах, которые выходили в Бильдаде из поезда и ели сандвичи на железнодорожной станции, не будучи застреленными или хотя бы связанными и утащеннымми гражданами нашего города.

У Луки были собственные понятия о законности и справедливости. Он как бы готовил меня в преемники по должности, всегда думая о том времени, когда оставит шерифство. Ему хотелось выстроить себе желтый дом с решеткой под портиком, и хотелось еще, чтобы куры рылись у него во дворе. Самым главным для него был двор.

- Я устал от далей, горизонтов, территорий, расстояний и тому подобного,-говорил Лука.-Я хочу разумного дела. Мне нужен двор с решеткой вокруг, куда можно войти, и в котором можно сидеть после ужина и слушать крик козодоя.

Вот какой это был человек! Он любил домашнюю жизнь, хотя и не был счастлив в подобного рода предприятиях. Он никогда не говорил о том времени на ранчо.

Он как будто забыл о нем. Я удивлялся. Думая о дворах, цыплятах и решетках, он, казалось, забывал о своем ребенке, которого у него противозаконно отняли, несмотря на решение суда. Но он был не такой человек, чтобы можно было его спросить о подобных вещах, когда сам он не упоминал о них в своем разговоре. Я полагаю, что все свои мысли и чувства он вложил в исполнение своих обязанностей шерифа. В книгах я читал о людях, разочаровавшихся в этих тонких и поэтических делах с дамами; эти люди отрекались от такого дела и углублялись в какое - нибудь занятие, в роде писания картин или разводки овец, или науки, учительства в школах - чтобы забыть прошлое. Мне кажется, что то же было и с Лукой. Но так как он не умел писать картины, то стал ловить конокрадов и сделал графство Мохада безопасной местностью, где вы могли спокойно спать, если были хорошо вооружены и не боялись тарантулов.

Однажды через Бильдад проезжала кучка капиталистов с Востока; они остановились здесь, так как Бильдад - станция с буфетом. Они возвращались из Мексики, где осматривали рудники и прочее. Их было пятеро. Четверо солидных людей с золотыми цепочками, которые в среднем стоили более двухсот долларов каждая, и мальчик лет семнадцати-восемнадцати. На этом мальчике был одет костюм ковбоя; подобные костюмы эти неженки берут с собой на Запад.

Легко можно было догадаться, как страстно юнец мечтал захватить пару индейцев или же убить одного-двух медведей из маленького револьвера с выложенной перламутром ручкой. Такой револьвер висел у него на ремне вокруг пояса. Я спустился на станцию, чтобы присмотреть за этой публикой: чтобы они не арендовали какой-нибудь земли или не спугнули коней, привязанных перед лавкой Мурчисона, или не допустили бы другого предосудительного поступка.

Лука отправился ловить шайку воров скота вниз на Фрио, а я всегда в его отсутствие наблюдал за законом и порядком.

После обеда, пока поезд стоял на станции, мальчик выходит из обеденного зала и важно разгуливает взад и вперед по платформе, готовый застрелить всех антилоп, львов и частных граждан, которые вздумают досаждать ему. Это был красивый ребенок, но такой же, как все эти пижоны; он не мог распознать город, где царили закон и порядок.

Вскоре подходит Педро Джонсон, владелец "Хрустального Дворца-харчевни" где подают рагу из бобов,- в Бильдаде Педро был человек, любивший позабавиться. Он стал преследовать мальчика, смеясь над ним до упаду. Я находился слишком далеко, чтобы слышать что-либо, но мальчик, очевидно, сделал Педро какое-то замечание, а Педро подошел к нему, ударом отбросил его далеко назад и захочтал пуще прежнего.

Тут мальчик вскакивает на ноги скорее еще, чем упал, вытаскивает револьвер с перламутровой ручкой и-бинг-бинг-бинг! - три раза попадает в Педро, в специальные и наиболее ценные части его тела.

Я видел, как пыль подымалась от его одежды всякий раз, как пуля попадала в него.

Иногда эти маленькие тридцатидвухлинейные игрушки, следя близко одна за другой, могут причинить неприятность.

Раздается третий звонок, и поезд медленно начинает отходить. Я направляюсь к мальчику, арестую его и отбираю оружие. Но в эту минуту шайка капиталистов устремляется к поезду. Один из них нерешительно, на секунду, останавливается передо мной, улыбается, ударяет меня рукой под подбородок, и я растягиваюсь на платформе в сонном состоянии. Я никогда не боялся ружей, но не желаю, чтобы кто-нибудь, кроме цирульника, в другой раз позволял себе такие вольности с моим лицом. Когда я проснулся, весь комплект- поезд, мальчик и все остальное - исчезли. Я спросил про Педро; мне ответили, что доктор надеется на его выздоровление, если только раны не окажутся роковыми.

Лука через три дня вернулся. Когда я все рассказал ему, он совсем взбесился.

- Почему ты не телеграфировал в Сан-Антоне, чтобы там арестовали всю шайку?-спрашивает он.

- О,-говорю я:- я всегда восхищался телеграфией, но в ту минуту был больше занят астрономией. Капиталист этот здорово знает, как жестикулировать руками. Лука все более и более бесился.

Он сделал расследование и нашел на станции карточку, оброненную одним из капиталистов, на которой имелся адрес некоего Скедере из Нью-Йорка.

- Бед! - говорит Лука,- я отправляюсь за шайкой. Я еду в Нью-Йорк, захвачу этого мужчину или мальчика, как ты говоришь, и привезу его сюда. Я-шериф графства Мокада и буду поддерживать закон и порядок в его пределах, пока я в состоянии держать в руках револьвер. Я желаю, чтобы ты ехал со мной. Никакой восточный янки не может подстрелить почтенного и известного гражданина города Бильдада, в особенности тридцать вторым калибром, и избегнуть законной кары. Педро Джонсон - один из наших выдающихся граждан и деловых людей. Я назначу Сама Билля заместителем шерифа, с правом наложения исправительных наказаний, на время своего отсутствия, а мы оба сядем на поезд к Северу завтра, в шесть часов сорок пять вечера, и отправимся по следу. - Хорошо, я еду с вами,-говорю я:-я никогда не видел Нью-Йорка и охотно посмотрю на него.

-Но, Лука,-говорю я,- не нужно ли тебе иметь какое-либо разрешение или habeas corpus или что-нибудь другое от штата, чтобы ехать так далеко за богатыми людьми и преступником?

- Разве было у меня разрешение,- говорит Лука,- когда я отправился в глубины Бразоса и привез обратно Билля Граймса и еще двоих за задержание международного поезда? Было ли у тебя или у меня полномочие, когда мы окружили тех шестерых мексиканских воров скота в Гидальго? Моя обязанность - поддерживать порядок в графстве Мохада!

- А моя обязанность, как заведующего канцелярией,- говорю я,смотреть, чтобы все делалось согласно закону. Нам обоим следует держать все в образцовом порядке.

Итак, на следующий день Лука укладывает одеяло и несколько воротников и путеводитель в дорожный мешок, и оба мы мчимся в Нью-Йорк. Это была страшно длинная дорога. Диваны в вагонах оказались слишком короткими для того, чтобы шестифутовым молодцам в роде нас было удобно спать на них и кондуктору пришлось удерживать нас от намерения выйти в каждом городе, где были пятиэтажные дома.

Но мы прибыли наконец в Нью-Йорк и сразу же увидели, в чем дело.

- Лука,- говорю я:- как заведующий канцелярией и с точки зрения закона, я не нахожу, чтобы этот город действительно и законно находился под юрисдикцией графства Мохада, Техас.

- С точки зрения порядка,-сказал он,- всякий несет ответственность за свои грехи перед законом, установленным властью, от Бильдада до Иерусалима.

- Аминь! - сказал я.- Но постараемся сыграть свою штуку внезапно и удерем!

Мне не нравится вид этого места.

- Подумай о Педро Джонсоне,- сказал Лука,- о моем и твоем друге, застреленном одним из этих позолоченныхabolitionists у самых своих дверей.

- Это случилось у дверей товарной станции,- сказал я.- Но закон из-за такой придирики обойти нельзя.

Мы остановились в одном из больших отелей на Бродуэе. На следующее утро я спускаюсь

по лестнице, мили две до самого дна гостиницы, и ищу Луку. Напрасно! Все вокруг-точно в день святого Хасинто в Сан-Антоне. Тысячи людей вертятся вокруг на каком-то подобии крытой площади, с мраморной мостовой и растущими прямо из нее деревьями.

Найти Луку у меня было не более шансов, как если бы мы искали друг друга в большой кактусовой заросли внизу у старого порта Юель, но вскоре мы наскакиваем друг на друга на одном из поворотов мраморных аллей.

- Ничего не поделаешь, Бед!-говорит он:- я не могу найти, где бы нам поесть. Я по всему лагерю искал вывеску ресторана и нюхал, не пахнет ли где ветчиной. Но я привык голодать, когда приходится. Теперь,-говорит он-я ухожу. Найму клячу и поеду по адресу на карточке Скеддера. Ты оставайся здесь и постараися раздобыть какой-нибудь еды. Однако сомневаюсь, чтобы ты нашел что-нибудь. Жалею, что мы не взяли с собой кукурузной муки, ветчины и бобов. Я вернусь, повидав этого Скеддера, если только след не заметен.

Я отправляюсь в фуражировку за завтраком. Соблюдая честь Мохада, Техас, я не хотел казаться перед этимиabolitionistами новичком, а поэтому каждый раз, заворачивая за угол мраморного вестибюля, я подходил к первому попавшемуся столу или прилавку и искал еду. Если я не находил того, что мне нужно было, то спрашивал что-нибудь другое. Через пол-часа у меня в кармане была дюжина сигар, пять книжек журналов и семь или восемь расписаний железнодорожных поездов, но нигде - ни малейшего запаха кофе или ветчины, который мог бы навести на след.

Раз какая-то леди, сидевшая у стола и игравшая во что-то вроде бирюлек, посоветовала мне пойти в чулан, которой она называла № 3. Я вошел и запер дверь, и чулан сразу осветился. Я сел на стул перед полочкой и стал ждать. Сижу и думаю: "это-отдельный кабинет", но ни один лакей не явился. Когда я совсем пропотел, то вышел оттуда. - Получили вы, что вам нужно?-спросила она.

- Нет, м-ам,- ответил я.

- Значит, с вас ничего не следует,- говорит она.

- Благодарю вас, м-ам,- говорю я и снова пускаюсь по следу.

Вскоре я решаю отбросить этикет. Я ловлю одного из мальчиков в синей куртке с желтыми пуговицами спереди, и он ведет меня в комнату, которую называет комнатой для завтрака. И первое, что мне попадается на глаза, как только я вхожу,-это мальчик, стрелявший в Педро Джонсона. Он сидел один за маленьким столиком и ударял ложкой по яйцу с таким видом, точно боялся разбить его.

Я сажусь на стул против него. Он принимает оскорбленный вид и делает движение, как будто хочет встать.

- Сидите смирино, сынок! - говорю я.- Вы захвачены, арестованы и находитесь во власти техасских властей. Ударьте по яйцу сильнее, если вам нужно его содержимое. Теперь скажите: зачем вы стреляли в м-ра Джонсона в Бильдаде?

- Могу я осведомиться, кто вы такой? - говорит он.

- Можете,- говорю я,- начинайте.

- Допустим, что вы имеете право,- говорит малыш, не опуская глаз. Но что вы будете есть? Человек,- зовет он, подымая палец,- примите заказ этого джентльмэна!

- Бифштекс!-говорю я,- и яичницу. Банку персиков и кварту кофе! Этого, пожалуй, будет достаточно.

Мы некоторое время разговариваем о разных разностях, затем он заявляет:

- Что вы намерены сделать по поводу этой стрельбы? Я имел право стрелять в этого человека, - говорит он.-Он называл меня словами, которые я не мог оставить без внимания, а затем ударил меня. У него тоже было оружие! Что же мне оставалось делать?

- Нам придется увезти вас обратно в Техас,-говорю я.

- Я охотно бы поехал туда,- отвечает мальчик, усмехаясь,- если бы это не было по такому делу. Мне нравится тамошняя жизнь. Мне всегда, с тех пор как я себя помню, хотелось скакать верхом, стрелять и жить на открытом воздухе.

- Кто были эти толстяки с которыми вы ездили?- спросил я.

- Мой отчим,- говорит он,- и его компаньоны по мексиканским рудникам и земельным

предприятиям,

- Я видел, как вы стреляли в Педро Джонсона,- говорю я,- я отобрал у вас ваш маленький револьвер. И когда отбирал, то заметил три или четыре маленьких шрама рядом над вашей правой бровью. Вы уже раньше бывали в переделках, не правда ли? - Эти шрамы у меня с тех пор, как я себя помню, говорит он,- не знаю, отчего они.

- Были вы прежде в Техасе?-спрашиваю я.

- Я этого не помню,-говорит он:- когда мы попали в прерию, мне показалось, что я там бывал. Думаю, что не бывал.

- Есть у вас мать?-говорю я.

- Она умерла пять лет назад,- заявляет он.

Пропускаю большую часть того, что последовало. Когда вернулся Лука, я привел к нему мальчика. Лука был у Скеддера и сказал все, что ему нужно было. И, повидимому, Скеддер сейчас же после его ухода поработал-таки по телефону. Потому что через час в наш отель явилась одна из этих городских ищеек, которые именуются детективами, и препроводил всю нашу компанию на так называемый полицейский суд...

Луку обвиняли в покушении на похищение несовершеннолетнего и потребовали объяснений.

- Этот глупец, ваша честь.- говорит Лука судье,- выстрелил и предумышленно с предвзятым намерением ранил одного из наиболее уважаемых граждан города Бильдада в Техасе и вследствие этого подлежит наказанию. Настоящим я предъявляю иск и прошу у штата Нью-Йорка выдачи вышеупомянутого преступника. Я знаю, что это он сделал.

- Есть у вас обычные в таких случаях и необходимые документы от губернатора вашего штата?-спрашивает судья.

- Мои обычные документы,-говорит Лука,- были взяты у меня в отеле этими джентльменами, представителями закона и порядка в вашем городе. Это были два кольта сорок пятого калибра, которые я ношу девять лет. Если мне их не вернут, то будет еще больше хлопот. О Луке Семмерсе можете спросить кого угодно в графстве Мохада. Для того, что я делаю, мне обычно не требуется других документов.

Я вижу, что у судьи совсем безумный вид. Поэтому я подымаюсь и говорю:

- Ваша честь, вышеупомянутый ответчик, м-р Лука Семмерс - шериф графства Мохада, Техас, и самый лучший человек, когда-либо бросавший лассо или поддерживавший законы и примечания к ним величайшего штата в союзе. Но он...

Судья ударяет по столу деревянным молоточком и спрашивает, кто я такой.

- Бед Оклей,-говорю я,- помощник по канцелярской части шерифской канцелярии графства Мохада, Техас, Я представляю собой законность, а Лука Семмерс - порядок. И если ваша честь примет меня на десять минут для частного разговора, я объясню вам все и покажу справедливые и законные реквизиционные документы, которые держу в кармане.

Судья слегка улыбнулся и сказал, что согласен поговорить со мной в своем частном кабинете. Там я рассказываю ему все дело своими словами, и, когда мы выходим, он объявляет вердикт, согласно которому молодой человек отдается в распоряжение техасских властей.

Затем он вызывает по следующему делу.

Пропуская многое из того, что случилось по дороге домой, расскажу вам, как кончилось дело в Бильдаде.

Когда мы поместили пленника в шерифской канцелярии, я говорю Луке:

- Помнишь ты своего двухлетнего мальчугана, которого у тебя украли, когда началась суматоха?

Лука нахмурился и рассердился. Он не позволял никому говорить об этом деле и сам никогда не упоминал о нем.

- Приглядись,-говорю я.-Помнишь, как он ковылял как-то по террасе, упал на пару мексиканских шпор и пробил себе четыре дырочки над правым глазом? Посмотри на пленника,-говорю я,- посмотри на его нос и на форму головы. Что, старый дурак, неужели ты не узнаешь собственного сына? -Я узнал его,-говорю я,- когда он продырявил мистера Джона на станции.

Лука подходит ко мне, весь дрожа. Я никогда раньше не видел, чтобы он так волновался.

- Бед,-говорил он.- Я никогда, ни днем, ни ночью, с тех пор как он был увезен, не переставал думать о моем мальчике. Но я никогда не показывал этого. Может ли мы удержать его? Может ли он остаться здесь? Я сделаю из него самого лучшего человека, какой когда-либо опускал ногу в стремя. Подожди минутку,- говорит он возбужденно и едва владея собой:- у меня тут что-то есть в конторке. Полагаю, что оно еще имеет законную силу, я рассматривал его тысячу раз. "Присуждение ребенка",- говорит Лука,-"при-суж-дение ребенка". Мы можем удержать его на этом основании, не правда ли? Посмотрю, не найду ли я этого постановления.

Лука начинает разрывать содержимое конторки на клочки. Подожди,-говорю я,- ты-Порядок, но я-Законность. Тебе нечего искать эту бумагу, Лука! Она находится в делах полицейского суда в Нью-Йорке. Я взял ее с собой, потому что я - управляющий канцелярией и знаю закон.

- Я получил мальчика обратно,- говорит Лука:- он снова мой, я никогда не думал.

- Подожди минутку,- говорю я.- Надо, чтобы у нас царили законность и порядок. Ты и я должны поддерживать их в графстве Мохада, согласно нашей присяге и совести. Мальчионка стрелял в Педро Джонсона, в одного из бильдадских выдающихся и...

- Чепуха!-говорит Лука.- Это ничего не значит! Ведь этот Джонсон был на половину мексиканец.

В борьбе с морфием

Я никогда не мог хорошоенько понять, как Том Хопкинс допустил такую ошибку. Он целый семестр, прежде чем наследовал состояние своей тетки, работал в медицинской школе и считался сильным в терапии. Мы в тот вечер вместе были в гостях, а затем Том зашел ко мне, чтобы выкурить трубку и поболтать, прежде чем вернуться в собственную роскошную квартиру. Я на минуту вышел в другую комнату и вдруг услышал, что Том кричит мне;

- Билли, я приму четыре грана хинина, если ты ничего не имеешь против. Я совсем посинел и весь дрожу. Думаю, что простудился.

- Хорошо, - крикнул я в ответ: - банка на второй полке; прими в ложке эвкалиптового эликсира. Он отнимает горечь.

Когда я возвратился, мы сели у огня и продолжали разговор. Приблизительно через восемь минут Том откинулся на спинку в легком обмороке. Я сейчас же подошел к шкафу с лекарствами и заглянул в него.

- Ах, ты разиня, разиня - проворчал я. - Вот как действуют деньги на мозг человека! В шкафу стояла банка с морфием в том же положении, в каком Том оставил ее. Я вытащил молодого доктора, жившего этажом выше, и послал его за старым доктором Гельсом, жившим на расстоянии двух кварталов. У Тома Хопкина было слишком много денег для того, чтобы его лечили молодые начинающие врачи.

Когда пришел Гельс, мы проделали над Томом самый дорогой курс лечения, какой только позволяют ресурсы медицинской профессии. После сильно действующих средств мы дали ему цитрат кофеина в частых приемах и крепкий кофе, а также водили его взад и вперед по комнате, между двумя из нас. Старый Гельс щипал его, хлопал по лицу и усиленно старался заработать крупный чек, который уже видел в отдалении.

Молодой доктор с верхнего этажа дал Тому самый сердечный, пробуждающий пинок, а затем извинился предо мной.

- Не мог удержаться, - сказал он. - Никогда в жизни мне не приходилось давать пинок миллионеру и, может быть, никогда больше не придется.

- Теперь, - сказал доктор Гельс через несколько часов: - он поправится. Но не давайте ему засыпать еще час. Вам придется разговаривать с ним и встрихивать время от времени. Когда пульс и дыхание будут нормальны, дайте ему поспать. Я оставляю его на ваши попечения.

Я остался один с Томом, которого мы положили предварительно на кушетку. Он лежал совсем тихо, и глаза его были на половину закрыты. Я начал свое дело, которое заключалось в том, чтобы его в состоянии бодрствования.

- Ну, старина,- сказал я: - ты чуть на тот свет не с'ездил, но мы тебя вызволили. Когда ты слушал лекции, Том, не говорил ли случайно кто-либо из профессоров, что "т-о-г-р-х-и-а" никогда не пишется "quinina", особенно в четырехгранных дозах? Но я не буду громоздить на тебя обвинений, пока ты не станешь на ноги... Тебе следовало бы быть дрогистом, Том: у тебя замечательные способности к распознаванию рецептов. Том взглянул на меня со слабой и глупой улыбкой.

- Билли, - пробормотал он: - я чувствую себя совсем, точно колибри, летающая вокруг кучи самых дорогих роз. Не приставай ко мне. Буду теперь спать.

Через две секунды он уснул. Я потряс его за плечо.

- Ну, Том, - строго сказал я: - так нельзя. Великий доктор сказал, что ты не должен спать еще по крайней мере час. Открой глаза! Ты еще не совсем вне опасности. Проснись!

Том Хопкинс весит сто девяносто восемь фунтов. Он бросил на меня еще одну сонную усмешку и погрузился в еще более глубокий сон. Мне хотелось бы заставить его двигаться, но с таким же успехом я мог бы заставить вальсировать со мной по комнате обелиск.

Дыхание Тома перешло в храп, а это, в связи с отравлением морфием, грозит опасностью. Я стал соображать. Не в силах поднять его тело, я должен постараться возбудить его мозг. "Рассерди его!" - вот мысль, пришедшая мне в голову. "Хорошо, - подумал я, - но как?" Не было ни одной прорехи в кольчуге Тома. Славный малый! Он был само добродушие. Притом благородный, джентльмен, изящный, верный и чистый, как солнечный свет. Он приехал откуда-то с Юга, где у людей еще имеются идеалы и кодекс нравственности. Нью-Йорк очаровал его, но не испортил. У него сохранилось старомодное рыцарское почитание женщины, которое...

"Еврика!-вот идея!" В минуту или же две я обработал все в своем мозгу. Я мысленно смеялся при мысли, что устрою такую штуку Тому Хопкинсу. Затем я схватил его за плечо и тряс до тех пор, пока он не захлопал ушами. Я принял гневный и презрительный вид и остановил палец на расстоянии двух дюймов от его носа.

- Слушай меня, Хопкинс, - сказал я резко и отчетливо:- мы были с тобою добрыми друзьями, но об'являю тебе, что в будущем моя дверь закрыта для человека, который поступил так подло, как ты... Том как-будто едва-едва заинтересовался.

- В чем дело, Билли? - спокойно спросил он. - Ты не в своей тарелке?

- Был бы, если бы я был на твоем месте,-продолжал я. - Но, слава богу, я не ты; на твоем месте я, кажется, боялся бы закрыть на минуту глаза. Что ты скажешь о девушке, которая ждет тебя там, среди одиноких южных сосен? о девушке, которую ты забыл с тех пор, как получил наследство? О, я знаю, о чем говорю. Пока ты был бедным медицинским студентом, она была достаточно хороша для тебя. Но теперь, когда ты-миллионер, дело другое! Хотел бы я знать, что она думает о поведении того особого класса людей, который ее научили почитать? Что она думает о поведении южного джентльмена? Мне жаль, Хопкинс, что я принужден говорить об этом, но ты хорошо скрывал это и так прекрасно сыграл свою роль, что я считал тебя выше подобных уловок, недостойных мужчины!

Бедный Том! Я едва мог удержаться от смеха, глядя, как он борется с действием наркоза. Видно было, что он сердит, и я не осуждал его за это. У Тома был южный темперамент. Его глаза были открыты, и в них промелькнули один-два проблеска огня. Но снадобье все еще заволакивало его мозг и связывало языки.

- Пр-провались ты, - заикаясь, произнес он: - я тебя поколочу.

Он пытался подняться с дивана. Несмотря на об'ем, он был теперь очень слаб. Я уложил его обратно одной рукой. Он лежал, сверкая глазами, точно лев в западне.

- Это удержит тебя некоторое время, старый негодяй, - сказал я самому себе. Я встал и разжег трубку, так как хотел покурить, а после того заходил взад и вперед по комнате, поздравляя себя с блестящей идеей.

Вдруг послышался храп. Я оглянулся. Том снова уснул. Я подошел и толкнул его под челюсть. Он посмотрел на меня с довольным и доброжелательным видом идиота. Я пожевал трубку и снова резко заговорил:

- Я требую, чтобы ты поднялся и убрался от меня, как можно скорее,-сказал я оскорбительным тоном.- Я уже сказал, что думаю о тебе. Если у тебя осталась какая-либо часть

или честность, ты дважды подумаешь, прежде чем явиться в общество джентльмэнов. Она - бедная девушка, не так ли? - с насмешкой сказал я:- слишком простая и неподходящая для нас с тех пор, как мы разбогатели? Стыдно было бы гулять с ней по Пятой авеню, не правда ли? Хопкинс, ты в сорок семь раз хуже всякого хама. Кому нужны твои деньги? Не мне! Готов поручиться, что и той девушке они тоже не нужны. Может быть, ты был бы больше мужчиной, если бы не имел их. Теперь ты сделался подлецом и... - я подумал, что это очень драматично: - может быть, разбил преданное сердце. (Том Хопкинс, разбивающий верное сердце!) Дай мне освободиться от тебя возможно скорее!

Я повернулся спиной к Тому и подмигнул самому себе в зеркало. Услыхав, что он шевелится, я быстро обернулся: я не хотел, чтобы сто девяносто восемь фунтов упали на меня с тыла. Но Том только немного повернулся и закрыл лицо рукой. Он произнес несколько слов немного яснее, чем прежде.

- Я бы не говорил таким образом с тобой, Билли, если бы даже слышал, что люди лгут о тебе. Но как только я смогу встать, я сломаю тебе шею. Не забудь этого.

Мне стало немного стыдно. Но ведь я хотел спасти Тома! Утром, когда я все раз'ясню ему, мы вместе посмеемся над этим.

Минут через двадцать Том уснул здоровым, спокойным сном. Я пощупал пульс, прислушался к дыханию и разрешил ему спать. Все было нормально, и Том был спасен. Я ушел в другую комнату и упал в постель.

Когда я проснулся на следующее утро, Том уже встал и оделся. Он был совсем здоров, если не считать расстроенных нервов и языка, похожего на щепку белого дуба.

- Каким я был идиотом! - сказал он в раздумье.- Я помню, что, когда я брал лекарство, то думал, как странно выглядит банка с хинином. Очень много было хлопот, чтобы спасти меня?

Я ответил отрицательно. Его память, по-видимому, была плоха по отношению ко всему происшедшему. Я заключил, что он не помнит о моих усилиях не давать ему спать, и решил ничего пока не говорить ему. "Когда-нибудь позже,-думал я,- когда ему будет лучше, мы вместе посмеемся над этим".

Собравшись уходить, Том остановился в открытой двери и пожал мне руку.

- Благодарю, старина,- сказал он:- за твои хлопоты обо мне и за то, что ты сказал. Я иду сейчас телеграфировать той бедной девушке.

Церковь с наливным колесом

В списках летних модных курортов Лэклендс не значится.

Он расположен на низком отроге Кумберлендского хребта гор, на небольшом притоке реки Клинг-Ривер. Собственно, Лэклендс-приличная деревня, состоящая из двух дюжин домов, расположенных около заброшенной узкоколейной линии железной дороги. Как-то сам собой возникает вопрос: железная ли дорога затерявшись в сосновых лесах, от страха и одиночества ринулась в Лэклендс, или же сам Лэклендс растерялся и подошел к железной дороге, дожидаясь, чтобы вагоны доставили его домой.

Вы удивляйтесь также, почему деревня названа Лэк-лендс, т.-е. Озерная Земля. Озер здесь нет, а земля настолько плоха, что и упоминать о ней не стоит. В полумиле от деревни стоит Орлиный Дом, большое поместительное здание, содержимое Джозией Ранкин для удобства посетителей, желающих пользоваться горным воздухом за недорогую плату.

Орлиный Дом - в очаровательном беспорядке. Он полон старинных, а не новых, усовершенствований и находится в такой же комфорtabельной небрежности и расстройстве, как ваш собственный дом. Но вы найдете там чистые комнаты, хороший и обильный стол,- сами вы и хвойные леса должны завершить остальное. Природа заготовила минеральный источник, виноградники и крокет, даже ворота его из дерева, Искусству вы обязаны только музыкой (скрипка и гитара) дважды в неделю на танцульке в дощатом павильоне.

Посетителями Орлиного Дома являются люди, ищащие отдыха в силу необходимости так же, как и для удовольствия. Это - народ занятой, который может быть уподоблен часам, нуждающимся в двухнедельной заводке, чтобы обеспечить годовое движение их колес. Вы найдете здесь студентов из ниже лежащих городов, иногда художника или геолога, поглощенного изучением древних наслоений холмов. Несколько тихих семейств проводят здесь лето, а иногда живут здесь одна или две представительницы корпорации, известной в Лэклендсе под названием "учительши".

В четверти мили от Орлиного Дома находится здание, которое было бы списано, как "весьма интересное" в путеводителе, если бы Орлиный Дом издавал его. Это была старая-старая мельница, переставшая быть мельницей. По словам Джозии Ранкин, это была единственная в Штатах церковь с наливным колесом, и единственная во всем мире мельница с церковными скамьями и органом.

Обитатели Орлиного Дома посещали старую мельничную церковь каждое воскресенье и слушали, как священник сравнивал очищенного от грехов христианина с просеянной мукой, смолотой до полезности между жерновами опыта и страдания.

Каждый год в Орлиный Дом приезжал некий Абрам Стронг и жил там некоторое время в качестве почетного и любимого посетителя. В Лэклендсе его звали "отец Абрам", потому что волосы у него были такие белые, лицо такое мужественное, доброе и цветущее, смех такой веселый, а сюртук и широкополая шляпа так похожи на одежду священника.

Даже вновь приезжие через три-четыре дня знакомства звали его этим фамильярным именем.

Отец Абрам приезжал в Лэклендс издалека. Он жил в большом, шумном городе на Северо-Западе, где у него были мельницы - не маленькие мельницы с церковными скамьями и органом, но громадные, безобразные, похожие на горы, мельницы, вокруг которых целый день двигались вагоны товарных поездов, как муравьи вокруг муравейника.

А теперь вам надо рассказать об отце Абраме и о мельнице, ставшей церковью, так как их история сливаются воедино. В то время, когда церковь была мельницей, мельником был м-р Стронг.

Во всем округе не было более веселого, пыльного, работающего мельника. Он жил в маленьком коттедже, через дорогу от мельницы. Рука у него была тяжелая, но такса за помол легкая и горные жители везли к нему зерно за много миль скалистой дороги.

Радостью жизни мельника была его дочурка Аглай. Это, пожалуй, слишком громкое имя для переваливающегося карапуза с льняными волосенками, но горцы любят звучные и пышные имена. Мать вычитала его из какой-то книги - и дело было сделано. В младенчестве Аглай сама

отвергла это имя, для обычного употребления, и упорно называла себя Денс. Мельник и его жена часто старались выпытать у Аглай об источнике этого загадочного имени, но безрезультатно. Наконец, они построили свою теорию.

В маленьком садике за коттеджем находилась клумба с рододендронами, которыми ребенок особенно восхищался и интересовался. Может-быть, в слове "Денс" она находила нечто родственное грозному имени своих -любимых цветов.

Когда Аглае было четыре года, она и отец ее каждые после - обеда устраивали в мельнице маленькое представление, которое никогда не пропускалось, если только позволяла погода. Когда ужин был готов, мать щеткой приглаживала Аглае волосы, надевала ей чистый передник и посыпала напротив на мельницу, за отцом. Увидев через мельничную дверь ее приближение, мельник, весь белый от муки, шел ей навстречу, махал рукой и пел старую мельничную песню, известную в этих краях, - что-то вроде следующего:

*"Вот жернов скрипит,
Мука вниз летит,
А мельник весь белый смеется,
Поет он с утра: Труд - только игра,
Когда мысль его к милой несется..."*

Тогда Аглай, смеясь, подбегала к нему и кричала: "Тятя, возьми Денс домой", а мельник сажал ее на плечо и маршировал домой ужинать, напевая "песню мельника". Каждый вечер происходило то же самое.

Однажды, через неделю после того, как ей исполнилось четыре года, Аглай исчезла. Ее видели в последний раз рвущей полевые цветы у края дороги, против коттеджа.

Немного позже, когда мать вышла посмотреть, чтобы она не уходила слишком далеко, ее уже не было.

Разумеется, были приложены все старания, чтобы найти ее. Собрались соседи и обыскали леса и горы на мили кругом. Они осмотрели шлюзовый желоб и ручей на большое расстояние ниже плотины. Нигде не нашли ни малейшего следа девочки. Ночь или две перед тем неподалеку в роще остановились лагерем какие-то бродяги. Явилось предположение, что они могли украсть ребенка, но, когда их нагнали и обыскали их кибитку, девочки не нашли.

Мельник оставаясь на мельнице еще около двух лет, затем он потерял надежду найти ребенка и перебрался с женой на Запад. Через несколько лет он стал владельцем современной мельницы в одном из значительных мельничных центров этого района. М-с Стронг не могла оправиться от удара, нанесенного ей потерей Аглай, и через два года после их отъезда мельник остался один нести свое горе.

Разбогатев, Абрам Стронг приехал повидать Лэк-лендс и старую мельницу. Место было связано с грустными воспоминаниями, но он был сильный человек и всегда казался веселым и добрым. Тогда-то у него и явилась мысль превратить мельницу в церковь. Деревня Лэклендс была бедна и не могла построить церковь, а еще более бедные горцы не могли ничем помочь. Ни церкви ни молитвенного дома не было ближе, чем на расстоянии двадцати верст.

Мельник постарался как можно меньше изменить вид мельницы. Большое наливное колесо осталось на месте. Молодежь, приходившая в церковь, вырезывала свои инициалы в его мягкому, медленно разрушавшему дереве. Плотина была частью разрушена, и чистый горный поток, не встречая препятствий, бежал по своему илистому ложу.

Внутри мельницы перемены были значительны. Столбы, жернова, ремни и блоки были, конечно, сняты. Было устроено два ряда скамеек с крылом между ними и невысокая платформа и кафедра на одном конце. Наверху с трех сторон была галерея, на которой были устроены сиденья; к ней вела внутренняя лестница. Был на галерее и орган, настоящий орган с трубами - гордость прихожан старой мельничной церкви. Мисс Феба Семмерс была органистом. Лэк-лендские мальчишки с гордостью, по очереди, накачивали орган за воскресными службами.

Священником был преподобный отец Банбридж; он приезжал из Скуэррел-Гэп на своей старой белой лошади и не пропускал ни одной службы. За все платил Абрам Стронг. Священнику

он платил пятьсот долларов в год, а мисс Фебе-двести.

Так, в память Аглаи, старая мельница была превращена в благословенное место для округа, где девочка некогда жила. Казалось, что короткая жизнь ребенка принесла больше добра, чем семидесятилетняя жизнь многих других. Но Абрам Стронг поставил ей еще и другой памятник.

С его мельницы на Северо-Западе приходила мука "Аглая", выделанная из самой твердой лучшей пшеницы. В этой местности скоро узнали, что у "Аглаи" есть две цеи: одна - рыночная, высшая цена, а другая - бесценная, даром.

Как только случалось несчастье, вследствие которого люди терпели нужду - пожар, наводнение, ураган, стачка или голод,- немедленно прибывал крупный транспорт "Аглаи" по "даровой цене". Ее раздавали осторожно и справедливо, но раздавали даром, и голодные не платили за нее ни одного пенни. Вошло в поговорку, что когда случался страшный пожар, то прежде всего приезжал на место происшествия кабриолет брандмайора, за ним вагон с мукой "Аглая", а затем уже пожарная команда.

Это был второй памятник, воздвигнутый Абрамом Стронгом Аглае. Может быть, поэту он покажется слишком утилитарным, но некоторые найдут красивой и милой эту идею, что чистая, белая, девственная мука, исполняющая миссию любви и милосердия, может быть уподоблена духу потерянного ребенка, чью память она увековечила.

...Наступил год, принесший тяжелые испытания для Кумберленда. Урожай злаков повсюду был плох, а местного урожая совсем не было. Горные потоки нанесли большие убытки землевладельцам. Даже зверя в лесах было так мало, что охотники приносили домой едва достаточно дичи, для того, чтобы сохранить жизнь родных. Особенно это чувствовалось около Лэклендса.

Как только Абрам Стронг услышал об этом, тотчас же полетели его посылки, и маленькие вагоны узкоколейки начали выгружать муку "Аглая". По приказанию мельника, муку надлежало складывать в галерее старой мельничной церкви, и всякий, посещающий церковь, мог взять домой мешок муки.

Через две недели после этого Абрам Стронг явился на ежегодное пребывание в Орлиный Дом и снова стал "отцом Абрамом".

В этот сезон посетителей было меньше, чем обыкновенно.

Среди них находилась Роза Честер. Мисс Честер явилась в Лэклендс из Атланты, где она служила в универсальном магазине. Это были ее первые каникулы вне родного города. Жена управляющего складом как-то провела лето в Орлином Доме и уговорила Розу поехать туда на время ее трехнедельного отпуска.

Жена управляющего дала Розе письмо к мс Ранкин которая охотно взяла ее на свое попечение.

Мисс Честер была девушка около двадцати лет, не крепкого сложения. Жизнь без воздуха сделала ее бледной и хрупкой. Но после недели, прожитой в Лэклендсе, к ней вернулись веселость и оживление, поразительно изменившие ее.

Стояло начало сентября, когда Кумберленд особенно красив. Листва на горах блестела всеми осенними красками, точно в воздухе было розлито шам-йанское; ночи стояли упоительно прохладные, располагающие удобно улечься под теплыми одеялами Орлиного Лома.

Отец Абрам и мисс Честер очень подружились. Старый мельник узнал от миссис Ранкин ее историю и сразу заинтересовался стройной, одинокой девушкой, собственными силами пробивавшей себе дорогу.

Для мисс Честер горная местность была новостью. Она много лет прожила в теплом, плоском городе Атланта. Величие и разнообразие кумберлендского пейзажа восхищали ее. Она решила использовать каждую минуту своего пребывания здесь. Маленький запас ее сбережений был так строго рассчитан в соответствии с расходами что она знала с точностью до одного пенни, какой небольшой остаток будет у нее ко времени возвращения на службу.

Для мисс Честер было счастьем заполучить отца Абрама в качестве друга и товарища. Он знал каждую дорогу, вершину и горный склон близ Лэклендса. Благодаря ему, она узнала величавую прелест тенистых, сводчатых сосновых лесов, важность голых утесов, живительные утра и мечтательные, золотые послеполуденные часы, полные таинственной грусти.

Здоровье ее улучшилось, настроение стало веселым. Смех ее, хотя и по-женски, звучал так же искренно и звонко, как знаменитый смех отца Абрама... Оба они были природными оптимистами и умели показывать свету ясное и веселое лицо.

Однажды мисс Честер узнала от одного из жильцов историю пропавшего ребенка отца Абрама. Она сейчас же побежала и нашла мельника сидящим на своей любимой садовой скамье, близ железистого источника. Он был удивлен, когда маленький друг положил на его ладонь свою руку и посмотрел на него со слезами на глазах.

- О, отец Абрам, - сказала она,- мне так жаль. Я дс сих пор ничего не знала о вашей дочке. Вы еще найдете ее, надеюсь, что найдете.

Мельник посмотрел на нее с энергичной, веселой улыбкой.

- Благодарю вас, мисс Роза, - сказал он обычным приветливым тоном, но я больше не надеюсь найти Аглаю. Несколько лет я думал, что она украдена бродягами и находится в живых, но теперь я потерял эту надежду. Думаю, что она утонула.

- Я могу представить себе, - сказала мисс Честер, - как тяжело было перенести эти сомнения; а между тем, вы так веселы и всегда готовы облегчить другим их бремя. Добрый отец Абрам!

- Добрая мисс Роза, - передразнил ее мельник, улыбаясь: - кто больше вас думает о других?

Мисс Честер овладело какое-то причудливое настроение.

- Отец Абрам, - воскликнула она, - разве не было бы чудесно, если бы я оказалась вашей дочерью? Разве это не было бы романтично? Было бы вам приятно, если бы я оказалась вашей дочерью?

- Конечно, было бы, - сердечно сказал мельник. - Если бы Аглай была жива, я не мог бы пожелать лучшего, как чтобы она стала такой же маленькой женщиной, как вы. Может-быть, вы и Аглай, - продолжал он, впадая в ее шутливый тон.--Не можете ли вы вспомнить, когда мы жили на мельнице?

Мисс Честер сразу впала в серьезное раздумье. Ее большие глаза были устремлены на что-то вдали. Отца Абрама забавляло ее быстрое возвращение к серьезности. Так она сидела долго, прежде чем заговорила.

- Нет!-сказала она, наконец, глубоко вздохнув:- я не могу вспомнить ничего, связанного с мельницей. Мне кажется, что я никогда не видела мукомольной мельницы, пока не увидела вашу потешную маленькую церковь. Ведь, если бы я была вашей дочерью, я бы вспомнила это, не правда ли? Мне так жаль, отец Абрам.

- И мне также,-сказал отец Абрам, приоравливаясь к ней:- но если вы не можете вспомнить, что вы моя девочка, то, конечно, должны помнить, что вы чья-то другая дочка. Вы, разумеется, помните своих родителей.

- О, да, я очень хорошо помню, особенно отца. Он совсем не был похож на вас, отец Абрам. Я ведь только пошутила. Пойдемте, вы достаточно отдохнули. Вы обещали показать мне сегодня прудок, где видно, как играет форель. Я никогда не видела форели...

Как-то поздно вечером отец Абрам один пошел на старую мельницу. Он часто ходил туда, посидеть и подумать о старом времени, когда жил в коттедже через дорогу. Время притупило остроту его горя, так что воспоминание об этих временах не было болезненным. Когда Абрам Стронг в меланхоличные сентябрьские вечера сидел на том месте, где каждый день бегала Денс. с развевающимися белокурыми кудрями, на его лице не было улыбки, которую обычно видели лэклендские жители. Мельник медленно шел по вьющейся крутой дороге. Деревья толпились так близко к ее краям, что он шел в их тени, неся шляпу в руках. Белки весело бегали по старой изгороди, по его правую руку. Перепела на пшеничном жнивье звали своих птенцов. Низко стоявшее солнце посыпало поток бледного золота вдоль оврага, открывавшегося на запад. Начало сентября! Всего несколько дней до гибели Аглаи!

Старое наливное колесо, полупокрытое горным ивняком, украсилось пятнами теплого солнечного света, про свечивающего сквозь деревья. Коттедж через дорогу все еще стоял, но, наверно, развалится будущей зимой от порывов ветра. Он был весь заплетен выонками и плетнями дикой тыквы. Дверь его висела на одной петле.

Отец Абрам толкнул дверь мельницы и тихо вошел. Затем остановился в удивлении.

Он услышал, что внутри кто-то безутешно плачет. Оглянувшись, он увидел мисс Честер.

Она сидела на темной скамье, склонив голову над открытым письмом, которое держала в руках.

Отец Абрам подошел к ней и опустил одну из своих сильных рук на ее плечо. Она подняла глаза, прошептала его имя и пыталась говорить.

- Не надо, мисс Роза, - ласково сказал он: - не пытайтесь еще говорить. Когда грустно на душе, нет ничего лучше, как хорошенъко тихонько выплакаться.

Казалось, что старый мельник, сам испытавший столько горя, был волшебником, умевшим отгонять это горе от других. Рыдания стали стихать. Она вытащила свой маленький платочек и вытерла слезинки, упавшие из ее глаз на большую руку отца Абрама, потом подняла голову и улыбнулась сквозь слезы. Мисс Честер умела улыбаться сквозь слезы так же, как отец Абрам мог улыбаться сквозь собственное горе. В этом отношении они были очень похожи друг на друга.

Мельник не задавал ей вопросов, но мало-по-малу мисс Честер сама начала рассказывать.

Это была старая история, которая молодым кажется такой значительной и важной, а у старых вызывает улыбку воспоминаний. Как и можно было ожидать, причиной была любовь. В Атланте жил молодой человек, наделенный добротой и всеми приятными качествами. Он открыл, что и мисс Честер обладала этими качествами более всех других обитательниц Атланты или всякой иной местности от Гренландии до Патагонии. Она показала отцу Абраму письмо, над которым плакала.

То было мужественное, нежное письмо, в немного повышенном и поучительном тоне и в стиле любовных посланий, написанных молодыми людьми, полными ласковости и иных добродетелей. Он просил руки мисс Честер и желал сейчас же повенчаться. После ее отъезда на три недели, писал он, жизнь для него стала невыносима. Он просил немедленно ответить. Если ответ окажется благоприятным, он обещал немедленно, не обращая внимания на узкоколейку, прилететь в Лэклэндс.

- В чем же беда?-спросил мельник, прочитав письмо.

- Я не могу выйти за него,- сказала она.

- Вы хотели бы выйти за него? хотели бы стать его женой? - спросил отец Абрам.

- О, я люблю его, - ответила она,- но...- голова ее опустилась, и она снова зарыдала.

- Полно, мисс Роза, вы можете довериться мне. Я вас не допрашиваю, но думаю, что вы можете положиться на меня.

- Я вам доверяю вполне,- сказала девушка,- и открою вам, почему я должна сказать Ральфу. Я-никто! У меня нет даже имени. Имя, которым я называюсь,- ложное. Ральф-благородный человек. Я люблю его всем сердцем, но никогда не смогу стать его женой.

- Что вы рассказываете!-воскликнул отец Абрам. Вы говорили, что помните своих родителей. Почему же теперь вы говорите, что у вас нет даже имени? Я не понимаю.

- Я помню их,- сказала мисс Честер,-я слишком хорошо помню их. Мои первые воспоминания относятся к нашей жизни где-то далеко на Юге. Мы много раз переезжали из города в город и из штата в штат Я собирала хлопок, работала на фабриках и часто не имела достаточно пищи и одежды. Мать иногда бывала добра ко мне. Отец же всегда был жесток и бил меня. Мне кажется, оба они были ленивые и неположительные люди.

"Когда мы жили в небольшом городе, недалеко от Атланты, они как-то ночью сильно поссорились. Когда они бралились и упрекали друг друга, я из их слов узнала-о, отец Абрам! - я узнала, что не имею права быть... вы не понимаете? не имею права даже на имя. Я-никто!

"В ту же ночь я убежала. Добралась до Атланты и там нашла работу. Я называлась Розой Честер и с тех пор сама зарабатываю себе средства на жизнь. Теперь вы знаете, почему я не могу выйти замуж за Ральфа и никогда не смогу объяснить ему причины".....

Лучше всякой симпатии, полезнее сожалений оказалось пренебрежительное отношение отца Абрама к ее горю.

- Дорогая моя, дорогая девочка, и это все?- сказал он.- Стыдно! Я думал, что есть какое-нибудь серьезное препятствие. Если этот прекрасный молодой человек-настоящий мужчина, ему нет никакого дела до вашего родословного дерева. Поверьте моему слову, дорогая мисс Роза, что ему важны только вы сами. Расскажите ему все откровенно так же, как вы рассказали мне, и я ручаюсь, что он посмеется над вашей историей и станет вас вдвое больше уважать.

- Я никогда не скажу ему,- ответила мисс Честер печально:- я никогда не стану женой ни его, ни другого, я не имею права.

Тут они оба увидели длинную тень, которая, качаясь, двигалась по освещенной солнцем дороге. Рядом с ней колебалась более короткая тень, и две странные фигуры приблизились к церкви. Длинною тенью оказалась мисс Феба Семмерс - органистка, которая шла в церковь упражняться, более короткая тень принадлежала двенадцатилетнему мальчугану, Томми Тигу. Сегодня была его очередь накачивать орган, и его босые ножонки с гордостью подымали пыль по дороге.

Мисс Феба, в ситцевом платье с цветочками сирени с аккуратными локончиками над обоими ушами, низко поклонилась отцу Абраму и церемонно тряхнула локончиками по направлению мисс Честер. Затем она со своим помощником вскарабкалась по крутой лесенке наверх, органу.

Внизу, в сгущавшемся сумраке, сидели мисс Честер отцом Абрамом. Оба молчали; казалось, каждый был занят своими воспоминаниями. Мисс Честер сидела, подперев голову рукой и устремив глаза вдаль. Отец Абрам стоял у следующей скамьи и в раздумье глядел через дверь на дорогу и на разрушающийся коттедж.

И вдруг вся картина преобразилась и перенесла его почти на двадцать лет назад. Пока Томми накачивал воздух, мисс Феба нажала низкую басовую ноту на органе и задержала ее, желая знать количество содержащегося в инструменте воздуха. Церковь для отца Абрама перестала существовать. Глубокая, гулкая вибрация, потрясавшая маленькое деревянное строение, была не звук органа, а гул мельничных колес. Он был уверен, что то вертится старое наливное колесо, и что сам он снова мельник,- веселый мельник на старой горной мельнице. Вот наступил вечер, сейчас через дорогу, переваливаясь, прибежит Аглая с развевающимися волосенками и позвонит его ужинать. Глаза отца Абрама были устремлены на сломанную дверь коттеджа.

А затем случилось другое чудо. На галерее, наверху, длинными рядами были сложены мешки с мукой. Может быть, в одном из них побывала мышь, но как бы то ни было, от сотрясения, вызванного низкой нотой органа, сквозь щели пола галереи струей потекла мука и засыпала отца Абрама белой пылью от головы до ног.

Тут старый мельник вышел в боковой придел, замахал рукой и запел песню старого мельника:

*"Вот жернов скрипит,
Мука вниз летит,
А мельник, весь белый, смеется..."*

И вот когда случилась остальная часть чуда. Мисс Честер сидела на скамье, подаввшись вперед, бледная, как мука, уставившись широко раскрытыми глазами на отца Абрама. Когда он начал петь, она протянула к нему руки, губы ее зашевелились, и она позвала его, как во сне:

- Тя-тя, неси Денс домой.

Мисс Феба отпустила басовую ноту органа, но ее дело было сделано. Нота, которую она взяла, пробила двери замкнувшейся памяти, и отец Абрам схватил в объятия свою потерянную Аглаю.

Когда вы будете в Лэклендсе, вам дополнят эту историю. Вам расскажут, как впоследствии были найдены следы, и как история дочери мельника стала известной, начиная с того момента, когда кочующие цыгане, привлеченные ее детской прелестью, в сентябрьский день украли Аглаю. Но подождите, пока вы не усядитесь комфортабельно под затененным портиком Орлиного Дома. Там вы можете слушать эту историю, сколько пожелаете. Нам же лучше закончить рассказ, пока еще мягко дрожит басовая нота мисс Фебы.

И все-таки, по-моему, самое лучшее случилось, когда отец Абрам и дочь его в сумерках возвращались вместе в Орлиный Дом,- возвращались слишком счастливые, чтобы разговаривать.

- Отец,-сказала она немного застенчиво и неуверенно: - много у вас денег?

- Много ли? - сказал мельник: - это зависит от того, сколько тебе нужно. Денег достаточно,

если только ты не захочешь купить луну или еще что-нибудь в роде.

- Будет очень дорого стоить, - спросила она, всегда тщательно рассчитывающая каждый цент,-послать телеграмму в Атланту?

- А, - сказал отец Абрам, с легким вздохом, - понимаю. Ты хочешь вызвать сюда Ральфа.

Аглайя посмотрела на него с нежной улыбкой.

- Я хочу просить его подождать,-сказала она.- Я только что нашла отца и некоторое время хочу оставаться с ним вдвоем.

Я хочу сообщить Ральфу, что ему придется подождать...

Брильянт богини Кали

Первоначальная статья, касающаяся брильянтов богини Кали, была вручена заведующему отделом городской хроники. Он улыбнулся и подержал ее мгновение над корзиной для мусора. Затем, положив статью обратно на письменный стол, он сказал:

- Попробуйте поговорить с сотрудниками воскресного приложения; они, может - быть, и сделают что-нибудь из этого.

Воскресный редактор рассмотрел статью и промычал:

- Гм!

Затем он послал за репортером и преподал ему пространные указания.

- Вы можете побывать у генерала Людло,- сказал он,- и составить из этого рассказ. Истории о брильянтах вообще - дрянь, но этот достаточно крупен, чтобы его нашла уборщица завернутым в газету под угол линолеума и засунутым в сенях.

Прежде всего узнайте, нет ли у генерала дочери, которая собиралась бы поступить на сцену. Если нет, то можете писать рассказ. Поместите выписки о Кохиноре и о коллекции Д. П. Моргана и всуньте картинки Кимберлэйских рудников и Барней Барнато.

Дополните сравнительной таблицей стоимости брильянтов, радия и телячьих котлет со временем мясной забастовки, и пусть все это займет полстраницы.

На следующий день репортер принес свой рассказ. Воскресный редактор пробежал глазами по строкам,

- Гм! - снова сделал он.

На этот раз рукопись почти без колебаний отправилась в мусорную корзину.

У репортера немного скжались губы, но, когда я часом позже пришел поговорить с ним об этом, он посвистывал не громко, но с довольным видом.

- Я не сержусь на старика,- сказал он велиководушно.- Не сержусь за то, что он выбросил мою статью. Действительно, она могла показаться странной. Но случилось именно так, как я написал. Послушайте, отчего бы вам не выудить рассказа из корзины и не пустить его в дело? Он не хуже всей той чепухи, которую вы пишете.

Я принял комплимент. Если вы станете читать дальше, то познакомитесь с фактами, касающимися брильянта богини Кали, за верность которых ручается один из самых надежных репортеров.

Генерал Марцелус Б. Людло живет в одном из разрушающихся почтенных старых домов из красного кирпича на одной из двадцатых улиц Запада.

Генерал - член одной старой нью-йоркской семьи, которая к рекламам не прибегает. Он-путешественник по рождению, джентльмэн по вкусам, миллионер по милости неба и знаток драгоценных камней по роду занятий.

Репортер был принят немедленно, как только явился к генералу в дом, около восьми часов тридцати минут вечера, в день получения предписания. В роскошной библиотеке его приветствовал просвещенный путешественник и знаток - высокий, стройный джентльмэн, лет немногим больше пятидесяти, с почти белыми усами и такой военной выпрекой, что в нем едва ли можно было найти след национального гвардейца.

Его обветренное лицо осветилось чарующей улыбкой и выражением интереса, когда репортер познакомил его с целью своего прихода.

- А, вы слыхали о моей последней находке? Я рад показать вам камень, который считаю одним из шести существующих на земле наиболее ценных голубых брильянтов.

Генерал открыл в одном из углов библиотеки небольшой сейф и вынул из него оклеенную плюшем коробку. Открыв ее, он выставил изумленному взгляду репортера громадный сверкающий брильянт, величиной приблизительно с крупную градину.

- Этот камень,- сказал генерал,- нечто большее, чем драгоценность. Он прежде составлял центральный глаз трехглазой богини Кали, которой поклоняется одно из наиболее свирепых и фанатичных племен Индии. Садитесь поудобнее, и я расскажу вам, для вашей газеты, краткую историю этого камня.

Генерал Людло вынул из шкафа графинчик виски и стаканы и подвинул счастливому репортеру удобное кресло.

- Фансигары, или туги,- начал генерал, - являются одной из наиболее опасных и внушающих страх сект в северной Индии. В религии они экстремисты и поклоняются ужасной богине Кали, в виде ее изображений.

Их обряды кровавы и интересны. По их странному религиозному кодексу, ограбление и убийство путешественников считается достоинством и даже обязательным поступком.

Поклонение трехглазой богине Кали производится в такой тайне, что до сих пор ни одному путешественнику не выпало чести быть свидетелем их религиозных церемоний. Эта честь приберегалась для меня.

Будучи в Сакаранпуре, между Дели и Келатом, я исследовал джунгли во всех направлениях, чтобы узнать что - нибудь новое об этих таинственных Фансигарах. Однажды вечером, в сумерках, проходя через тиковый лес, я набрел на открытом месте на круглое углубленное пространство, посреди которого возвышался грубый каменный храм. Будучи уверен, что это один из храмов тугов, я спрятался в кустах и стал ждать.

Когда взошел месяц, углубленное пространство внезапно наполнилось сотнями призрачных, быстро скользящих фигур. В храме распахнулась дверь, открывая вид на ярко освещенный идол богини Кали, пред которым жрец в белой одежде стал произносить варварские заклинания. А в это время почитатели богини распростерлись на земле.

Больше всего заинтересовал меня средний глаз громадного деревянного идола. По ослепительному блеску я видел, что это громадный брильянт чистейшей воды. Когда кончилось служение, туги скрылись в лес так же безмолвно, как и пришли. Жрец постоял еще несколько минут в дверях храма, наслаждаясь ночной прохладой перед тем, как закрыть свое довольно жаркое жилище. Вдруг темная, гибкая тень скользнула в углубление, прыгнула на жреца и ударом блестящего ножа бросила его на землю. Затем убийца, точно кошка бросился к идолу богини и выковырял ножом сверкающий средний глаз Кали. Держа в руках свою королевскую добычу, он побежал прямо на меня; когда он был на расстоянии трех шагов, я вскочил и со всей силы ударил его между глаз. Он упал без чувств и выронил из рук великолепную драгоценность. Это и есть тот восхитительный голубой брильянт, который вы только что видели. Камень, достойный царского венца!

- Пикантная история,- сказал репортер:- этот графинчик точно такой же, какой обыкновенно выставляет Джон В. Гец во время интервью.

- Простите,- сказал генерал Людло,- что, увлекшись рассказом, я позабыл о правилах гостеприимства!

Наливайте себе!

- За ваше здоровье! - сказал репортер.

- Всего больше я теперь боюсь,- сказал генерал, понижая голос,- что брильянт может быть у меня украден. Драгоценность, образовавшая глаз богини, является для фансигаров самым священным предметом. Каким-то образом племя подозревает, что брильянт - у меня, и члены этой секты следовали за мной почти что вокруг света. Это - хитрейшие и жесточайшие фанатики во всем мире, и их религиозные обеты требуют убийства неверного, осквернившего их священное сокровище.

Однажды в Лукнове три агента, переодетые слугами отеля, пытались задушить меня при помощи скрученной скатерти. В Лондоне тоже, два туга, переодетые уличными музыкантами,

влезли ко мне в окно ночью и напали на меня. Жизнь моя постоянно в опасности. Месяц тому назад, когда я жил в отеле в Бергшайре, трое из них ринулись на меня из-за придорожной травы. Я спасся тогда только вследствие знания их обычая.

- Как было дело, генерал? - спросил репортер.

- Поблизости паслась корова, - ответил генерал Людло: - славная джерсейская корова. Я подбежал к ней и остановился. Три туга тотчас прекратили атаку, стали на колени и трижды лбами ударились об землю. Затем, после многих почтительных поклонов, они ушли.

- Испугались, что корова их забодает? - спросил репортер.

- Нет, у фансигаров корова считается священным животным. Кроме богини, они поклоняются и корове. Насколько известно, они никогда не совершали актов насилия в присутствии животного, которое почитают.

- Это чрезвычайно интересная история, - сказал репортер. - Если вы ничего не имеете против, я выпью еще стаканчик и сделаю несколько заметок.

- Я последую вашему примеру, - сказал генерал Людло, сделав галантное движение рукой.

- Если бы я был на вашем месте, - сказал репортер: - я бы увез брильянт в Техас, там бы я поселился на коровьем ранчо, и фарисеи...

- Фансигары, - поправил генерал.

- Ах, да! Они наталкивались бы на корову каждый раз, как врывались бы к вам.

Генерал Людло закрыл коробку с брильянтом и спрятал ее на груди.

- Шпионы выследили меня в Нью-Йорке, - сказал он, выпрямляя свою высокую фигуру. - Я знаком с восточно-индийской организацией и знаю, что за каждым моим движением следят. Они, без сомнения, попытаются обокрасть и убить меня здесь.

- Здесь? - воскликнул репортер, схватив графин и выливая значительное количество его содержимого.

- В любое время! - прибавил генерал. - Но, как солдат и любитель, я продам свою жизнь и брильянт как можно дороже.

В этом пункте рассказа репортера ощущается некоторая неясность. Можно только догадаться, что послышался громкий треск за домом, в котором они находились. Генерал Людло плотно застегнул сюртук и побежал к двери, но репортер крепко вцепился в него одной рукой, в то время как другой держал графинчик.

- Прежде чем бежать, - произнес он, и в голосе его почувствовалась какая-то тревога, - скажите мне, не собирается ли какая-нибудь из ваших дочерей поступить на сцену?

- У меня нет никаких дочерей! Спасайтесь скорей, фансигары нападают на нас. И оба выбежали через парадный подъезд дома. Было поздно, когда ноги их коснулись тротуара. Странные люди, смуглые и страшные, как будто выросли из земли и окружили их. Один, с азиатскими чертами лица, близко надвинулся на генерала и закричал страшным голосом:

- Покупаю старую одежду!

Другой, мрачный и с темными баками, быстро подбежал к нему и начал жалостным голосом:

- М-р, нет ли у вас десяти пенни для бедного человека, который?..

Они пробежали мимо, но попали в объятия черноглазого, темнобрового создания, подставившего им под нос свою шляпу. В то же время товарищ его, также восточного вида, вертел неподалеку шарманку. На двадцать шагов дальше генерал Людло и репортер очутились среди полудюжины людей, подозрительного вида, с высоко поднятыми воротниками пальто и лицами, покрытыми щетиной небритых бород.

- Бежим, - крикнул генерал. - Они открыли владельца брильянта богини Кали.

Оба помчались со всех ног. Мстители за богиню пустились за ними в погоню.

- Боже мой! - простонал репортер. - В этой части Бруклина нет ни одной коровы. Мы пропали.

Около угла оба упали на железный предмет, возвышавшийся на тротуаре, вблизи водосточного желоба. В отчаянии ухватившись за него, они ожидали решения своей судьбы.

- Если бы только у меня была корова, - стонал репортер, - или еще глоток из того графинчика, генерал.

Как только преследователи открыли убежище своей жертвы, они внезапно отступили и ушли на значительное расстояние

- Они ждут подкрепления, чтобы напасть на нас,- сказал генерал Людло.

Но репортер залился звонким смехом и торжествующе замахал шляпой.

- Посмотрите-ка,- закричал он, тяжело опираясь на железный предмет; ваши фансигары или туги, как бы они ни звались, народ современный. Дорогой генерал, ведь мы с вами попали на насос. Это в Нью-Йорке то же самое, что корова. Вот почему эти бешеные черномазые парни не нападают на нас. Насос в Нью-Йорке- священное животное.

Но дальше, в тени Двадцать Восьмой улицы, мародеры собрали совет.

- Пойдем, Рэдди,- сказал один из них,- схватим старика: он целые две недели показывал брильянт, величиной с куриное яйцо, по всей Восьмой авеню.

- Не для тебя! - решил Рэдди. - Видишь, они собираются вокруг насоса. Это-друзья Билля. Билль не позволит ничего подобного на своем участке!

Этим исчерпываются факты, касающиеся брильянта Кали, но считаю вполне логичным закончить следующей короткой (оплаченной) заметкой, появившейся двумя днями позже в утренней газете:

"Говорят, что племянница генерала Марцелуса Б. Людло появится на сцене в ближайшем сезоне.

Брильянты ее оцениваются в крупную сумму и представляют исторический интерес".

Чемпион погоды

Если бы заговорить о Киова Резервейшен (земля, отведенная для индейцев в С.Ш.А. - прим. пер.) со средним нью-йоркским жителем, он, вероятно, не знал бы: имеете ли вы в виду новую политическую плутню в Альбани, или же лейт - мотив из "Парсивала"? Но там, в Киова Резервейшен, имеются сведения о существовании Нью-Йорка.

Наша компания выехала на охоту в Резервейшен.

Бед Кингзбюри, наш проводник, философ и друг, как-то ночью, в лагере, жарил на ращпере кусок мяса антилопы. Один из нас, молодой человек с рыжеватыми волосами, в безукоризненном охотничьем костюме, подошел к огню, чтобы закурить папиросу, и небрежно бросил Беду:

- Хорошая ночь!

- Да, - сказал Бед,- хорошая, насколько может быть хорошей всякая ночь, не имеющая рекомендательного штемпеля Бродуэя.

Молодой человек, действительно, был из Нью-Йорка, но всех нас удивило, как Бед это угадал. Поэтому, когда мясо было готово, мы попросили его открыть нам свою систему рассуждений. А так как Бед был нечто в роде территориальной говорильной машины, то он произнес следующую речь:

- Как я узнал, что он из Нью-Йорка? Ну, я сейчас же понял это, как только он бросил мне те два слова.

Я сам был в Нью-Йорке несколько лет назад и отметил некоторые знаки на ушах и следы копыт в ранчо Манхэттен. (М а н г а т т а н - главная часть Нью-Йорка. прим. пер.)

- Нашли Нью-Йорк несколько отличным от Панхендля, не так ли, Бед? спросил один из охотников.

- Не могу сказать,- ответил Бед,- во всяком случае, он поразил меня не более чего-либо другого. На главной тропе в этом городе, называемой Бродуэй, много путников, но почти все они из того же сорта двуногих, какие бродят вокруг Чайенна и Амарильо. Сперва меня как бы ошарашила толпа, но вскоре я сказал сам себе: "Слушай, Бед, они такие же обыкновенные люди, как ты, и Джеронимо, и Гравер Кливленд, иwatсоновские парни, так что нечего тебе волноваться и смущаться под твоей попоной". Ко мне вернулись мир и спокойствие, как будто я снова был на земле племени Киева, на пляске призраков или на празднике жатвы.

Я целый год копил деньги, чтобы закрутиться в Нью-Йорке. Я знал человека, по имени Семмерс, который живет там, но не мог найти его, так что мне пришлось в одиночестве вкушать

опьяняющие развлечения разжиревшей метрополии.

Некоторое время я был так захвачен суетой и так возбужден электрическим светом и шумом фонографов и воздушных железных дорог, что забыл об одной из насущных нужд моей западной системы природных потребностей. Я никогда не отказывал себе в удовольствии вокального общения с друзьями и чужими. Когда за границами территории для индейцев я встречаю человека, которого никогда раньше не видел, то уже через девять минут я знаю его доход, его религию, размер воротничка и характер жены, а также сколько он платит за одежду, за пищу и за жевательный табак. У меня дар - не быть скупым на разговоры.

Но этот Нью-Йорк создан на идее воздержания от речи. К концу трех недель никто не сказал мне ни единого слова, за исключением лакея в с'естном учреждении, где я питался. А так как его синтаксические выпаливания были не чем иным, как плагиаризмом карты кушаний, то он никак не мог удовлетворить мои желания, заключавшиеся в том, чтобы кого-нибудь зацепить. Если я стоял рядом с кем-нибудь у бара, он отворачивался и кидал на меня взгляд Бальдин-Циглера, точно подозревая, что я спрятал в себе северный полюс. Я начал жалеть, что не поехал на каникулы в Абилин или Вако, потому что там, в этих городах, мэр с удовольствием выпьет вместе с вами, а первый встречный скажет вам свое среднее имя и попросит участвовать в лотерее на музыкальный ящик. Однажды, когда я особенно жаждал общения с чем-нибудь более разговорчивым, чем фонарный столб, какой-то человек в кафе говорит мне:

- Прекрасный день!

Он был чем-то в роде распорядителя в этом кафе и, как я полагаю, видел меня там много раз. Лицо у него было рыбье и глаза, как у Иуды, но я встал и обнял его одной рукой.

- Простите,- говорю я,- разумеется, сегодня прекрасный день! Вы-первый джентльмэн в Нью-Йорке, понявший, что сложные формы речи, обращенной к Виллиаму Кингзбери, не потрачены даром. Но не находите ли вы,-продолжаю я,- что утром было немного свежо, и не чувствуете ли вы, что сегодня будет дождь? Но около полудня была, действительно, восхитительная погода. Все ли благополучно у вас дома? Хорошо ли идут дела в кафе?

Так вот, представьте себе, сэр, что этот тип отворачивается от меня и уходит, не сказав ни слова!

И это после всех моих усилий быть приятным! Я не знал, как и чем это об'яснить. В тот же вечер я получил записку от Семмерса, заезжавшего из города; в этой записке он сообщил мне адрес своей стоянки. Я отправляюсь к нему и веду хороший, старого времени, разговор с его домашними. Я рассказываю Семмерсу про поступок этого койота в кафе и прошу его раз'яснить мне, что это значит.

- О! - ответил Семмерс,- он вовсе не намеревался начать с вами разговор. Это нью-йоркская манера. Он видел, что вы были частым посетителем его кафе, и сказал вам два-три слова, чтобы показать, что он дорожит вашими посещениями. Вам не следовало продолжать. Дальше этого мы не идем с незнакомыми людьми. Можно, конечно, рискнуть бросить слово или два о погоде, но мы не делаем из этого базиса для дальнейшего разговора и знакомства.

- Билли,- говорю я,- погода и ее разветвления для меня серьезный сюжет! Метеорология - одно из моих слабых мест. Ни один человек не может затронуть при мне вопрос о температуре, или о влажности, или о веселом солнечном сиянии-и вдруг вильнуть хвостом и не довести разговора до конца, т.-е. до падения барометра. Я снова пойду к этому человеку и дам ему урок искусства непрерывного разговора... Вы говорите, что нью-йоркский этикет разрешает ему два слова и не разрешает ответа? Ну, так он превратится у меня в бюро погоды и докончит то, что он начал со мной, попутно делая родственные замечания и о других предметах.

Семмерс отговаривал меня, но я рассердился и поехал по уличной железной дороге обратно в кафе.

Тот молодец еще был там и расхаживал по комнате в роде заднего коррала, где стояли столы и стулья. Несколько человек сидели вокруг стола, пили и насмехались друг над другом.

Я позвал этого человека в сторону, загнал его в угол и расстегнулся достаточно для того, чтобы ему был виден мой тридцативосьмилинейный револьвер, который я носил заткнутым под жилет.

- Извините,- сказал я,- Не так давно я был здесь, и вы воспользовались случаем сказать мне,

что сегодня хорошая погода. Когда я попытался подтвердить ваше заявление, вы повернулись ко мне спиной и ушли. А теперь,-говорю я,- продолжайте свою дискуссию о погоде. Слышите вы, помесь шпицбергенской морской кукушки с устрицей в наморднике? Вы, лягушечье сердце, страшась слов.

Молодец смотрит на меня и старается улыбнуться, но, видя, что я не смеюсь, становится серьезным.

- Что ж,- говорит он, не спуская взора с рукоятки моего револьвера:день был почти прекрасный, хотя слишком теплый...

- Дайте подробности, вы, соня с мукой во рту! - говорю я: - дайте мне спецификацию, ярче обведите контуры! Если вы начнете говорить со мной отрывисто, то сами дадите сигнал к буре.

- Вчера было похоже на дождь, но сегодня утром погода разыгралась. Я слышал, что фермерам в северной части штата очень нужен дождь.

- Вот это верный тон! - сказал я. - Стряхните с своих копыт нью-йоркскую пыль и станьте настоящим приятным кентавром. Вы сломили лед, и мы с каждой минутой все ближе знакомимся. Мне кажется, я спрашивал вас о вашей семье?

- Все здоровы, благодарю вас,-сказал он.- У нас... у нас новый рояль.

- Вы входите в роль,-говорю я,- ваша холодная замкнутость наконец проходит. Последнее замечание о рояле делает нас почти братьями. Как зовут вашего младшего?-спрашиваю я.

- Томас,- отвечает он.- Он сейчас только поправляется после кори.

- Мне кажется, что я всегда знал вас, - говорю я.- Но еще один вопрос: хорошо ли идут дела в кафе?

- Порядочно, - говорит он. - Я немного откладываю.

- Очень рад, - говорю я. - Теперь возвращайтесь к своему делу и цивилизуйтесь. Оставьте погоду в покое, если не хотите говорить о ней по каким-то личным причинам. Это - сюжет, естественно относящийся к общественности и к заключению новых знакомств... И я не потерплю, чтобы его подносили мелкими дозами в таком городе, как этот.

На следующий день я свернул свои одеяла и пустился в обратный путь из Нью-Йорка. Некоторое время после окончания рассказа Беда мы еще оставались у огня, затем все стали устраиваться на ночь.

Разворачивая свое одеяло, я услышал, как молодой человек с рыжеватыми волосами сказал что-то Беду, и в его голосе звучал страх:

- Как я уже говорил, м-р Кингзбюри, в этой ночи есть что-то, действительно восхитительное. Приятный ветерок, яркие звезды и прозрачный воздух соединились, чтобы сделать ночь удивительно привлекательной.

- Да,- подтвердил Бед: - это прекрасная ночь!

Черствые булки

Мисс Марта Мичем содержала небольшую пекарню на углу, - ту самую, в которую ведут три ступеньки, и где сильно дребезжит звонок, когда вы отворяете дверь.

Мисс Марте Мичем было сорок лет, ее банковая книжка показывала сбережения в две тысячи долларов, а кроме того она обладала двумя фальшивыми зубами и отзывчивым сердцем. Повыходило замуж очень много женщин, шансы которых были гораздо ниже ее.

Два-три раза в неделю заходил покупатель, которым она начала в последнее время интересоваться. Это был человек средних лет, в очках и с русой, аккуратно подстриженной, остроконечной бородкой.

Он говорил по-английски с ясно выраженным немецким акцентом. Платье его было поношенное, заштопанное; висело оно на нем мешковато и местами образовало складки.

Но все же он выглядел очень опрятно и отличался хорошими манерами.

Он неизменно покупал по два черствых хлебца. Свежие хлебцы стоили по пяти центов каждый. Черствые хлебцы продавались по пяти центов пара. Он никогда не спрашивал ничего другого: только черственные хлебцы.

Как-то раз мисс Мичем заметила на его пальцах красные и коричневые пятна. Она немедленно решила про себя, что он - художник, и очень бедный. Не было никакого сомнения в том, что он живет в мансарде, где рисует картины, ест черственные булки и мечтает об очаровательных вещах, что выпекаются у мисс Мичем. Очень часто, когда мисс Марта сидела за чаем с булочками, котлетами и вареньем, она подавляла невольный вздох и думала о том, что было бы хорошо, если бы художник с изящными манерами разделял ее трапезу вместо того, чтобы есть сухой хлеб в своей отвратительной мансарде... Как уже указывалось выше, у мисс Марты было чрезвычайно отзывчивое сердце...

С целью проверить свое предположение относительно рода его занятий, она однажды принесла из своей комнаты картину, которую купила на аукционе, и поставила ее у полок, за прилавком с хлебом.

Это была венецианская сценка. Роскошный мраморный палладио (так было написано на картине!) стоял на переднем плане земли, - вернее, воды. Кроме дворца, можно было видеть гондолу (с дамой, проводящей пальцем след по воде), облака, небо и обильное количество светотени.

Ни единый художник не мог не обратить внимания на такую картину.

Через два дня явился покупатель.

- Будете добры, две черствых булки.

- У вас прекрасная картина, мадам, - сказал он, в то время как она заворачивала булки!

- Разве? - воскликнула мисс Марта, в восторге от собственной хитрости: - я так люблю искусство и... нет, еще слишком рано было сказать "художников!"

- и картины.- Она прибавила: - Значит, вы находите, что это хорошая картина?

- Дер балацо,- сказал покупатель,- нехорошо написан. Неверно сделана перспектива. Будьте здоровы, мадам! Он взял булки, поклонился и торопливо вышел. Да, он несомненно художник! Мисс Марта унесла картину обратно в свою комнату. Как мягко и внимательно светились его глаза за очками! Какой у него большой лоб! Быть способным с первого же взгляда судить о перспективе - и питаться черствыми булками! Но художнику всегда приходится очень много страдать, пока его признают...

Как было бы хорошо для искусства и для перспективы, если бы гений подкрепился двумя тысячами долларов, пекарней и... отзывчивым сердцем! Но, мисс Марта, все это мечты!

...Теперь, являясь в пекарню, он довольно часто болтал с ней через прилавок. Казалось, он жаждет слышать бодрящие слова мисс Марты. Он продолжал покупать черственные булки и никогда не спрашивал ни сладких печений, ни пирога, ни ее очаровательных пышек. С некоторого времени он как будто похудел и упал духом. У нее болело сердце от желания прибавить чего-нибудь вкусненького к его скромной покупке, но не хватало мужества сделать это. Она не смела оскорбить его. Она много слышала о болезненном самолюбии художников.

Мисс Марта начала надевать в лавку свой шелковый синий в крапинку лиф.

В задней комнате она варила какое-то таинственное месиво из семян айвы и буры. Многие употребляют такую смесь для цвета лица.

Однажды покупатель вошел в пекарню, как обычно. Как обычно же, спросил черствые булки и положил на прилавок деньги. В то время как хозяйка потянулась за булочками, послышался звук рожка, тотчас же раздался грохот и мимо лекарни тяжело протащился пожарный обоз. Покупатель поспешил к двери посмотреть, как и всякий другой сделал бы!

В порыве вдохновения мисс Марта решила воспользоваться представившимся случаем.

За прилавком, на нижней полке, лежал фунт свежего масла, который молочник ей принес минут десять назад. Хлебным ножом она сделала глубокий надрез в каждой черствой булке, всунула туда изрядное количество масла и снова плотно прижала булки,

Когда покупатель повернулся, она уже заворачивала булки в бумагу. Когда же после необычно приятного короткого разговора покупатель ушел, она улыбнулась самой себе, но в то же время почувствовала в сердце легкий трепет. "Не был ли чересчур смел ее поступок? Не обидится ли художник? Наверное, нет! Ведь не существует на свете язык с'естного! А масло не является эмблемой назойливой смелости!"

В этот день все ее мысли долго были прикованы к этой теме. Она на разные лады представляла себе, как он откроет ее маленький обман. Он отложит в сторону свои кисти и палитру. Рядом будет стоять мольберт с начатой картиной, перспектива которой-выше всякой критики. Он готовится позавтракать черствой булкой и водой, он вонзает в булку нож,-ах! Мисс Марта густо покраснела. Когда он будет есть, подумает ли он о той руке, что положила масло? Станет ли?..

В это мгновение неистово задребезжал колокольчик у входной двери. Кто-то вошел с большим шумом. Мисс Марта поспешила из задней комнаты в булочную. Там было двое мужчин. Одного из них, молодого человека, с трубкой в зубах, она никогда до сих пор не видела. Другой был-ее художник. Лицо его было багрового цвета, шляпа с'ехала на бок, а волосы растрепались. При виде мисс Марты он дико сжал кулаки и. грозно направил их в сторону хозяйки.

В сторону мисс Марты!

- Dummkopf! - оглушительно закричал он: - Tausendofer! Или что-то другое, в этом роде. Ругался он по-немецки.

Молодой человек старался увести его.

- Я не уйду,-продолжал сердито кричать немец,- не уйду до тех пор, пока не скажу ей... Он забарабанил кулаками по прилавку мисс Марты.

- Вы испортиль мне...- орал он: вы испортиль мое...- И синие глаза его метнули молнии за очками.

Я хочу сказать вам... Вы-старая, драная кошка...

Мисс Марта в изнеможении прислонилась к полкам и положила руку на свой шелковый, синий в крапинках лиф. Молодой человек схватил своего товарища за ворот.

- Ну, идем!-сказал он сердито: вы уже достаточно наговорили ей.

Он вытащил рассерженного художника за дверь на тротуар и затем вернулся.

- Я думаю, мадам, что я должен об'яснить вам, что тут произошло,сказал он. Вот, собственно говоря, из-за чего весь этот шум. Это Блюмбергер! Он инженер-архитектор. Я служу с ним в одной конторе. Он вот уж три месяца, как усерднейшим образом работает над планом нового здания ратуши. Был об'явлен конкурс на премию. Вчера он закончил обведение чертежа тушью. Надо вам знать, что чертежник всегда сначала вычерчивает в карандаше, а потом, когда работа готова, он стирает карандаш крошками черствого хлеба. Это- гораздо лучше резины. Блюмбергер все время покупал черствый хлеб у вас, - вы сами знаете это, мадам... И вот теперь, благодаря вам, весь его план никуда не годится, разве еще только на то, чтобы заворачивать в нем бутерброды в дорогу...

...Мисс Марта вернулась в заднюю комнату. Там она сняла шелковый, синий в крапинку лиф и надела старую кофту из коричневой саржи, которую обычно носила. А затем она выплеснула через окно в ведро с золой смесь из семян айвы с бурой.

Дайте пощупать ваш пульс !

Я пошел к доктору.

- Сколько времени вы не вводили алкоголя в свой организм? - спросил он.

Повернув голову в сторону, я ответил:

- О, очень давно!

Доктор был молодой. Этак от двадцати до сорока лет. Он носил носки гелиотропового цвета, но выглядел, как Наполеон. Мне он чрезвычайно понравился.

- Теперь,- сказал он,- я покажу вам действие алкоголя на ваше кровообращение.

Он обнажил мою левую руку до локтя, вынул бутылку виски и дал мне выпить. Он стал еще более похожим на Наполеона. Мне он нравился еще больше. Затем он положил плотный компресс на верхнюю часть моей руки, пальцами остановил пульс и нажал резиновый шар, соединенный со стоявшим на подставке аппаратом, похожим на термометр. Ртуть прыгала вверх и вниз и как будто нигде не останавливалась, но доктор сказал, что она показывает двести тридцать семь или сто шестьдесят пять, или еще что-то в этом роде.

- Теперь вы видите,- сказал он,- как алкоголь действует на кровообращение?

- Поразительно,- сказал я: - но считаете ли вы этот опыт достаточным? Не попробуем ли другую руку?

Нет, он не согласен. Затем он схватил мою руку. Я подумал, что приговорен к смерти, и что он со мной прощается. Но он хотел только воткнуть иголку в кончик моего пальца и сравнить красную каплю крови с кучей пятидесятицентовых фишек для покера, которые он наклеил на карточку.

- Это проба на гемоглобин,- объяснил он: - у вас цвет крови не хороший.

- Ну,-сказал я, - я знаю, что она должна бы быть голубой, но это страна помесей. Некоторые мои предки были кавалерами, но они смешивались с жителями острова Нантукет, так что...

- Я хочу сказать,- произнес он,- что красный цвет слишком бледен.

Затем доктор со строгим видом стал ударять меня в область груди. Я не знаю, кого он больше напоминал мне в это время: Наполеона, Баттлинга или лорда Нельсона? Потом он принял серьезный вид и назвал целую кучу болезней, которым подвержена человеческая плоть. Большинство болезней оканчивалось на "itis".

Я немедленно уплатил ему за них вперед пятнадцать долларов.

- Есть ли среди этих болезней одна или две смертельных?- спросил я, думаю, что моя связь с ними оправдывает проявление некоторой доли внимания с моей стороны.

- Все! - весело ответил он: - но развитие их может быть остановлено. Если беречься, то при соответствующем постоянном лечении вы можете прожить до восьмидесяти пяти или до девяноста лет.

Я стал думать о докторском счете. "Восемьдесят пять, мне кажется, будет достаточно" размышлял я.

Я заплатил ему еще десять долларов.

- Прежде всего,- сказал он с возобновившимся оживлением: - надо найти санаторию, где вы могли бы пользоваться полным отдыхом; там ваши нервы придут в лучшее состояние. Я сам поеду с вами и выберу подходящую.

И он отвез меня в сумасшедший дом на Кеттскилсе. Дом, посещаемый редкими посетителями, стоял на голой горе. Видеть можно было только камни и валуны, несколько куч снега и разбросанные тут и там сосны. Дежурный молодой врач был очень мил. Он дал мне возбуждающее, не наложив компресса на руку. Было время завтрака, и нас пригласили разделить его. За маленькими столиками в столовой сидело около двадцати обитателей дома. Молодой врач подошел к нашему столу и сказал:

- У нас принято, чтобы гости считали себя не пациентами, а просто утомленными лэди и джентльменами, приехавшими отдохнуть. Какими бы незначительными болезнями они ни страдали, об этих болезнях никогда не упоминается в разговоре.

Мой доктор громко крикнул горничной, чтобы она подала мне к завтраку фосфоглицерит из рубленой извести, собачью галету, бромо-зельтерские блинчики и чай из нуксомики. Вдруг

раздался звук, словно внезапный бурный порыв между сосен. Звук этот сложился из произнесенного громким шепотом всеми присутствующими слова "неврастения", - за исключением одного человека с большим носом.

Этот человек ясно произнес: "Хронический алкоголизм".

Надеюсь еще встретиться с ним.

Дежурный врач повернулся и ушел.

Приблизительно через час после завтрака он повел нас в мастерскую, на расстоянии пятидесяти ярдов от дома. Туда же были отведены и гости под надзором помощника врача, и ассистента тож,- длинноногого человека в синем свитере. Он был такого большого роста, что я не уверен, имелось ли у него лицо? Но его руки были незаменимы для упаковки.

- Здесь,- сказал дежурный врач; - наши гости отвлекаются от прежних душевных тревог, посвящая себя физической работе. Это - необходимая реакция.

Тут были токарные станки, приборы для обойщиков, столы для формовки глины, прялки, ткацкие станки, ножные приводы, турецкие барабаны, аппараты для увеличения фотографий, кузнечные горны и, повидимому, все, что могло бы интересовать платных ненормальных пациентов первоклассной санатории.

- Дама, которая там в углу лепит пирожки из грязи, - прошептал врач, - некто иная, как Люла Лемингтон, авторша романа "Почему любовь любит?" Ее теперешнее занятие - просто отдых для ума после этого труда.

Я видел эту книгу,

- Отчего же она не отдыхает за писанием другой книги?~спросил я.

Как видите, я еще не зашел так далеко, как они воображали.

- Джентльмэн, льющий воду через воронку,-продолжал дежурный врач,-маклер из Уолл-Стрита, заболевший от переутомления.

Я застегнулся.

Он показал и других: архитекторов, играющих с ноевыми ковчегами, министров, читающих дарвиновскую "Теорию эволюции", юристов, пиливших дрова, усталых светских дам, говоривших об Ибсене ассистенту в синем свитере, неврастеничного миллиона, спавшего на полу, и выдающегося артиста, возившего вокруг комнаты маленьющую красную тележку.

- Вы, повидимому, человек сильный,-обратился ко мне врач: - я думаю, что лучшим для вас средством от умственного переутомления было бы бросать с горы мелкие камни, а затем снова приносить их наверх.

Я уже был в ста ярдах оттуда, когда мой доктор догнал меня.

- В чем дело?-спросил он.

- Дело в том,- ответил я: - что у меня под рукой нет аэропланов. Поэтому я быстро и легко буду трусить по пешеходной тропе до станции, а там сяду в первый поезд с углем и вернусь обратно в город.

- Да,-сказал доктор, - вы, пожалуй, правы. Это едва ли подходящее место для вас. Но вам нужен покой, абсолютный отдых и движение.

В тот же вечер, вернувшись в город, я зашел в гостиницу и сказал клерку:

- Мне нужен абсолютный покой и движение. Можете вы дать мне комнату с большой складной кроватью и смену мальчиков для услуг, которые могли бы складывать и раскладывать ее, пока я сплю.

Конторщик стер чернильное пятно с ногтя одного из пальцев и бросил взгляд в сторону, на высокого человека в белой шляпе, сидевшего в передней. Человек этот подошел ко мне и вежливо спросил, видел ли я кустарники у западного входа. Так как я их не видел, то он показал их мне и затем оглянулся.

- Я думал, что вы навеселе,- сказал он не грубо: - но вижу, что у вас все в порядке. Вам бы следовало пойти к доктору, старина.

Через неделю мой доктор снова испытывал у меня давление крови, но без предварительного возбуждающего. Он показался мне немного менее похожим на Наполеона. Носки у него были каштанового цвета, который тоже не нравился мне.

- Вам нужны, - решил он. - морской воздух и общество.

- Может быть, сирена,-спросил я, но он принял свой профессиональный вид.

- Я сам,-сказал он,-отвезу вас в отель "Бонэр" на некотором расстоянии от берега Лонг-Айлэнд и позабочусь, чтобы вы добрались туда в хорошем виде. Это спокойное, комфортабельное место, где вы скоро выздоровеете.

Отель "Бонэр" оказался модной гостиницей в девятьсот комнат, на островке, на небольшом расстоянии от главного берега. Всякого, кто не переодевался к обеду, совали в боковую столовую и за табльдотом давали только морских черепах и шампанское.

Бухта представляла собой большое опытное поле для богатых яхтсмэнов. В тот день, когда мы приехали, в бухте бросил якорь "Корсар". Я видел, как м-р Морган стоял на его палубе, ел сандвич с сыром и с завистью смотрел на отель. Все же это было очень не дорогое местечко. Никто не был в состоянии платить назначенные цены. Когда покидали отель, то просто оставляли свой багаж, выкрадывали лодку и ночью уплывали к материку.

Пробыв там один день, я взял у клерка пачку телеграфных бланков и стал телеграфировать всем своим друзьям, чтобы они прислали мне денег на выезд. Я сыграл с доктором одну партию в крокет и улегся спать на лужайке.

Когда мы возвращались в город, доктора как бы внезапно осенила мысль.

- Кстати,- спросил он: - как вы себя чувствуете?

- Чувствую большое облегчение! - ответил я.

Врач, к которому обращаются для консультации, совсем иного типа. Он не знает наверно: будет ему уплачено, или нет, и это обеспечивает вам либо самое внимательное, либо самое невнимательное отношение.

Мой доктор повел меня к консультанту. Тот плохо угадал и был очень внимателен. Мне он понравился ужасно. Он заставил меня делать упражнения по координации движений.

- Болит у вас затылок?- спросил он. Я ответил, что не болит.

- Закройте глаза,-приказал он,- плотно сдвиньте ноги и прыгайте назад, как можно дальше.

Я всегда хорошо прыгал назад с завязанными глазами, поэтому легко исполнил приказание. Голова моя ударила об угол двери в ванную комнату, которая была оставлена отворенной и находилась на расстоянии всего трех футов. Доктор очень сожалел об этом. Он не заметил, как дверь открылась. Он закрыл ее.

- Теперь дотроньтесь правым указательным пальцем до носа,- сказал он.

- Где он? - спросил я.

- На вашем лице,- ответил он.

- Я спрашиваю про правый указательный! - объяснил я.

- Извините, пожалуйста,- сказал он.

Он снова отворил дверь в ванную комнату, и я вынул палец из дверной щели.

Проделав удивительный персто-носовой фокус, я сказал:

- Я не могу обманывать вас относительно симптомов, доктор. Я, действительно, чувствую что-то в роде боли в затылке. Он не обратил внимания на этот симптом и внимательно исследовал мое сердце слуховой трубочкой, за один пенни играющей последние популярные арии. Я чувствовал себя, как гитара.

- Теперь,- сказал он,- скачите, как лошадь, вокруг комнаты в течение пяти минут.

Я, как мог лучше, изобразил забракованного першерона, выводимого из Мэдисон-сквера.

Затем, не бросив в трубку пенни, доктор снова стал выслушивать меня.

- В нашей семье не было сапа! - сказал я.

Консультант поднял палец и держал его на расстоянии дюйма от моего носа.

- Смотрите на мой палец! - скомандовал он.

- Пробовали вы когда-нибудь мыло Пирса?..- начал я. но он быстро продолжал свое исследование.

- Теперь смотрите в оконный пролет! На мой палец! В окно! На мой палец! В окно! На мой палец! В окно!

Так продолжалось три минуты. Он об'яснил, что это исследование деятельности мозга.

Мне оно показалось очень легким. Я ни разу не принял его пальца за оконный пролет.

Готов побиться об заклад, что если бы он употреблял фразы: "Смотрите, так сказать,

отбросив заботы, вперед - или вернее в бок - по направлению к горизонту, подпертому, так сказать, вставкой прилегающего флюида", или возвращая теперь, или, скорее, отклоняя ваше внимание, сосредоточьте его на моем поднятом персте",- бываю об заклад, что сам Харри Джемс в таком случае не выдержал бы экзамена!

Спросив меня затем, не было ли у меня двоюродного деда с искривлением спинного хребта и троюродного брата с опухолью лодыжек, оба доктора ушли в ванную комнату и сели на край ванны для консультации. Я с'ел яблоко и посмотрел сперва на свой палец, а потом в окно.

Доктора вышли с серьезным видом - более того! - они были похожи на надгробные памятники или на любительское издание актов штата Теннеси. Они составили расписание диэты, которой я должен был подвергнуться. Согласно ей, мне предписывалось есть все то, о чем я когда-либо слышал, за исключением улиток.

- Вы должны строго следовать этой диете,- сказали доктора.

- Я последую за ней целую милю, если только смогу достать все то, что здесь написано.

- Еще важно, - продолжали они, - быть на открытом воздухе, в движении. А вот рецепт, который принесет вам большую пользу.

Затем каждый из нас что-нибудь унес. Они - свои шляпы, а я - ноги.

Я пошел к аптекарю и показал ему рецепт.

- Это будет стоить два доллара 87 центов за бутылочку в унцию.

- Не дадите ли вы мне кусочек бечевки, которой вы завязываете пакеты?-спросил я.

Я просверлил в рецепте дырку, продел в дырку веревку и повесил рецепт себе на шею, под рубашку. У всех нас есть суеверия. Мое заключается в вере в амулеты.

Разумеется, у меня не было никакой опасной болезни, но, тем не менее, я был очень болен. Я не мог работать, спать, есть или играть на бильярде. Единственным способом возбудить некоторое сочувствие было не бриться в течение четырех дней. Даже и тогда кто-нибудь говорил:

- Ну, старина, вы кажетесь крепким, как сосновый сук. Погуляли в Мэнских лесах, а?

Вдруг я вспомнил, что мне нужен открытый воздух и движение.

Я поехал на Юг, к Джону. Джон - это что-то в роде родственника. У него - дача в семи милях от Пайнвилля. Эта дача находится на высоте и на самом краю Синих гор, в штате слишком почтенном, чтобы вмешивать его в эту полемику. Джон встретил меня в Пайнвилле, на зубчатой дороге, и мы отправились к его дому.

Это был большой коттедж, стоявший на холме, окруженном сотнями гор. Мы вышли на его собственной частной платформе, где семья Джона и Амариллис встретили и приветствовали нас. Амариллис немного испуганно глядела на меня.

Кролик пробежал по холму между домом и нами. Я бросил картонку с платьем и бегом бросился за ним. Пробежав около двадцати ярдов и увидев, что он исчез, я сел на траву и стал безутешно плакать.

- Я не в состоянии больше поймать кролика,- рыдал я:- я более ни на что не годен. Уж лучше бы мне умереть! - Что это? Что с ним, Джон? услышал я вопрос Амариллис.

- Нервы немного расшатаны,-ответил Джон спокойно.-Не волнуйся! Вставай, охотник за кроликами, и иди в дом, пока бисквиты не остывли.

Наступали сумерки, и горы благородно походили на описание, сделанное миссис Мерфи. Вскоре после обеда я объявил, что мог бы спать год или два, включая установленные праздники. Меня отвели в комнату, большую и прохладную, как цветник, в которой стояла кровать, широкая, как лужайка. Вскоре и все остальные пошли спать, и кругом воцарилась тишина. Я целые годы не слышал подобной тишины. Она была абсолютна. Я поднялся на локте и прислушивался к ней. Спать? Мне казалось, что, если бы я только услышал, как мерцают звездочки, и как завастривается травинка, я мог бы довести себя до сна. Однажды мне послышался звук, точно при повороте грузовой шхуны забился парус по ветру, но я решил, что это, вероятно, только шевелится ковер. Я все-таки продолжал слушать.

Вдруг какая-то запоздалая пичужка вспорхнула на подоконник, и голосом, который ей, вероятно, казался сонным, издала звук, обыкновенно переводимый словами "чирик".

Я подпрыгнул в воздух.

- Эй, что случилось?- крикнул Джон из своей комнаты, расположенной над моей.

- Ничего,-ответил я,- кроме того, что я нечаянно ударился головой об потолок.

На следующее утро я вышел из подъезда и взглянул на горы. Видно было сорок семь гор. Я вздрогнул, вошел в большую гостиную, взял с полки "Домашнее руководство по медицине" Панкоста и начал читать.

Джон вошел, отнял книгу и вывел меня из дома.

У него есть ферма в триста акров, снабженная обычновенными придатками в виде рабочих, мулов, сараев и боронь со сломанными тремя передними зубьями. В детстве я видел подобные вещи, и сердце мое стало замирать.

Когда Джон заговорил о люцерне, я сразу повеселел.

- О, да,- сказал я:- ведь, она была в хоре... как это...

- Зеленая, знаешь ли,- добавил Джон, - и нежная. Ее надо запахивать после новой жатвы.

- Знаю,- сказал я.-И трава растет на ней.

- Верно, - сказал Джон,- ты все-таки понимаешь кое-что в фермерском деле.

- Я знаю кое-что о некоторых фермерах,- сказал я:- надежный косарь скосит их когда-нибудь.

Когда мы возвращались домой, нам перешло дорогу какое-то красивое и незнакомое создание. Я остановился, очарованный, и уставился на него глазами. Джон терпеливо ждал, покуривая папироску. Он-современный фермер! Через десять минут он спросил:

- Ты что же, целый день намерен стоять и смотреть на этого цыпленка? Завтрак уже почти готов.

- Цыпленок? - спросил я.

- Курочка из породы белых орлингтонов, если тебе хочется знать в точности.

- Белые орлингтоны? курочка? - повторял я с захватывающим интересом.

Белая курочка с грациозным достоинством уходила прочь, а я следовал за ней, как ребенок за сказочным дудочником. Джон предоставил мне на это еще пять минут, затем взял меня за рукав и повел завтракать...

Побыв там около недели, я начал тревожиться. Я хорошо спал и ел и начал находить удовольствие в жизни. Это совсем не годилось для человека в моем безнадежном положении. Поэтому я сполз вниз на станцию зубчатой дороги, взял билет в Пайнвиль и отправился к одному из лучших врачей в городе...

Теперь я уже точно знал, что надо делать, когда нуждаешься в медицинской помощи. Я повесил шляпу на спинку стула и быстро проговорил:

- Доктор, у меня цирроз сердца, артериосклероз, неврастения, острое несварение желудка и выздоровление. Я буду жить на строгой диете. Я буду брать теплую ванну вечером и холодную днем. Я постараюсь быть веселым и направлять мысли на приятные предметы. Из лекарств я предполагаю принимать по фосфатной пилюле три раза в день, предпочтительно после еды, и микстуру, состоящую из тinctуры генцианы, хины и кардамона. На каждую столовую ложку этого средства я буду принимать тinctуру нуксомики, начиная с одной капли и прибавляя по одной капле ежедневно, пока не будет достигнута максимальная доза. Капать я буду медицинским капельником, который может быть приобретен в каждой аптеке за пустячные деньги. Доброго утра!

Я взял шляпу и вышел. Закрыв дверь, я припомнил, что забыл еще что-то сказать, Я снова открыл дверь. Доктор не шевельнулся с места, где сидел, но нервно вздрогнул, когда увидел меня.

- Я забыл упомянуть,- сказал я,- что буду пользоваться абсолютным покоем и движением.

После этой консультации, мне стало гораздо лучше. Укрепление в моем уме мысли, что я безнадежно болен, доставило мне такое удовольствие, что я чуть не стал снова мрачным. Нет ничего более тревожного для неврастеника, как чувствовать, что поправляешься и веселеешь.

Джон внимательно следил за мной. После того, как я обнаружил такой интерес к белой орлингтонской курочке, он всячески старался отвлечь мои мысли и не забывал закрывать птичник на ночь. Постепенно здоровый горный воздух,- пища и ежедневные прогулки среди холмов так облегчили мою болезнь, что я совсем огорчился и упал духом.

Услыхав про сельского врача, жившего по соседству в горах, я пошел к нему и рассказал всю свою историю. Это был седобородый старик с ясными, синими, окруженными морщинками,

глазами и в одежде домашнего приготовления, из серой бумаги.

Чтобы сократить время, я изложил диагноз, потрогал нос правым указательным пальцем, ударил себя под колено, чтобы дрыгнуть ногой, выступил грудь, высунул язык и справился о цене места на кладбище в Пайнвилле.

Он закурил трубку и смотрел на меня минут пять.

- Брат мой, - сказал он немного погодя, - вы в очень скверном состоянии. Есть некоторый шанс на выздоровление, но очень слабый.

- Что бы это могло быть? - жадно спросил я.- Я принимал мышьяк и золото, фосфор, движение, нуксвомику, гидротерапевтические ванны, покой, возбуждение, кодеин, ароматические соли аммония. Осталось ли еще что-нибудь в фармакопее?

- Где-то, в этих горах,-сказал доктор,- водится растение,- цветущее растение, которое может вылечить вас. Это - единственное средство спасения. Оно принадлежит к виду, старому, как мир. Но за последнее время встречается редко, и найти его трудно. Нам обоим придется поохотиться за ним. Я сейчас активно не практикую, я уже стар, но вашим случаем займусь. Вы должны приходить ко мне каждый день после полудня и помогать мне в поисках этого растения. Искать будем, пока мы не найдем его. Городские врачи, может быть, и знают очень много о новых научных открытиях, но они не знают средств, которые мать-природа носит в своей переметной суме.

Итак, я и старый доктор каждый день охотились за всеисцеляющим растением по горам и долинам Синего хребта. Вместе мы взбирались на крутизны, такие скользкие от упавших осенних листьев, что нам приходилось хвататься за ближайшее деревце или ветку, чтобы удержаться от падения. Мы проходили через теснины и пропасти, по грудь утопая в папертниках к лавровых листах. Мы целые мили следовали берегом горных ручьев, мы прокладывали себе дорогу, как индейцы, сквозь сосновые заросли. Мы исследовали все в поисках чудесного растения - придорожную полосу, склоны холмов, берега рек, горную область.

Как говорил старый доктор, растение, должно-быть, действительно, стало редким и трудно-находимым. Но мы продолжали поиски. День за днем, мы измеряли долины, лазили ча вершины и топтали плоскогория в поисках целебного растения. Выросший в горах доктор, казалось, никогда не уставал. Я часто возвращался домой настолько уставшим, что не мог ничего делать, как только броситься в постель и спать до утра.

Так продолжалось целый месяц. Как-то вечером, когда я вернулся с шестимильной прогулки со старым доктором, я прохаживался с Амариллис в тени деревьев, вдоль дороги. Прежде чем предаться ночному покою, мы смотрели на горы, облекавшиеся в свои царственные, пурпуровые одежды.

- Я рада, что вы поправились,- сказала она.- Когда вы приехали, то испугали меня. Я думала, что вы, действительно, больной.

- Я поправился? - почти закричал я.- Знаете ли вы, что у меня только один шанс на выздоровление, один из тысячи остаться в живых?

Амариллис удивленно взглянула на меня.

- Как?- сказала она.- Вы сильны, как мул, на котором пашут, вы спите каждую ночь от десяти до двенадцати часов и едите, как людоед! Что же вам еще нужно?

- Говорю вам,-сказал я,- что, если мы не найдем чуда - т.-е. чудесного растения, которое мы ищем, в будущем ничто не сможет спасти меня. Так говорит доктор!

- Какой доктор?

- Доктор Тэтум, старый доктор, живущий на полпути к горе Черного Дуба. Знаете вы его?

- Я знаю его с тех пор, как научилась говорить. Так вы туда ходите каждый день? Это он водит вас на длинные прогулки и заставляет карабкаться на горы, отчего к вам вернулось здоровье и силы? Хвала старому доктору!

В это время сам доктор медленно ехал по дороге в своем расхлябанном, старом кабриолете. Я махнул ему рукой и закричал, что приду на следующий день в обычное время. Он остановил лошадь и подозвал Амариллис. Они разговаривали минут пять, я подождал. Затем старый доктор поехал дальше.

Когда мы пришли домой, Амариллис вытащила энциклопедию и начала искать в ней

какое-то слово.

- Доктор сказал,- сообщила она мне,- что вам не нужно больше ходить к нему в качестве пациента, но что он всегда рад видеть вас, как друга. А затем он велел отыскать мне мое имя в энциклопедии и сообщить вам, что оно значит. Это оказывается название рода цветущего растения, а также имя деревенской девушки у Теокрита и Виргилия. Как вы думаете, что этим хотел сказать доктор?

- Я знаю, что он хотел сказать,- ответил я.- Теперь я знаю!

Еще несколько слов брату, который попал бы во власть беспокойной лэди Неврастении. Формулировка была верна. Хотя и неуверенно, доктора больших городов нащупали настояще средство. Что касается движения,- рекомендуется обратиться к доктору Тэтуму на горе Черного Дуба: сверните по дороге направо от методистского молитвенного дома в сосновой роще.

Абсолютный покой и движение! Но какой покой более целителен, чем тот, каким наслаждаешься, сидя с Амариллис в тени и шестым чувством читая идилию без слов Теокрита об осененных золотыми знаменами синих горах, чинно шествующих в опочивальню ночи!

День, который мы празднуем

- В тропиках,- так сказал мне "Прыгун Биб", любитель птиц,- времена года, месяцы, недели, будни, праздники, каникулы, воскресенья, вчерашний день - все так перемешивается, что вы не знаете, когда окончился год до тех пор, пока не пройдет половина следующего.

"Прыгун Биб" содержал зоологический магазинчик на Нижней Четвертой авеню. Он был раньше моряком, а теперь совершил регулярные поездки в южные порты на каботажных судах и привозил говорящих попугаев. У него были негибкие: колени, шея и характер. Я пришел к нему, чтобы купить попугая и подарить его к рождеству моей тете Жоане,

- Вот этот,-сказал я, не обращая внимания на его доклад о подразделениях времени,- вот этот синий с белым и красным! К какому виду принадлежит он? Он взвывает к моему патриотизму и моей любви к дисгармонии в красочных сочетаниях.

- Это какаду из Эквадора,- ответил Биб.- Его научили говорить только "Веселого рождества!" Сезонная птица! Стоит всего семь долларов. Готов побиться об заклад, что много людей извлекли из вас больше денег этими же словами.

Биб внезапно и громко расхохотался.

- Эта птица,- объяснил он, - напоминает мне кое-что. У нее числа перепутались. Ей, в соответствии с оперением, следовало бы говорить "E pluribus unum!", а не стараться подражать святому Николаю. Это напоминает мне время, когда на берегу Коста-Рика у меня и у Ливерпуля Сэма перепутались все понятия относительно погоды и других явлений природы, встречающихся в тропиках.

Мы попали в эту часть испанского материка, не имея ни денег, о которых стоило бы говорить, ни друзей, с которыми можно было бы говорить. Мы приехали сюда из Нового Орлеана на фруктовом пароходе, в качестве кочегара и младшего повара, желая попытать счастья. Работы по нашему вкусу не было, и мы с Ливерпулем стали питаться местным красным ромом и плодами, которые нам удавалось собирать там, где мы не сеяли. Это был городок под названием Соледад, где не было ни гавани, ни будущего, ни способов извернуться.

В промежутки между прибытиями пароходов город спал и пил ром. Он пробуждался только тогда, когда надо было грузить бананы. Это похоже было на человека, который проспал обед и просыпается только к десерту

Когда мы с Ливерпулем так опустились, что американский консул не хотел с нами даже разговаривать, мы поняли, что сели на мель.

Столовались мы у лэди с табачным цветом кожи, по имени Чайка, которая содержала распивочную рома и ресторан для мужчин и женщин на улице под названием "Calle de los сорока семи неутешных святых". Когда наш кредит истощился, Ливерпуль, у которого желудок пересилил чувства "noblesse oblige", женился на Чике.

Это обеспечило нам рис и жареные бананы на месяц.

Затем Чика однажды утром с печальным и серьезным видом тузила Ливерпуля в течение пятнадцати минут кастрюлей, сохранившейся с каменного века. И тогда мы поняли, что нам делать здесь больше нечего.

В тот же вечер мы заключили контракт с доном Хаиме Мак-Синоза местным авантюристом-плантатором, человеком смешанного происхождения - на работу на его консервном заводе в девяти милях от города.

Нам пришлось поступить так, чтобы не быть обреченными на морскую воду и неравные дозы пищи и сна.

Говоря о Сэме Ливерпуле, я не браню и не обвиняю больше, чем я сделал бы это в его присутствии. Но, по моему мнению, когда англичанин опускается так низко, что дальше итти некуда, ему надо так изворачиваться, чтобы подонки других наций не выбрасывали на него балласта из своих шаров. Это мое личное мнение, как прирожденного американца.

Между мной и Ливерпулем было много общего.

У нас у обоих не было приличной одежды и никаких способов или средств к существованию.

И, как говорит поговорка, "нищета любит общество соучастников".

Наша работа на плантации старого Мак-Синоза заключалась в рубке банановых ветвей и нагрузке кистей фруктов на спины лошадей. После нас туземец, одетый в пояс из кожи аллигатора и пару холщевых штанов, отвозил этот груз на берег и складывал его там.

Были ли вы когда-нибудь в банановой роще? В ней тоскливо, как в пивной утром. В ней можно заснуть, как за сценой какого-нибудь ярмарочного балагана. Вы не видите неба из-за густой листвы над вами. Земля по колено усыпана гниющей листвой, и вокруг стоит такая тишина, что вы можете, кажется, услышать, как ветки вырастают заново после того, как вы их срубили.

По ночам мы с Ливерпулем ютились в хижинах из травы, на краю лагуны, вместе с целым стадом краснокожих, желтых и черных служащих дона Хаиме. Мы лежали до рассвета, сражаясь с москитами и прислушиваясь к крику обезьян и к ворчанию и плеску аллигаторов в лагуне. Засыпали мы на самые короткие промежутки времени.

Скоро мы потеряли всякое представление о том, какое стоит время года. Там почти около восьмидесяти градусов в декабре и в июне, по пятницам и в полночь, и в день выборов, и во всякое другое любое время. Иногда идет больше дождя, иногда меньше,- вот единственная разница, которую можно заметить.

Человек живет там, не замечая бега времени, пока вдруг не явится к нему гробовщик - и как раз тогда, когда он начинает подумывать, как бы это бросить беспутство и начать делать сбережения, чтобы купить себе землю.

Не знаю, сколько времени мы работали у дона Хаиме. Знаю только, что прошло два или три дождливых периода, восемь или десять стрижек волос, и что сносились три пары парусиновых штанов. Все заработанные деньги уходили на ром и табак, но мы были сыты,- а это что-нибудь да значит!

Вдруг как-то мы с Ливерпулем находим, что хирургическая работа в банановой роще набила нам оскомину. Это чувство часто охватывает белых в разных этих латинских и географических краях, Мы хотели снова слышать обращение к нам на порядочном языке. Захотели увидеть дым парохода и прочесть в старом номере газеты объявление о продаже и покупке движимых имуществ и рекламы магазинов готового платья.

Даже Соледад вдруг показался нам центром цивилизации. И вот, как-то вечером, мы показали нос фруктовой плантации дона Хаиме и отряхнули с ног его травяные оковы.

До Соледада было всего двенадцать миль, но нам с Ливерпулем пришлось итти туда два дня. Почти все время путь шел банановой рощей, и мы несколько раз сбивались с дороги. Это было все равно, что разыскивать в пальмовом зале нью-йоркского отеля человека по имени Смит.

Как только мы увидели сквозь деревья дома Соледада, во мне поднялось неприязненное чувство к Ливерпулю Сэму. Пока нас было двое белых против пестрых чужаков на банановой плантации, я выносил его, но теперь, когда явилась надежда обменяться даже ругательными

словами с каким-нибудь американским гражданином, я поставил его на место. И хорош же он был с его красным от рома носом, рыжими баками и ногами, как у слона в кожаных сандалиях на ремешках! Я, вероятно, выглядел так же.

- Мне кажется, - сказал я, - что Великобритании следовало бы держать дома таких опухших от пьянства, презренных, непристойных грязнуль, как ты! И нечего ей посыпать их сюда развращать и марать чужие страны. Мы уже раз выставили вас из Америки. Нам следовало бы сделать это опять.

- Убирайся к черту! - сказал Ливерпуль. Это был его обычный ответ.

После плантации дона Хайме Соледад показался мне чудесным городом. Мы с Ливерпулем шли рядом, по привычке мы пришли мимо calabosa и Отель Гранде и направились через площадь к хижине Чики, в надежде, что Ливерпуль, в качестве ее мужа, вправе получить обед.

Проходя мимо двух-этажного небольшого дощатого дома, занятого под американский клуб, мы застили, что балкон убран цветами из вечно зеленых растений и цветов а на шесте на крыше развевается флаг. Оганзей, консул, и Арк Райт, владелец золотых приисков, курили на балконе. Я и Ливерпуль помахали им своими грязными руками и улыбнулись настоящей светской улыбкой, но они повернулись к нам спиной и продолжали разговаривать. Между тем мы с ними играли в вист до того времени, как у Ливерпуля оказались на руках все тринадцать козырей четыре игры подряд.

Мы поняли, что был какой-то праздник, но не знали ни дня, ни года.

Немного далее мы увидели почтенного человека, по имени Пендергаст, приехавшего в Соледад строить церковь. Он стоял под кокосовой пальмой в одежде из черного альпага и с зеленым зонтиком.

- Дети, дети,-говорит он, глядя на нас сквозь синие очки: - неужели дела так плохи? Неужели жизнь довела вас до этого?

- Она нас привела,-сказал я,- к одному знаменателю.

- Очень грустно, - заметил Пендергаст: - грустно видеть соотечественников в таком положении.

- Бросьте скулить, старина! - воскликнул Ливерпуль.- Неужели вы не можете отличить представителя английского высшего класса, когда видите его перед собой?

- Замолчи,-сказал я Ливерпулю, - ты теперь на чужой земле.

- Еще в такой день!-продолжает Пендергаст сокрушенно. - В этот самый торжественный день в году, когда все мы должны бы праздновать зарю христианской цивилизации и гибель нечестивых.

- Я заметил, почтенный отец, что тряпки и букеты украшают город,сказал я:- но не знаю, по какому это слушаю. Мы так давно не видали календарей, что не знаем, что теперь: лето или субботний вечер.

- Вот вам два доллара,- сказал Пендергаст, вытаскивая два чилийских серебряных колеса и вручая их мне. - Ступайте и проведите остаток дня достойным образом.

Я и Ливерпуль поблагодарили его и пошли дальше.

- Поедим чего-нибудь?-спросил я.

- О, чорт! - говорит Ливерпуль: - на то ли существуют деньги!

- Хорошо, - говорю я: - если ты настаиваешь, то будем пить!

Мы входим в ромовую лавку, покупаем себе кварту рома, идем на берег под кокосовую пальму и празднуем. Так как мы два дня не ели ничего, кроме апельсинов, ром начин действовать немедленно, и снова у меня накопилось отвращение к британской нации, и тогда я говорю Ливерпулю:

- Вставай, накипь деспотически-ограниченной монархии, и получи вторую дозу потасовки. Этот добрый человек, мистер Пендергаст, сказал, что мы должны провести день соответствующим образом, и я не хочу, чтобы его деньги нашли дурное применение.

- Убирайся к черту!-замечает Ливерпуль.

Удачным ударом левой руки я попал по его правому глазу.

Ливерпуль в прежнее время был борцом, но беспутная жизнь и дурная компания обессилили его. Через десять минут он лежал у меня на песке, выкинув белый флаг,

- Вставай,-сказал я, толкая его под ребра,- и иди со мной.

Ливерпуль встал и по привычке последовал за мной, утирая кровь с лица и носа. Я отвел его к дому преподобного Пендергаста и вызвал старика.

- Посмотрите на это, сэр,- сказал я.- Посмотрите на эту вещь, которая раньше была гордым британцем. Вы дали нам два доллара и велели отпраздновать этот день. Звездами украшенное знамя еще развеивается! Ура звездам ура орлам!

- Боже мой!- говорит Пендергаст, подымая руки.- Драться в этот величайший день, день рождества, когда мир...

- Рождество, черт возьми!-говорю я:- а я думал, что это четвертое июля.

- Веселого рождества! - крикнул бело-синий какаду.

- Возьмите его за шесть долларов,- сказал "Прыгун Биб" - у него перемешались числа и цвета.

Дверь, не знающая отдыха

Я сидел час, по солнцу, в кабинете редактора "Еженедельной Трубы" в Монтополисе.

Редактором был я.

Шафранные лучи убывающего солнечного света пробивались сквозь хлебные скирды на садовом участке Микаджа-Виддеп и бросали янтарное сияние на мой горшочек с клейстером.

Я сидел перед конторкой на невращающемся винтовом стуле и писал передовицу против олигархии. Комната с единственным окном уже делалась добычей сумерек. Моими острыми фразами ярезал, одну за другой, головы политической гидры и в то же время, полный благожелательного мира, прислушивался к колокольчикам бредущих домой коров и старался угадать, что м-с Фланаган готовит на ужин.

И вдруг из сумеречной тихой улицы появился и склонился над углом моей конторки младший брат старика Времени. Его безбородое лицо было сучковато, как английский орешник. Я никогда не видел одежды, подобной той, что была на нем. Рядом с ним одежда Иосифа показалась бы одноцветной. Но не красильщик создал эти цвета. Пятна, заплаты, действие солнца и ржавчины были причиной их разнообразия. На его грубых сапогах ясно лежала пыль от тысячи пройденных лиг. (лига - три мили.Прим, перев.) Я не могу больше описывать его, но скажу еще, что он был небольшого роста, хил и стар, - так стар, что я стал считать его годы столетиями. Да, я помню еще, что чувствовался запах, едва ощутимый запах, похожий на алоэ или мирру или, возможно, на кожу, - и я подумал о музеях.

Я схватил бювар и карандаш, потому что дело не ждет, а посещения древних обитателей, - посещения почетные и священные, - должны быть занесены в хронику.

- Рад видеть вас, сэр, - сказал я. - Я хотел бы предложить вам стул, но, видите ли,- продолжал я: - я прожил в Монтополисе всего три недели и знаком с немногими из здешних граждан.- Я кинул неуверенный взгляд на его покрытые пылью сапоги и заключил газетной фразой:

- Предполагаю, что вы живете в нашей среде. Мой посетитель пошарил в своей одежде, вытащил

засаленную карточку и неуверенно вручил ее мне. На ней простым, но нечетким почерком было написано имя "Майкоб Адер".

- Я рад, что вы зашли, м-р Адер, - сказал я. - В качестве одного из наших старейших горожан, вы с гордостью должны смотреть на рост Монтополиса за последнее время. Среди других улучшений я, кажется, могу обещать, что город будет снабжен живой, интересной газетой.

- Знакомо вам это имя на карточке? - спросил посетитель, прервав меня.

- Нет, мне не приходилось его слышать.

Снова он поискал в своей древней одежде. На этот раз он вытащил вырванный из какой-то книги листок, потемневший и тонкий от времени. На верху страницы стояло название "Турецкий Шпион", старомодным шрифтом. Напечатано было следующее:

"В 1643 году в Париж является человек, который утверждает, что жил все эти шестнадцать веков. Он рассказывает про себя, что был сапожником в Иерусалиме во время распятия. Что имя его Майкоб Адер и что, когда Иисус, мессия христиан, был осужден Понтием Пилатом, римским

наместником, он, неся крест к месту распятия, остановился отдохнуть у дверей дома Майкоба Адера. Сапожник ударил Иисуса кулаком, сказав: "Иди, чего ты мешкаешь?" На что мессия ответил ему: "Я ухожу, но ты будешь ждать, пока я не приду".

Этим он обрек его жить до судного дня. Он живет вечно, но в конце каждого столетия с ним случается припадок или транс, после чего к нему возвращается возраст, в каком он был во время страданий Христа, а было ему тогда около тридцати лет. Такова история Майкоба Адера - Вечного Жида, который говорит..."

Здесь рукопись обрывалась.

Я, должно-быть, что-нибудь громко произнес насчет Вечного Жида, потому что старик заговорил громко и с горечью.

- Это ложь,-сказал он, - как девять десятых того, что называется историей. Я - язычник, а не еврей. Я пришел пешком из Иерусалима, сын мой. Но если это делает меня евреем, тогда все, что выливается из бутылки,-детское молоко. Мое имя - на карточке, которая у вас в руках. Вы прочли также кусок газеты, называемой "Дурацкий Шпион", которая напечатала это известие, когда я вошел в ее редакцию в 19-й день июня в 1643 году. Это произошло почти так же, как я посетил вас сегодня.

Я положил карандаш и бювар. Ясно, что из этого ничего не выйдет. Могло бы выйти кое-что для столбца местных известий в "Трубе". Но такой материал не подойдет. Однако отрывки мыслей, касающихся этой невероятной "личности", стали пробегать по моему специальному мозгу. "У дяди Майкоба такие же проворные ноги, как у юноши тысячи лет или около того"..."Наш великий посетитель рассказывает, что Георг Вашинг... нет, Птоломей Великий качал его на коленях в доме его отца". "Дядя Майкоб говорит, что наша сырья весна ничто в сравнении с сыростью, которая погубила урожай вокруг горы Арарат, когда он был мальчиком". Но нет, нет, из этого ничего не выйдет.

Я старался найти тему разговора, которая могла бы заинтересовать моего посетителя, и колебался между состязанием в ходьбе и плиоценовым периодом, как вдруг старик начал горько и мучительно плакать.

- Ободритесь, м-р Адер,-сказал я, несколько смущенный. - Все это может выясниться через нерколько сот лет. Уже наступила явная реакция в пользу Иуды Искариота, полковника Берра и известного скрипача Нерона. Наше время - время обеления. Вам не следует падать духом...

Сам того не сознавая, я затронул в нем слабую струну. Старик воинственно сверкнул глазами сквозь старческие слезы.

- Пора,-сказал он,-чтобы лжецы кой-кому воздали должное. Ваши историки-то же самое, что кучка старух, болтающих на паперти храмов. Из людей, носивших сандалии, не было человека лучше императора Нерона. Я был при пожаре Рима. Я хорошо знал императора, так как в те времена был известным лицом. Тогда почитали человека, который живет вечно. Но я хотел рассказать вам об императоре Нероне. Я вошел в Рим по Аппиевой дороге ночью июля 64 года. Я только что прибыл в Италию через Сибирь и Афghanistan; одна нога у меня была отморожена, а на другой был пузырь от ожога песками пустыни. Я чувствовал себя довольно скверно, неся обязанности патруля от Северного полюса до крайней точки Патагонии, и в придачу неправильно считаясь евреем. Так вот, я проходил мимо цирка. Дорога была темная, как деготь. Вдруг слышу, кто-то кричит: "Это ты, Майкоб?"

Прислонившись к стене, спрятанный между старых ящиков из-под мануфактуры, стоял император Нерон в тоге, обернутой вокруг ног, и курил длинную черную сигару.

"Хочешь сигару, Майкоб?*" сказал он.

"-Это зелье не для меня,-говорю я.-Ни трубка, ни сигара! Какая польза от курения, если нет и тени возможности убить себя этим?"

"- Правильно, Майкоб Адер, мой постоянный жид,- сказал император,-ты всегда путешествуешь. Верно, что опасность, а также и запрещение придают вкус нашим удовольствиям". "- Почему же,-говорю я,-вы курите ночью в темных местах, и вас не сопровождает хотя бы центурион в гражданском платье?"

"- Слышал ты когда-нибудь, Майкоб,- говорит император,- о предопределении?"

"- Я больше знаю о нашем хождении,- ответил я,- это вам хорошо известно". - Это говорит

мой друг Нерон,- учение новой секты людей, которых зовут христиане; они ответственны за то, что я курю по ночам в потемках в разных дырах и углах". "Тогда я сажусь, снимаю пару сапог и тру отмороженную ногу, а император рассказывает мне. Повидимому, с тех пор, как я раньше проходил по этой дороге, император потребовал развода у императрицы, а миссис Поппейя, знаменитая лэди, была приглашена, без рекомендаций, во дворец.

В один день,- говорит император,- она вешает чистые занавесы во дворце и записывается в противотабачный кружок. И когда я чувствую потребность покурить, я должен прокрадываться в потемках к кучам этого хлама".

"И так мы продолжали сидеть, император и я, и я рассказывал ему о моих странствиях. И когда утверждают, что император был поджигателем, то лгут. В эту ночь начался пожар, который уничтожил Рим. По моему мнению, он начался от окурка сигары, который император бросил между ящиками. Ложь также и то, что он в это время играл на скрипке. Он шесть дней делал все возможное для того, чтобы остановить пожар, сэр".

Теперь я обнаружил новый запах у мистера Майкоба Адера. Я обонял не миррку, не бальзам или иссоп. Нет,- эманация была запахом скверного виски и - что было еще хуже! - душком комедии того сорта, какую мелкие юмористы публикуют, одевая серьезную и почтенную сущность легенды и истории в вульгарную мещансскую ветошь, сходящую за некоторый род остроумия.

Я мог переносить Майкоба Адера, как самозванца, выдающего себя за тысячу девятисотлетнего старика и играющего свою роль с приличием респектабельного умопомешательства. Но в роли шутника, понижающего ценность своей замечательной истории легкомыслием водевилиста, его значение уменьшалось.

Вдруг, как бы угадав мои мысли, он переменил тон.

- Простите, меня, сэр,-захныкал он:- у меня иногда путается в голове; я очень стар и не могу все запомнить...

Я понимал, что он прав, и что мне не следует пытаться примирить его с римской историей; поэтому я начал расспрашивать его о других древних личностях, с которыми он был близок в своих странствованиях.

Над моей конторкой висела гравюра, изображавшая рафаэлевских херувимов. Еще можно было различить их формы, хотя пыль причудливыми пятнами изменяла их контуры.

- Вы называете их херувимами,- прокудахтал старик,- вы представляете их себе с крыльями, в виде детей. А есть еще другой херувимчик, на ногах, с луком и стрелами, которого вы зовете "Купидон". Я знаю, где их нашли. Их пра-пра-прадед был козел. Как редактор, сэр, вы, вероятно, знаете, где стоял Соломонов храм.

Мне казалось, что в... в Персии. Впрочем, я не знал наверно.

- Ни в истории, ни в библии не сказано, где он стоял. Первые изображения херувимов и купидонов были высечены на его стенах и колоннах. Два самых больших, сэр, находились в самой священной части храма, поддерживая балдахин над ковчегом, Но вместо крыльев, у них были рога, а лица были козлиные. Внутри и вокруг храма насчитывалось десять тысяч козлов. Ваши херувимы были козлами во времена Соломона, но живописцы ошибочно переделывали рога в крылья. "Я также очень хорошо знал Тамерлана, хромого Тимура. Это был небольшой человечек, не крупнее вас, с волосами цвета янтарного чубука у трубки. Он похоронен в Самарканде. Я был на похоронах, сэр. О, в гробу это был прекрасно сложенный человек, длиною в шесть футов, с черными баками. "Я помню также, как в Африке бросали раками в императора Веспасиана.

Я исходил весь свет, сэр, без малейшего намека на отдых. Так мне было приказано! Я видел разрушение Иерусалима и гибель Помпеи при извержении. Я был на коронации Карла Великого и на линчевании Жанны д'Арк... И куда бы я ни пошел, везде начинались бури и революции, эпидемии и пожары. Так было приказано. Вы слышали о Вечном Жиде? Все верно, за исключением того, что я еврей. Но история лжет, как я уже говорил вам. Уверены ли вы, сэр, что у вас нет капельки виски? Вы хорошо знаете, что мне предстоит еще много миль дороги".

- У меня нет никакого виски,- сказал я,- и, извините, я собираюсь ужинать. Этот древний бездельник становился сущим наказанием. Он вытряхнул затхлые испарения из своей древней одежды, опрокинул чернильницу и продолжал нести свою нестерпимую околосицу.

- Я не обращал бы на это внимания,-жаловался он,- если бы не работа, которую я должен исполнять в страстную пятницу. Вы, сэр, конечно, знаете, про Понтия Пилата. Когда он покончил с собой, тело его было выброшено в озеро на Альпийских горах. Теперь послушайте, какую работу я должен исполнять каждую страстную пятницу. Старый дьявол спускается в озеро и вытаскивает Пилата, а вода кипит и брызгет, как в кипятильном котле. Старый дьявол сажает тело на трон на скалах, и тут-то начинается мое дело.

О, сэр, вы пожалели бы меня! Помолились бы за Вечного Жида, который никогда не был жидом, если бы видали весь ужас того, что я должен делать. Я должен принести чашу с водой и стоять перед ним на коленях, пока он моет руки. Заявляю вам, что Понтий Пилат - человек, умерший двести лет назад, вытащенный вместе с покрывающей его тиной, без глаз и с рыбами, вытекающими внутри его, и с разлагающимся телом, сидит на троне, сэр, и моет руки в чаше, которую я держу перед ним каждую страстную пятницу. Так было приказано!

Ясно, что сюжет далеко вышел из рамок столбца местных происшествий в "Трубе". Может быть, здесь бы нашел работу врача по душевным болезням или же человек, который вербует членов в общество трезвости, но с меня было достаточно: я встал и повторил, что должен уйти.

При этих словах он схватил меня за сюртук, заползал по конторке и снова разразился безутешными рыданиями. "В чем бы ни заключалось его горе, подумал я,- оно должно быть искренним".

- Ну, м-р Адер,-сказал я успокаивающим тоном:- в чем же дело?

Он ответил прерывающимся голосом, сквозь мучительные рыдания:

- Потому только, что я не хотел дать бедному Христу отдохнуть на ступенях.

На его галлюцинацию, повидимому, не могло быть разумного ответа, однако действие ее на него вряд ли заслуживало презрения. Но, не зная ничего, что могло бы облегчить страдания старца, я снова сказал, что обоим нам надо уходить из конторы.

Послушавшись, он поднялся наконец с моей конторки и позволил мне, полупроподняв, поставить его на пол. Исступление горя лишило его языка; свежесть слез отмочила кору горя. Память умерла в нем, по крайней мере, ее связная часть. - Я сделал это, - бормотал он, когда я вел его к двери,- я - сапожник из Иерусалима. Я вывел его на тротуар и при более сильном свете увидел, что лицо его иссушено, морщинисто и искажено печалью, которая не могла быть результатом одной лишь жизни. И вдруг в темном небе мы услышали резкий крик каких-то больших пролетающих птиц. Мой Вечный Жид поднял руку, наклонив при этом голову в сторону.

- Семь Свистунов,-сказал он, как бы представляя давнишних друзей.

- Дикие гуси,-ответил я, но признаюсь, что определить их число было выше моих сил.

- Они всюду следуют за мной,-сказал он.-Так было приказано! То, что вы слышите,-души семи евреев, помогавших при распятии. Иногда они бывают куликами, иногда гусями, но вы всегда увидите их летящими туда, куда я иду.

Я стоял, не зная, как распрошаться. Я посмотрел вниз по улице, переступил с ноги на ногу, снова оглянулся и почувствовал, что волосы мои становятся дыбом. Старик пропал. Вскоре волосы мои опустились,-я смутно видел, как он удалялся з потемках. Но шел он так быстро и беззвучно, походкой настолько не соответствующей его возрасту, что спокойствие мое было не совсем восстановлено, хотя я и не знал, почему. В тот вечер я был так безрассуден, что снял со своих скромных полок несколько покрытых пылью книг. Я тщетно искал "Hermippus Redivvus", и "Salathiel", и "Pepis Collection". А затем в книге, озаглавленной "Гражданин Мира", и в другой, вышедшей двести лет назад, я напал на то, что искал.

Майкоб Адер, действительно, посетил Париж в 1643 году и рассказал "Турецкому Шпиону" необыкновенную историю. Он претендовал на то, что он Вечный Жид, и что...

Тут я заснул, так как мои редакторские обязанности в этот день были не легки.

Судья Хувер был кандидатом "Трубы" в члены конгресса. Имея надобность переговорить с ним, я зашел к нему рано на следующий день. Мы пошли вместе в город по маленькой уличке, которой я не знал.

- Слыхали вы когда-нибудь о Майкобе Адере?- спросил я его, улыбаясь.

- Да, конечно,- ответил судья:- кстати, это напомнило мне о башмаках, находящихся у него в

починке. Вот его лавчонка!

Судья Хувер зашел в грязную маленькую лавчонку. Я посмотрел на вывеску и увидел на ней надпись: "Майк О'Бадер, сапожный и башмачный мастер". Несколько диких гусей с резким криком пролетело в вышине. Я почесал за ухом и нахмурился, а затем вошел в лавку.

Мой Вечный Жид сидел на табурете и тачал подметки. Он был вымочен росой, запачкан травой, нечесан и жалок, и на лице его все еще виднелась необъяснимая горесть, проблематичная печаль и эзотерическая скорбь, которая, казалось, могла быть написана только пером веков.

Судья Хувер вежливо спросил о своих ботинках. Старый сапожник поднял глаза и отвечал довольно здраво. Он несколько дней был болен, сказал он. Завтра ботинки будут готовы. Он посмотрел на меня, и я заметил, что не оставил следа в его памяти. Мы вышли и направились своей дорогой.

- У старого Майка,-сказал кандидат,- опять был припадок запоя. Он регулярно каждый месяц напивается до беспамятства, но он хороший сапожник.

- его история?-спросил я.

- Виски,-коротко ответил судья Хувер. - Это объясняет все.

Я смолчал, но не удовольствовался этим объяснением. Когда представился случай, я спросил о нем старика Селлерса, который жил у меня на хлебах.

- Майк О'Бадер уже шил башмаки в Монтополисе, когда я приехал сюда пятнадцать лет назад. Я догадываюсь, что горе его от виски. Раз в месяц он сбивается с пути и остается в таком виде неделю. Он воображает, что был еврейским разносчиком и всем об этом рассказывает. Никто не хочет его больше слушать. Когда же трезв - он не дурак. У него много книг в комнатке за лавкой, и он читает их. Я думаю, что все его горе в виски. Но я не был удовлетворен. Мой Вечный Жид все еще не был верно сконструирован для меня. Я нахожу, что женщинам не следует выдавать монополию на все любопытство в мире. И когда самый старый обитатель Монтополиса (на девяносто двацаток лет моложе Майкоба Адера) зашел ко мне по газетному делу, я направил его непрерывную струю воспоминаний в сторону неразгаданного башмачника. Дядя Эбнер был всеобщей историей Монтополиса, переплетенной в коленкор. О'Бадер,-задребезжал он,-явился сюда в 69 году. Он был первым здешним сапожником. Его теперь считают временно помешанным. Но он никому не вредит. Я думаю, что пьянство повлияло на его мозг. Скверная штука - пьянство. Я очень старый человек, сэр, и никогда не видел добра от пьянства.

- Не было ли у Майка О'Бадера какой-нибудь горестной потери или несчастия? - спросил я.

- Подождите. Тридцать лет назад было что-то в этом роде. Монтополис, сэр, в то время был очень строгим городом. У Майка О'Бадера тогда была дочь, очень красивая девушка. Она была слишком веселого нрава для Монтополиса, поэтому в один прекрасный день она ушла в другой город, вернее, сбежала с цирком. Через два года она вернулась навестить Майка, разодетая, в кольцах и драгоценностях. Он не хотел ее знать, и она временно поселилась где-то в городе. Думаю, что мужчины ничего бы на это не возразили, но женщины взялись за то, чтобы мужчины выселили девушку.

И вот однажды ночью решили выгнать ее. Толпа мужчин и женщин выставила ее из дома и погнала за ней с палками и камнями. Она побежала к дому своего отца и умоляла о помощи. Майк отворил, но когда увидел, кто это, то ударом кулака бросил ее на землю захлопнул дверь.

Толпа продолжала травить ее, пока она не выбежала совсем за город. А на следующий день ее нашли утопившейся в пруду у Хенторовской мельницы.

Я откинулся на спинку моего невертишегося винтового стула и, точно мандарин, ласково кивнул головой моему горшочку с клейстером.

- Когда у Майка запой,- продолжал дядя Эбнер, разболтавшись,- он воображает себя Вечным Жидом.

- Он и есть Вечный Жид,- сказал я, продолжая кивать головой.

Искатели риска

Пусть наша история и потерпит крушение на разбегающихся рельсах Non Sequitur, Лимитед, что тут поделаешь; но вы все-таки займите место в экскурсионном автобусе "Raison d'etre". Буквально на минуточку, только чтобы рассмотреть одну тему, ну, назовем ее, скажем: "Что поджидает нас за углом". Omnis mundus in duas partes divisus est - одни носят галоши и платят подушную подать, другие - открывают новые континенты. Континентов для открывания, увы, не осталось, зато к тому времени, когда выйдут из моды галоши и подушная подать разовьется в подоходный налог, те, другие, будут разъезжать по железным дорогам вдоль каналов на Марсе. Фортуна, Удача и Случай названы в словарях синонимами. Но знаток в них отметит различия. Фортуна - это назначенный вожделенный приз. Удача - дорога к нему. Случай затаился в тенях при этой дороге. Лицо Фортуны - сияющее, призывное; лицо Удачи горит отвагой. У Счастливого Случая лицо прекрасное, безупречное, рожденное снами. Мы еще видим это лицо на дне нашей чашечки кофе, пока перевариваем и критикуем свою утреннюю котлету. Искатель риска - это тот, кто по дороге к Фортуне не спускает глаз с летящих мимо изгородей, лугов и рощ. Этим он отличается от искателя удачи. Рекорд рисковости был поставлен давным-давно - тем, кто скушал запретный плод. Найти доказательство того, что это действительно имело место, - высшая цель искателя удачи. От обоих типов одна морока. А мы с вами, люди простые, законопослушные, раскурим-ка лучше трубку, уgomоним детишек и кота, устроимся в плетеном кресле под мигающей газовой горелкой у холодного окна и рассмотрим небольшой рассказ про двух искателей риска.

- Слышали анекдот про эскимоса? - спросил Биллинджер в малой дубовой гостиной, сразу слева, если вы проникнете в Виргинский клуб.

- Конечно, - ответил Джон Реджиналд Форстер, вставая и выходя из комнаты. Форстер взял у служителя свою соломенную шляпу (солома выйдет из моды и, возможно, снова войдет задолго до того, как все это будет опубликовано) и вышел на улицу. Биллинджер привык, что его анекдотов не слушают, и, конечно, не мог обидеться. Форстер был в своем любимом настроении и хотел сбежать отовсюду. Для душевной гармонии человеку нужно, чтобы его мнения разделял и настроению сочувствовал кто-то еще. (Я написал было безличную форму "сочувствовали", но один телеграфист некогда призвал меня не употреблять лишних слов ради экономии денег. Тут случай обратный.) В своем любимом настроении Форстер всегда воображал себя искателем счастья. Он был прирожденным искомателем риска, но происхождение, воспитание, традиции и вредное влияние Манхэттенского племени не давали ему развернуться. Все торные большие шоссе он истоптал и не одну боковую тропку из тех, что призваны облегчать скуку жизни. Но напрасно. А все потому, что он знал, что ждет его в конце каждой улицы. По опыту и логически рассуждая, он почти точно знал, куда его заведет любое бегство от будней. Самые причудливые и прихотливые личные вариации на общие темы жизни казались ему монотонными и нагоняли на него смертную тоску. Он не сумел убедиться, что, хотя мир создан круглым, квадратура этого круга исчислена и самое интересное поджидает нас за углом. Форстер шел и шел все дальше от клуба, стараясь не замечать и не выбирать улиц. Он бы с удовольствием заблудился; но на это не было никакой надежды. Фортуна и Удача в нашем большом городе всегда к вашим услугам. Но Случай восточный гость. Он невидим и неуловим, как прекрасный принц в паланкине, защищенный взводом драгоманов от любопытных глаз. Вы проходите одну улицу, проходите другую, третью, а Случая все не видно. Так пробродив целый час, Форстер остановился на углу широкого, гладкого проспекта, безутешно глядя на живописный старый отель напротив с мягко, но светло озаренными окнами. Безутешно - потому что он чувствовал, что пора ужинать; а ужин в этом отеле не сулил ни малейшего риска. Он знал это место наизусть, и обслуживание здесь было так бесшумно и быстро, а выбор блюд так изыскан, что буквально жаль было голодя, укрученного со стола безжалостным совершенством. Даже музыка здесь, казалось, всегда играла на бис. И тут ему пришла фантазия поужинать в каком-нибудь полупочтенном, даже подозрительном заведении подальше от центра, где лихие повара всех стран предлагают свою рискованную кухню всепожглающим американцам. А вдруг там ждет его что-то необыкновенное: исключение без правила, вопрос без ответа, средство без цели, субъект без

предиката, Гольфстрим в соленом океане жизни... А вдруг?.. Форстер не переоделся к ужину; на нем был темный деловой костюм, который не привлек бы к себе внимания даже там, где официанты разносят спагетти в расстегнутых жилетках. И Джон Реджиналд Форстер стал искать у себя деньги; ведь чем дешевле ваш ужин, тем безусловней вам придется за него платить. Он тщательно обследовал все тринадцать больших и малых карманов своего делового костюма, но не нашел ни единого цента. Его банковский счет выражался пятизначной цифрой, но... Форстер заметил, что некто неподалеку с удовольствием за ним наблюдает. Человек как человек, лет тридцати, прилично одетый, он стоял так, будто ждал трамвая. Но по данной улице трамваи не ходили. А потому это стоянье рядом и откровенное любопытство показались Форстеру некоторой навязчивостью. Однако, будучи постоянным искателем риска, он предпочел не оскорбляться и ответил смущенной улыбкой на веселую усмешку незнакомца.

- На нуле? - спросил тот, подходя еще ближе.

- Да, похоже, - сказал Форстер. - Я думал, доллар-другой обнаружится...

- Понятно, - засмеявшись, сказал незнакомец. - Ах нет. Я только что, заворачивая за угол, произвел ту же процедуру. Нашел в верхнем кармане жилета - и как они туда попали? - два цента. Не знаете, как могут покормить за два цента?

- Так вы не ужинали? - спросил Форстер.

- Нет. А хотелось бы. Знаете, у меня к вам предложение. У меня есть предчувствие, что вы не откажетесь. На вас хороший костюм. Простите мою нескромность. Мой, полагаю, тоже не вызовет подозрений у метрдотеля. Что, если мы зайдем в этот отель и поужинаем вместе? Закажем все как миллионеры или, если угодно, как господа в стесненных обстоятельствах, вдруг решившие кутнуть. А в заключение используем мои две монетки, чтобы решить, кому придется принять на себя всю грозу хозяйствского гнева и мщения. Моя фамилия Айвз. Полагаю, мы с вами жили примерно на одинаковом уровне, пока денежки наши не испарились.

- Идет! - сказал Форстер весело. Затея обещала вход в таинственное царство Риска, во всяком случае, сулила кое-что кроме опостылевших изысков здешней кухни. Скоро они уже сидели за угловым столиком в ресторане отеля. Айвз послал Форстеру по скатерти одну из своих двух монет.

- Киньте-ка, кому заказывать, - сказал он. Форстер проиграл. Айвз засмеялся и стал называть официанту яства и пития, с такой спокойной непринужденностью вычитывая их из меню, будто это его настольная книга. Форстер слушал и кивал одобрительно.

- Я из тех, - говорил Айвз, заглатывая устриц, - кто всю жизнь ищет неожиданностей. Я - не авантюрист, грезящий о призе. И не игрок, который знает, что либо выиграет, либо проиграет свою ставку. То, о чем я мечтаю, это напасть на приключение, последствий которого сам не смогу предугадать. Главная моя задача - вечно бросать вызов слепой, увертливой судьбе. Мир нынче так изучен и расчислен, что не осталось вероятности вдруг выйти на тропу случая, которая вся не будет изуродована указателями предстоящих поворотов. Я - как тот служащий Министерства Окличностей, который возмущался, когда кто-то приходил к нему за справкой: "Ему надо, знаете ли, знать!" Так вот, я не хочу знать, не хочу анализировать, не хочу догадываться - я хочу давать руку на отсечение, закрыв глаза.

- О! Я понимаю, как я вас понимаю! - сказал Форстер. - Как часто я мечтал сформулировать свои ощущения. Вам это удалось. Я тоже люблю бросать вызов судьбе. Не заказать ли нам мозельское к следующему блюду?

- Почему бы нет? - сказал Айвз. - Я вижу, вы ухватили мою мысль. Тем яростней будут те громы и молнии, которые обрушатся на голову проигравшего. Если вам еще не надоело, вернемся к нашим баракам. Всего раза два-три случалось мне встречать истинного искателя случая, который пускается в дальний путь, не попросив у судьбы ни расписания, ни карты. Но по мере того как мир делается цивилизованный и умней, все трудней напасть на приключение, конца которого сам не предвидишь. Во дни Елизаветы вы могли напасть на хоть на часового, взломать ворота, обнажить шпагу и поставить на кон жизнь. Теперь попробуйте-ка нахамите полицейскому, и самые смелые ваши фантазии не пойдут дальше догадок, в какой именно участок вас поволокут.

- Да-да, - приговаривал Форстер, одобрительно кивая.

- Я сегодня вернулся в Нью-Йорк, - сказал Айвз, - после трехлетних странствий. Всюду то же, не стоило мотаться. Мир перегружен умозаключениями и выводами. А меня волнуют только предпосылки. Я пробовал охотиться в Африке на крупную дичь. Я знаю, как с такого-то расстояния бьет по цели такое-то ружье; когда слон или носорог падет от пули. Удовольствие при этом я испытываю примерно такое же, как в школе, когда, оставленный после уроков, решал скучнейшие задачки на доске.

- Да-да, - приговаривал Форстер.

- Разве что аэропланом попробовать управлять, - продолжал Айвз задумчиво. - На аэростате я летал. Скука, голый расчет на авось: куда ветер дует.

- Остаются женщины, - улыбнулся Форстер.

- Три месяца тому назад, - сказал Айвз, - я бродил по одному базару в Константинополе. Дама, под чадрой, разумеется, но с прелестными глазами, перебирала жемчуга и янтарь на лотке неподалеку. Ее охранял огромный нубиец, черный как смоль. Скоро он незаметно приблизился ко мне и сунул мне записку. Улучив минуту, я в нее заглянул. Торопливые карандашные каракули: "У арочных ворот Соловьиного Сада, сегодня вечером, в девять". Увлекательная предпосылка, не правда ли, мистер Форстер?

- Ну а дальше, дальше-то что было? - сказал Форстер.

- Я навел справки и выяснил, что этот Соловьевиний Сад принадлежит одному старому турку, великому визирю или что-то в таком духе. Естественно, ровно в девять я был возле арочных ворот. Тот же нубиец проворно их открыл, я вошел и сел на скамью подле дущистого фонтана рядом с таинственной незнакомкой. Мы с ней мило поболтали. Она оказалась некоей Миртль Томсон, журналисткой, которая писала для чикагской газетенки о турецких гаремах. Оказывается, она отметила на базаре столичный чекан моих брюк и поняла, что я должен просветить Нью-Йорк на ту же тему.

- Понятно, - сказал Форстер. - Понятно.

- Я путешествовал по Канаде на каноэ, - сказал Айвз, - сквозь водопады и водовороты. Но и там я не нашел того, чего хотел, так как я знал, что в результате может произойти только одно из двух: либо я выплыну, либо пойду ко дну. В какие я только карточные игры не играл! Но математики почти совсем испоганили это занятие, просчитав шансы. Я заводил знакомства в поезде. Я отвечал на объявления. Я звонил в чужие двери. Я не успокаивался, я искал. Но конец бывал всегда один: логическое следствие посылки.

- Я знаю, - сказал Форстер.

- Все это я и сам испробовал. Но у меня было меньше случаев попытать случай. Есть ли где еще в мире город, столь бедный невозможностями, как Нью-Йорк? Казалось бы, столько путей в неизвестное; но ни один из тысячи не доставит вас не туда, где вы предполагали очутиться. Хорошо бы подземка и трамваи нас так же редко подводили.

- Рассвет, - сказал Айвз, - встал над ночами Шехерезады. Нет больше халифов. Горшок рыбака превратился в термос, гарантирующий температуру кипения или замерзания в течение сорока восьми часов для любого джинна. Жизнь идет как заведенная. Наука убила случайность. Нет уже тех возможностей, какие были у Колумба и у того, кто съел первую устрицу. Известно только то, что нет ничего неизвестного.

- Да, - сказал Форстер. - Мой опыт - ограниченный опыт горожанина. Я не повидал мир так, как вы. Но, кажется, мы сходимся в его оценке. Тем не менее я благодарен судьбе, подарившей нам хоть это маленько приключение. Нам обеспечен один захватывающий миг - когда принесут счет. В конце концов, наверно, пилигримы, странствовавшие без сумы, остreee ощущали жизнь, чем рыцари Круглого стола, разъезжавшие со свитой и с чеком от короля Артура, вшитым в подкладку шлема. Ну а теперь, раз вы допили кофе, используем же ваши недостаточные средства, чтобы узнать, кто из нас примет на себя удар судьбы. В какой руке?

- В правой, - сказал Айвз.

- В правой, - сказал Форстер, разжимая ладонь. - Я проиграл. Мы забыли разработать план, как смыться выигравшему. Предлагаю: когда подходит официант, вы говорите, что вам надо позвонить. Я удерживаю форт и счет, пока вы успеваете взять шляпу и исчезнуть. Спасибо вам за необычный вечер, мистер Айвз, и хотелось бы как-нибудь еще повторить этот эксперимент.

- Если память мне не изменяет, - расхохотался Айвз, - ближайший полицейский участок на Макдугал-стрит. Я тоже получил большое удовольствие, смею вас уверить.

Форстер пальцем подманил официанта. Тот буквально с противоестественным проворством скользнул к столу и положил счет рядом с прибором потерпевшего. Форстер взял его и заботливо приписал несколько цифр. Айвз привольно откинулся на стул.

- Простите,- сказал Форстер,- но вы ведь собирались позвонить Грайму насчет театральных билетов на четверг? Забыли?

- А... - сказал Айвз, устраиваясь еще уютней.

- Успеется. Официант, принесите мне воды.

- Хотите присутствовать при смертном часе? - спросил Форстер.

- Надеюсь, вы не против? - попросил Айвз.- Не часто увидишь, как в ресторане зацарапывают джентльмена, пытавшегося поужинать на шарманка.

- Отлично, - сказал Форстер, - вы увидите жизнь христианина на арене, иссякающую вместе с вашей запивкой. Официант принес воду и стоял с отрешенным видом неумолимого мытаря. Форстер повременил несколько секунд, потом вынул вечное перо и написал под чеком свою фамилию. Официант с поклоном взял чек и удалился. - Дело в том, - объяснил Форстер, смущенно хмыкнув, - что меня едва ли можно назвать отважным рыцарем удачи. Я должен вам кое в чем признаться. Я вот уже второй год несколько раз в неделю ужинаю в этом отеле и всегда подписываю чеки. - Тут голос его окреп, и он прибавил: - Но вы, вы большой молодец! Знали, что у меня нет денег, и не оставили в беде, рискуя, что вас тоже схватят.

- Увы, я тоже должен вам кое в чем признаться, - улыбнулся Айвз. - Это мой отель. То есть я, естественно, им не управляю, но всегда держу апартаменты в третьем этаже на случай, если судьба меня закинет в этот город. Он подозвал официанта и сказал:

- Внизу все еще мистер Джилмор? Хорошо. Скажите ему, что мистер Айвз тут и просит, чтобы приготовили и проветрили его комнаты.

- Ну вот, опять не повезло,- сказал Форстер.- Боже мой! Где же выход? Неужели нет головоломок без ответа? Если хотите, поговорим еще немного на эту тему. Не так уж часто встретишь человека, который понимает твои трудности. Через месяц я женюсь.

- Я воздерживаюсь от комментариев, - сказал Айвз.

- И правильно делаете. Я кое-что прибавлю к своему сообщению. Я глубоко предан этой даме. Но не могу решить: красоваться ли мне в церкви или удрать на Аляску. Тут опять то, что мы с вами обсуждали, - жаль отменять варианты. Каждый знает схему: после завтрака ты получаешь отдающий цейлонским чаем поцелуй; потом идешь на службу; возвращаешься домой, переодеваешься к ужину; дважды в неделю - театр; счета; весь вечер маешься, подыскивая тему для разговора; время от времени возникают мелкие стычки; потом - крупнаяссора; и потом развод, а то и медленное сползание в безропотную старость, что еще хуже.

- Да, я понимаю, - задумчиво кивал Айвз.

- Эта определенность, - продолжал Форстер, - и останавливает меня. Уже ничего не будет поджидать за углом.

- Да, после остановки "Церковь". Я вас понимаю.

- Поверьте, - сказал Форстер, - в своих чувствах к ней я совершенно не сомневаюсь. Я люблю ее глубоко и верно. Но что-то в самом составе моей крови противится всякой предсказуемости. Я не знаю, чего хочу; но знаю, что хочу этого. Я, наверно, болтаю как идиот, но самому мне все понятно.

- Я вас понимаю, - сказал Айвз с несколько вялой улыбкой. - Но мне, пожалуй, пора идти к себе. Если вздумаете снова со мной здесь отужинать, мистер Форстер, я буду рад.

- В четверг? - предложил Форстер.

- В семь, если вам удобно, - ответил Айвз.

- В семь так в семь, - согласился Форстер. В полдевятого Айвз сел в такси, которое доставило его к дому на одной из Западных Семидесятых. Его визитная карточка открыла ему доступ в старомодную приемную, куда в жизни не посмели бы сунуться Фортuna, Удача или Случай. Стены украшали офорты Уистлера, гравюры Имьярека, натюрморты с виноградной кистью, садовой тележкой, такими арбузовыми косточками, рассыпанными по столу, что их не

отличишь от настоящих, и головка Грёза. Это был - уклад. Были даже медные подставки для дров. На столе лежал альбом, в сафьяне, с потемневшими серебряными наклепками. Громко тикали часы на камине и без пяти минут девять издали предупредительный щелчок. Айвз удивленно поднял глаза и вспомнил, как столь же предупредительно щелкали часы в доме у его бабушки. А потом по лестнице спустилась Мэри Марсден. Ей было двадцать четыре года, и я оставляю ее вашему воображению. Скажу одно: молодость, здоровье, искренность, смелость и сине-зеленые глаза всегда прекрасны, и она обладала этим всем. Она протянула Айвзу руку с милой сердечностью старой дружбы.

- Ты не можешь себе представить, как приятно, - сказала она, - раз в три года тебя здесь видеть. Полчаса они разговаривали. Каюсь, я не в состоянии повторить их разговор. Вы его найдете в любом светском романе. Когда с этой частью было покончено, Мэри спросила:

- Ну как, нашел ты то, чего хотел, за время своих странствий?

- То, чего я хотел? - спросил Айвз.

- Ну да. Ты же всегда был странный. Еще в детстве не хотел играть в камешки, в бейсбол, ни в какую игру, где есть правила. Нырять хотел только в тех местах, где могло оказаться и полметра, и десять. А вырос, остался тем же. Мы часто обсуждали эти твои чудачества.

- Боюсь, я неисправим, - сказал Айвз. - Мне претит учение о предопределении, тройное правило, закон всемирного тяготения, о налогах и тому подобное. Жизнь всегда мне казалась чем-то вроде детективного сериала, где к каждому выпуску прилагается краткое изложение следующей главы.

Мэри засияла веселым смехом.

- Боб Эймз мне рассказывал, - сказала она, - об одной твоей проделке. Вы ехали в поезде на юг, и вдруг ты вышел в городе, где и не думал останавливаться, только из-за того, что кондуктор вывесил в конце вагона название следующей станции.

- Помню, - сказал Айвз. - Эта "следующая станция" всегда для меня была понятием, от которого хотелось удрать.

- Я знаю, - сказала Мэри. - И это очень глупо. Надеюсь, ты не нашел того, чего хотел не найти, и выходил на станции, где станций не было, и ничего такого, чего ты ждал, не случилось с тобой за все эти три года.

- Кое-чего я хотел еще до того, как уехал, - сказал Айвз. Мэри ясно взглянула ему в глаза с легкой, но совершенно прелестной улыбкой.

- Да, - сказала она. - Ты хотел меня. И ничто этому не препятствовало, как ты сам прекрасно знаешь.

Не отвечая, Айвз медленно обводил взглядом комнату. С тех пор как он был здесь три года назад, она ничуть не изменилась. Он живо вспомнил свои тогдашние мысли. Предметы в этой комнате незыблемы, как вечные холмы. Тут невозможны никакие перемены, кроме тех, что внесет безжалостное время. Этот альбом с серебряными наклепками так и будет лежать на том же углу стола, так же будут висеть по стенам эти картины, стулья будут дежурить на своих местах каждое утро, каждый полдень и вечер, покуда держится этот уклад. Эти медные подставки для дров - воплощение стабильности. Кое-где вкраплены реликвии столетней стариной, и они здесь пребудут еще столетья. Тому, кто будет покидать и вновь обретать этот кров, никогда не придется мучиться предчувствием или сомнением. Он найдет все таким же, каким оставил. Прекрасный принц Случай никогда не постучится в эту дверь. А перед ним сидела прекрасная дама, под стать этому укладу. Нежная, прохладная, неизменная. Никаких сюрпризов. Тот, кто проведет с ней век, не заметит перемены, пусть она даже станет морщинистая и седая. Три года его не было, а она все его ждет, такая же, как этот дом, незыблемая, постоянная. Тогда он был уверен, что она любит его. Уверенность, что так будет вечно, и погнала его в дальние страны. Так текли его мысли.

- А я скоро замуж выхожу, - сказала Мэри. В четверг, днем, Форстер запыхавшись явился к Айвзу в отель.

- Прошу прощенья, старина, - сказал он. - Наш ужин придется отложить этак на годик. Я уезжаю. Пароход отчаливает в четыре. Мы с вами тогда так славно поговорили, и это все решило. Поболтаясь по свету и, может быть, избавлюсь от кошмара, терзающего меня и вас, - от этого страха узнать, что будет дальше. Я сделал одну вещь, которая слегка мучит мою совесть. Но так

будет лучше для нас обоих. Я написал той dame, с которой был помолвлен, и все ей объяснил откровенно признался, почему я уезжаю: не перенесу размеренности брака. Как по-вашему: правильно я поступил?

- Не мне судить, - ответил Айвз. - Поезжайте, поохотьтесь на слонов, если считаете, что это внесет в вашу жизнь элемент непредсказуемого. Такие вещи каждый сам за себя решает. Только одно скажу вам, Форстер. Я нашел свой путь. Я напал на самый большой риск в мире, на игру случая, которая никогда не завершится, приключение, которое может вознести тебя на седьмое небо, а может швырнуть в самую мрачную бездну. И ты будешь в вечном напряжении, покуда комья земли не упадут на твой гроб, потому что ты никогда ничего не узнаешь, до смертного часа своего не узнаешь, и даже потом не узнаешь. И мотаться тебе по волнам, без компаса и без руля, и ты сам себе капитан, и команда, и рулевой, и стоять тебе на вахте день и ночь, не зная ни отдыха ни срока. Я нашел РИСК. А насчет Мэри Марден пусть совесть вас не мучит, Форстер. Вчера в полдень мы с нею обвенчались.

ИСПОВЕДЬ ЮМОРИСТА

Инкубационный период длился, не причиняя мне беспокойства, двадцать пять лет, а затем появилась сыпь, и окружающие поставили диагноз.

Только они назвали болезнь не корью, а чувством юмора.

Когда старшему компаньону фирмы исполнилось пятьдесят лет, мы, служащие, преподнесли ему серебряную чернильницу.

Церемония эта происходила в его кабинете. Произнести поздравительную речь было поручено мне, и я старательно готовил ее целую неделю.

Моя коротенькая речь произвела фурор. Она была пересыпана веселыми намеками, остротами и каламбурами, которые имели бешеный успех.

Сам старик Марлоу — глава солидного торгового дома «Оптовая продажа посудных и скобяных товаров» — снизошел до улыбки, а служащие, прочтя в этой улыбке поощрение, хотели до упаду.

Вот с этого-то утра за мною и утвердилась репутация юмориста.

Сослуживцы неустанно раздували пламя моего самомнения. Один за другим они подходили к моей конторке, уверяли, что я произнес замечательную речь, и прилежно растолковывали мне, чем именно была смешна каждая из моих шуток.

Выяснилось, что я должен продолжать в том же духе. Другим разрешалось вести нормальные разговоры о делах и о погоде, от меня же по всякому поводу ожидали замечаний игривых и легкомысленных.

Мне полагалось сочинять эпиграммы на глиняные миски, и зубоскалить по поводу эмалированных кастрюль. Я занимал должность младшего бухгалтера, и товарищи мои бывали разочарованы, если я не обнаруживал повода для смеха в подсчитанной мною колонке цифр или в накладной на плуги.

Постепенно слава обо мне разнеслась, и я стал «фигурой». Наш городок был для этого достаточно мал. Меня цитировали в местной газете. Без меня не обходилось ни одно сорище.

Я, очевидно, и в самом деле был от природы наделен некоторой долей остроумия и находчивости. Эти свойства я развивал постоянной тренировкой. Шутки мои, надо сказать, носили безобидный характер, в них не было язвительности, они не ранили. Еще издали завидев меня, встречные начинали улыбаться, а к тому времени, когда мы сходились, у меня обычно была готова фраза, от которой улыбка их разрешалась смехом.

Женился я рано. У нас был прелестный сынишка трех лет и пятилетняя дочка. Мы, конечно, жили в домике, увитом плющом, и были счастливы. Мое бухгалтерское жалованье гарантировало нас от зол, сопряженных с чрезмерным богатством.

Время от времени я записывал какую-нибудь свою шутку или выдумку, показавшуюся мне особенно удачной, и посыпал в один из тех журналов, что печатают такую чепуху. Не было случая, чтобы ее не приняли. От некоторых редакторов поступали просьбы и дальше снабжать их

материалом.

Однажды я получил письмо от редактора известного еженедельника Он просил прислать ему какую-нибудь юмористическую вещичку на целый столбец и давал понять, что, если она подойдет, он будет печатать такой столбец из номера в номер. Я послал, и через две недели он предложил мне годовой контракт и гонорар, значительно превышавший то жалованье, которое платила мне скобяная фирма.

Я был вне себя от радости. Жена мысленно уже венчала меня неувядающими лаврами литературного успеха. На ужин мы закатили крокеты из омаров и бутылку черносмородинной наливки. Освобождение от бухгалтерской лямки — об этом стоило подумать! Мы с Луизой очень серьезно обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что мне следует отказаться от места и посвятить себя юмору.

Я бросил службу в торговом доме. Сослуживцы устроили мне прощальный обед. Моя речь была сплошным фейерверком. Местная газета напечатала ее — от первого до последнего слова. На следующее утро я проснулся и посмотрел на часы.

— Проспал! — воскликнул я в ужасе и кинулся одеваться.

Луиза напомнила мне, что я уже не раб скобяных изделий и подрядов на поставку. Отныне я — профессиональный юморист.

После завтрака она гордо ввела меня в крошечную комнату за кухней. Милая Луиза! Оказывается, мне уже был приготовлен стол и стул, блокнот, чернила и пепельница, а также все остальное, что полагается настоящему писателю: вазочка с только что срезанными розами и жимолостью, прошлогодний календарь на стене, словарь и пакетик шоколадных конфет — лакомиться в промежутках между приступами вдохновения. Милая Луиза!

Я засел за работу. Обои в моем кабинете были расписаны арабесками... или одалисками, а может быть, трапецидами. Упервшись взглядом в одну из этих фигур, я сосредоточил свои мысли на юморе.

Я вздрогнул, — кто-то окликнул меня.

— Если ты не очень занят, милый, — сказал голос Луизы, — иди обедать.

Я взглянул на часы. Да, страшная старуха с косой уже забрала себе пять часов моей жизни. Я пошел обедать.

— Не надо тебе переутомляться, — сказала Луиза. — Гете — или кто это, Наполеон? — говорил, что для умственной работы пять часов в день вполне достаточно. Хорошо бы нам после обеда сходить с ребятами в лес.

— Да, я немножко устал, — признался я. И мы пошли в лес.

Но скоро я втянулся. Через месяц я уже сбывал рукописи без задержки, как партии скобяных товаров.

Я познал успех. О моих фельетонах в еженедельнике заговорили. Критики снизошли до утверждения, что я внес в юмористику новую, свежую струю. Для приумножения своих доходов я посыпал кое-что и в другие журналы.

Я совершенствовал свою технику. Забавная выдумка, воплощенная в двух стихотворных строках, приносила мне доллар. Я мог приkleить ей бороду и подать ее в холодном виде как четверостишие, тогда ее ценность возрастала вдвое. А перелицевать юбку да прибавить оборочку из рифм — и ее не узнаешь: это уже салонные стишкы с иллюстрацией из модного журнала.

Я стал откладывать деньги, мы купили два ковра и фисгармонию. В глазах соседей я был уже не просто балагур и остряк, как в дни моего бухгалтерства, а гражданин с некоторым весом.

Месяцев через пять или шесть мой юмор стал утрачивать свою непосредственность. Шутки и остроты уже не слетали у меня с языка сами собой. Порой мне не хватало материала. Я ловил себя на том, что прислушиваюсь — не мелькнет ли что-нибудь подходящее в разговорах моих друзей. Иногда я часами грыз карандаш и разглядывал обои, силясь создать веселенький экспромт.

А потом я превратился в гарпию, в Молоха, в вампира, в злого гения всех своих знакомых. Усталый, издерганный, алчный, я отравлял им жизнь. Стоило мне услышать острое словцо, удачное сравнение, изящный парадокс, и я бросался на него, как собака на кость. Я не доверял своей памяти: виновато отвернувшись, я украдкой записывал его впрок на манжете или в

книжечку, с которой никогда не расставался.

Знакомые дивились на меня и огорчались. Я совсем изменился. Раньше я веселил и развлекал их, теперь я сосал их кровь. Тщетно они стали бы дожидаться от меня шуток. Шутки были слишком драгоценны, я берег их для себя. ТранжириТЬ свои средства к существованию было бы непозволительной роскошью.

Как мрачная лисица, я расхваливал пение моих друзей-ворон, домогаясь, чтобы они выронили из клюва кусочек остроумия.

Люди стали избегать моего общества. Я разучился улыбаться — даже этой цены я не платил за слова, которые беззастенчиво присваивал.

В поисках материала я грабил без разбора, мне годился любой человек, любой сюжет, любое время и место. Даже в церкви мое развращенное воображение рыскало среди величественных колонн и приделов, вынюхивая добычу.

Едва священник объявлял «славословие великое», как я начинал комбинировать: «Славословие-пустословие — предисловие — великое — лик ее...»

Всю проповедь я процеживал как сквозь сито, не обращая внимания на утекавший смысл, жадно ища хоть зернышка для каламбура или bon mot. Самый торжественный хорал только служил аккомпанементом к моим думам о том, какие новые варианты можно выжать из комической ситуации, бас влюблен в сопрано, а сопрано — в тенора.

Я охотился и в собственном доме. Жена моя — на редкость женственное создание, доброе, простодушное и экспансивное. Прежде разговаривать с нею было для меня наслаждением, каждая ее мысль доставляла мне радость. Теперь я эксплуатировал ее, как золотой прииск, старательно выбирая из ее речи крупинки смешной, но милой непоследовательности, отличающей женский ум.

Я стал сбывать на рынок эти перлы забавной наивности, предназначенные блистать лишь у священного домашнего очага. С катанинским коварством я вызывал жену на разговоры. Не подозревая худого, она открывала мне душу. А я выставлял ее душу для всеобщего обозрения на холодной, кричащей, пошлой печатной странице.

Иуда от литературы, я предавал Луизу поцелуем. За жалкие сребреники я напяливал шутовской наряд на чувства, которые она мне поверила, и посыпал их плясать на рыночной площади.

Милая Луиза! По ночам я склонялся над ней, как волк над ягненком, прислушиваясь, не заговорит ли она во сне, ловя каждое слово, которое я мог назавтра пустить в обработку. И это еще не самое худшее.

Да простит меня бог! Я вонзил когти в невинный лепет моих малолетних детей.

Гай и Виола являли собой два неиссякаемых источника уморительных детских фантазий и словечек. Это был ходкий товар, и я регулярно поставлял его одному журналу для отдела «Чего только не выдумают дети».

Я стал выслеживать сына и дочь, как индеец — антилопу. Чтобы подслушать их болтовню, я прятался за дверьми и диванами или в садике переползал на четвереньках от куста к кусту

Единственным моим отличием от гарпии было то, что меня не терзало раскаяние.

Однажды, когда в голове у меня не было ни единой мысли, а рукопись надо было отослать с ближайшей почтой, я зарылся в кучу сухих листьев в саду, зная, что дети придут сюда играть. Я отказываюсь верить, что Гай сделал это с умыслом, но даже если так, не мне осуждать его за то, что он поджег листья и тем погубил мой новый костюм и чуть не кремировал заживо родного отца.

Скоро мои дети стали бегать от меня»; как от чумы. Нередко, подбирайсь к ним подобно хищному зверю, я слышал, как один говорил другому «Вон идет папа», — и, подхватив игрушки, они взапуски мчались в какое-нибудь безопасное место. Вот как низко я пал!

Финансовые мои дела между тем шли неплохо. За год я положил в банк тысячу долларов, и прожили мы этот год безбедно.

Но какой ценой мне это далось! Я не знаю в точности, что такое париж, но, кажется, это именно то, чем я стал. У меня не было больше ни друзей, ни утех, все мне опостылело. Я принес на алтарь Маммоны счастье моей семьи. Как стяжательница-пчела, я собирал мед из

прекраснейших цветов жизни, и все сторонились меня, опасаясь моего жала.

Как-то раз знакомый человек окликнул меня с приветливой улыбкой. Уже много месяцев со мной не случалось ничего подобного. Я проходил мимо похоронного бюро Питера Геффельбауэра. Питер стоял в дверях и поздоровался со мной. Я остановился, до глубины души взволнованный его приветствием. Он пригласил меня зайти.

День был холодный, дождливый. Мы прошли в заднюю комнату, где топилась печка. К Питеру пришел клиент, и он ненадолго оставил меня одного. И тут я испытал давно забытое чувство — чувство блаженного отдохновения и мира. Я огляделся. Меня окружали ряды гробов полированного палисандрового дерева, черные покровы, кисти, плюмажи, полосы траурного крепа и прочие атрибуты похоронного ремесла. Это было царство порядка и тишины, серьезных и возвышенных раздумий. Это был уголок на краю жизни, овеянный духом вечного покоя.

Войдя сюда, я оставил за дверью суэтные мирские заботы. Я не испытывал желания найти в этой благолепной, чинной обстановке пищу для юмора. Ум мой словно растянулся, отдохшая, на черном ложе, задрапированном кроткими мыслями.

Четверть часа тому назад я был развратным юмористом. Теперь я был философом, безмятежно предающимся созерцанию. Я обрел убежище от юмора, от бесконечной, изматывающей, унизительной погони за быстрой шуткой, за ускользающей остротой, за увертливой репликой.

С Геффельбауэром я не был близко знаком. Когда он вернулся, я заговорил с ним, втайне страшась, как бы он не прозвучал фальшивой нотой в упоительной погребальной гармонии своего заведения.

Но нет. Гармония не была нарушена. У меня вырвался долгий вздох облегчения. Никогда еще я не слышал, чтобы человек говорил так безукоризненно скучно, как Питер. По сравнению с его речью Мертвее море показалось бы гейзером. Ни единый проблеск остроумия не осквернял ее. Из уст Питера сыпались общие места, обильные и пресные, как черная смородина, не более волнующие, чем прошлогодние биржевые котировки. Не без трепета я испробовал на нем одну из своих самых отточенных шуток. Она упала наземь со сломанным наконечником, даже не оцарапав его. С этой минуты я полюбил Питера всем сердцем.

Я стал навещать его по вечерам два-три раза в неделю и отводить душу в его комнате за магазином. Других радостей у меня не было. Я вставал рано, мне не терпелось покончить с работой, чтобы можно было подольше пробыть в моей тихой пристани. Только здесь я избавлялся от привычки искать поводов для смеха во всем, что видел и слышал. Впрочем, разговоры с Питером все равно не дали бы мне в этом смысле ровно ничего.

В результате настроение у меня улучшилось. Ведь я имел теперь то, что необходимо каждому человеку, — часы отдыха после тяжелой работы. Встретив как-то на улице старого знакомого, я удивил его мимолетной улыбкой и шутливым приветствием. Несколько раз я привел в крайнее изумление своих домашних — в их присутствии разрешил себе сказать что-то смешное.

Демон юмора владел мною так долго, что теперь я упивался свободным временем, как школьник на каникулах.

Это скверно отразилось на моей работе. Она перестала быть для меня тяжким бременем. Я часто насвистывал, с пером в руке, и писал небрежнее, чем раньше. Я старался поскорее развязаться с рукописью, меня тянуло в мое пристанище, как пьяницу в кабак.

Жена моя провела немало тревожных часов, теряясь в догадках, где это я пропадаю по вечерам. А мне не хотелось ей рассказывать — женщины таких вещей не понимают. Бедная девочка! Один раз она не на шутку перепугалась.

Я принес домой серебряную ручку от гроба для пресс-папье и чудесный пушистый плюмажик — смахивать пыль.

Мне было приятно видеть их у себя на столе и вспоминать уютную комнату за магазином Геффельбауэра. Но они попались на глаза Луизе, и она завизжала от ужаса. Чтобы успокоить ее, пришлося сочинить какую-то басню о том, как они ко мне попали, но по глазам ее я видел, что ее подозрения еще не скоро улягутся. Зато плюмаж и ручку от гроба пришлося убрать не медля.

Однажды Питер Геффельбаэр сделал мне увлекательнейшее предложение. Методично и разумно, как было ему свойственно, он показал мне свои книги и объяснил, что и клиентура его и

доходы быстро растут. Он надумал пригласить компаньона, который внес бы в дело свой пай. Больше всего ему хочется, чтобы этим компаньоном был я. Когда я в тот вечер вышел на улицу, у Питера остался мой чек на тысячу долларов, что лежали у меня в банке, а я был совладельцем его похоронного бюро.

Я шел домой, и к бурной радости, бушевавшей у меня в груди, примешивались кой-какие сомнения. Меня страшил разговор с женой. И все же я летел, как на крыльях. Поставить крест на юмористике, снова вкусить сладких плодов жизни, вместо того чтобы выжимать их ради нескольких капель хмельного сидра, долженствующего вызвать смех читателей, — какое это будет блаженство!

За ужином Луиза дала мне несколько писем, которые пришли, пока меня не было дома. Среди них оказалось три-четыре конверта с непринятыми рукописями. С тех пор как я стал бывать у Геффельбауэра, эти неприятные послания приходили все чаще. В последнее время я строчил свои стишкы и заметки с необыкновенной легкостью. Раньше я трудился над ними, как каменщик, — тяжко, с натугой.

Затем я распечатал письмо от редактора того еженедельника, с которым у меня был заключен контракт. Чеки, регулярно поступавшие из этого журнала, до сих пор составляли наш основной доход. Письмо гласило:

~"Дорогой сэр!

Как Вам известно, срок нашего годового контракта истекает в конце этого месяца. С сожалением должны Вам сообщить, что мы не собираемся продлить означенный контракт еще на год. Ваш юмор вполне удовлетворял нас по своему стилю и, видимо, отвечал запросам значительной части наших читателей. Однако в последние два месяца мы заметили, что качество его определенно снизилось.

Прежде Ваше остроумие отличала непосредственность, естественность и легкость. Теперь в нем чувствуется что-то вымученное, натянутое и неубедительное, оставляющее тягостное впечатление напряженного труда и усилий.

Разрешите еще раз выразить сожаление, что мы не считаем возможным в дальнейшем числить Вас среди наших сотрудников.

С совершенным почтением

Редактор».

Я дал письмо жене. Когда она кончила читать, лицо ее вытянулось и на глазах выступили слезы.

— Какая свинья! — воскликнула она негодующе. — Я уверена, что ты пишешь ничуть не хуже, чем раньше. Да к тому же вдвое быстрее. — И тут Луиза, очевидно, вспомнила про чеки, которые нам больше не будут присыпать. — Джон! — простонала она. — Что же ты теперь будешь делать?

Вместо ответа я встал и прошелся полькой вокруг обеденного стола. Луиза, несомненно, решила, что я от огорчения лишился рассудка. А дети, мне кажется, только того и ждали — они пустились за мною следом, визжа от восторга и подражая моим пируэтам.

— Сегодня мы идем в театр! — заорал я. — А потом — все вместе кутим полночи в ресторане «Палас». Три-та-та-три-та-та!

После чего я объяснил свое буйное поведение, сообщив, что теперь я — совладелец процветающего похоронного бюро, а юмористика пусть провалится в тартарары — мне не жалко.

Поскольку Луиза держала в руке письмо редактора, она не нашлась, что возразить против моего решения, и ограничилась какими-то пустыми придиরками, свидетельствующими о чисто женском неумении оценить такую прелесть, как задняя комната в похоронном, бюро Питера Гефф... прошу прощения, Геффельбауэра и Ко .

В заключение скажу, что сейчас вы не найдете в нашем городе такого популярного, такого жизнерадостного и неистощимого на шутки человека, как я. Снова все повторяют и цитируют мои словечки, снова я черпаю бескорыстную радость в интимной болтовне жены, а Гай и Виола резвятся у моих ног, расточая сокровища детского юмора и не страшась угрюмого мучителя,

который, бывало, ходил за ними по пятам с блокнотом.

Предприятие наше процветает. Я веду книги и присматриваю за магазином, а Питер имеет дело с поставщиками и заказчиками. Он уверяет, что при моем веселом нраве я способен любые похороны превратить в ирландские поминки.

История пробковой ноги

- Мадам, - сказал одиногий мужчина, обращаясь к пожилой женщине, своей соседке по вагону, - мадам, как видите, я одноногий. Несколько лет назад у меня была пробковая нога, которая служила мне не хуже, а в некоторых отношениях даже лучше моей опочившей конечности. Я потерял ногу, когда скитался с бродячим цирком, и директор, человек большой доброты, дал мне пробковую ногу своего покойного зятя. Она была мне капельку длинновата, но в любом другом отношении лучшей и не пожелать. Она выглядела совсем как человеческая, но имела одно преимущество - тщательно разработанную систему пружин. Когда я торопился, я заводил свою ногу и мог пропрыгать на ней без остановки восемь миль с четвертью.

Ну вот, так я и жил, присматривая за нашим зверинцем, и особенно внимательно следил за самым ценным экспонатом твоматвитчом. Вполне возможно, что вы никогда не слыхали о твоматвитче, наш был единственным экземпляром, попавшим в Америку. Его родина - остров Норфолк, и он ест только шишки норфолкских сосен, которые нам влетали в копеечку: их приходилось импортировать. Твоматвитч похож на зайца и бегает как заяц, но шкура у него крысиная, а хвост совсем как у белки.

И вот однажды вечером, когда я кормил его, как обычно, с рук, солома около его клетки загорелась и испуганное животное, вырвавшись из моих рук, побежало к выходу. Я никак не ожидал такой штуки: твоматвитч был совсем ручным и никогда не пытался убежать.

К счастью, моя нога была заведена, и я запрыгал за ним. Я отпустил тормоз и мчался вперед на полной скорости. Но и твоматвитч был прекрасным бегуном, а бесконечная гладь прерий как нельзя лучше подходила для гонок. Примерно миль через пять он опережал меня ровно на двадцать ярдов. Ни я, ни он не могли бежать быстрее. Наконец я увидел, что животное выбивается из сил. Расстояние между нами очень медленно сократилось сначала до пятнадцати ярдов, потом до десяти. Твоматвитч попытался уйти скачками, но этим он выиграл всего несколько ярдов, которые я наверстал очень скоро. Тогда он пришел в отчаяние и, как только я приблизился к нему на пять футов, нырнул в нору койота, оставив меня в грустном одиночестве. Ни людей, ни жилья поблизости. Ночь была теплая, и я решил передохнуть, пока люди, побежавшие вслед за мной, не разыщут меня. Я завел свою ногу, на случай если она мне понадобится, отстегнул ее и заткнул ею нору, чтобы твоматвитч не смог выбраться. Затем я отыскал уютное местечко и прилег отдохнуть, совершенно растрясенный долгой погоней.

Через полчаса я услышал шум: твоматвитч скреб мою ногу. Когда я подполз к норе, нога каким-то образом расправилась (для этой цели у нее была пружина, и зверек, наверное, коснулся ее) и убежала вместе с твоматвитчом. Так как нога была свободна от моего тела, она увеличивала скорость с каждым прыжком и мчалась вперед как бешеная. Она становилась все меньше и меньше, напоминая маленького скачущего клопа, и в конце концов запрыгнула за горизонт.

Хорошенькое положение! Нога убежала. Твоматвитч тоже. Ни еды, ни выпивки. Двое суток я провалялся там, мадам, без крошки во рту. Я не мог прыгать на моей оставшейся конечности, а ползти было бесполезно: я умер бы с голода, прежде чем дополз бы до цели. К вечеру второго дня на меня наткнулся какой-то ковбой. Он увязал меня в чистый выюк и привез в город. Он сказал, что видел следы одинокой ноги на берегу реки Платт. Значит, моя бедная нога прыгнула в нее и теперь, наверное, занесена песком на дне этой вероломной реки. Да, я плачу, мадам. Извините мне эти слезы, я никогда не смогу говорить об этом спокойно. Может быть, вы будете столь добры и дадите мне немного денег на покупку новой ноги?

Она сочувственно посмотрела на него и в глазах ее блеснули слезы. Она открыла сумочку вынула из нее карточку и протянула несчастному. Он жадно схватил ее и прочел: "Помогите бедной глухонемой".

Калиф и хам

Безусловно, нет более интересного препровождения времени, как вращаться инкогнито среди людей богатых и с высоким положением.

Где, как не в этих кругах, можно наблюдать жизнь в ее примитивном сыром виде, не скованную условностями, связывающими обитателей более низких сфер.

Был некий багдадский калиф, имевший привычку ходить среди людей бедных и низкого положения и удовольствия ради выслушивать их сказки и истории. Не странно ли, что люди скромные и бедные не воспользовались радостями, что могли бы узнать, одевшись в шелка и брильянты и разыгрывая калифа в местах, посещаемых высшим светом?

Был человек, увидевший возможность такого подражания Гаруну-аль-Рашиду. Звали его Корни Браннigan, и был он ломовым извозчиком импортной фирмы на Канал-Стрит. Если вы прочтете далее, то узнаете, как он превратил верхний Бродуэй в Багдад и узнал о самом себе нечто, чего не знал раньше.

Многие называли бы Корни снобом, предпочтительно по телефону! Главным интересом его жизни, его любимым удовольствием и единственным развлечением после рабочего дня было - противопоставить себя элегантным и богатым людям. Ведь у него не было надежды войти в их круг.

Каждый вечер, распрягши лошадь и пообедав в закусочной, где быстрота услужения была специальностью,

Корни одевался в вечерний костюм, такой же корректный, какой можно встретить только в вестибюле отелей. Затем он отправлялся по сверкающей восхитительной дороге, посвященной Теспису, Таис и Бахусу.

Некоторое время он бродил по передним шикарных отелей с чувством полного удовлетворения.

Красивые женщины, воркующие, как голубки, но украшенные перьями райских птиц, проходя, задевали его своими платьями. Их сопровождали изящные кавалеры, галантные и услужливые. А сердце Корни колотилось, как у сэра Ланцелота, потому что зеркало говорило ему, когда он проходил мимо:

"Корни, голубчик, между ними нет ни одного, который был бы элегантнее тебя. А ты погоняешь ломовых лошадей, тогда как они задают фасон, бывают в картинных галереях и имеют все, что только есть лучшего в стране".

Зеркало говорило правду. М-р Корни Браннigan усвоил себе наружный лоск, если и не усвоил ничего иного. Продолжительное и внимательное наблюдение вежливого общества привило ему манеры, изящный вид и - что было труднее всего! - выдержанность и непринужденность.

Время от времени Корни удавалось заводить в отелях разговоры и краткие знакомства с солидными, если не знатными, посетителями. Со многими из них он обменялся карточками и полученные карточки тщательно хранил, надеясь впоследствии воспользоваться ими. Выйдя из вестибюля отеля, Корни с праздным видом бродил по улицам, останавливался у входа в театр и заходил в фешенебельные рестораны, как бы разыскивая знакомого. Он редко бывал посетителем этих мест, уподобляясь не пчеле, прилетевшей собирать мед, но бабочке, сверкающей крыльями среди цветов, в чашечках которых не содержалось для нее сладкого сока. Его жалованье было не достаточно, чтобы дать ему нечто большее, чем внешний вид джентльмена. Корни Браннigan охотно отдал бы свою правую руку, только бы быть одним из тех созданий, которым он так ловко подражал.

Однажды ночью с ним случилось следующее. Насладившись прелестью часового шатания по главнейшим отелям на Бродуэе, он перешел в театральный квартал. Кучера кэбов окликали его, видя в нем пассажира, что доставляло ему тщеславное удовольствие. Томные взгляды были обращены на него, как на источник омаров и упоительной шипучки. Эти заигрывания и бессознательные комплименты Корни глотал, как манну, и надеялся, что Билли, его лошадь, утром будет меньше хромать на левую переднюю ногу. Под купой молочно-белых электрических шаров Корни остановился для того, чтобы полюбоваться блеском своих низко вырезанных

лаковых ботинок. В угловом здании помещалось претенциозное кафе. Оттуда вышла парочка - дама в белом, прозрачном, как паутина, платье с накинутым на него, точно туманная дымка, кружевным манто, и мужчина, высокий, безукоризненный, самоуверенный, - слишком самоуверенный. Они двинулись к краю тротуара и остановились. Глаза Корни, всегда ищущие примера в поведении щеголей, искося следили за ними.

- Экипажа нет,- сказала дама,- вы приказали ему дожидаться?

- Я заказал его к половине десятого,- ответил франт.- Он сейчас будет. Знакомая нотка в голосе дамы привлекла особое внимание Корни. Она звенела в тоне хорошо ему известном. Мягкий электрический свет падал на ее лицо. Для сестер по горю нет определенных кварталов. В указателе книги разбитых сердец вы увидите, что Бродуэй следует очень близко за Бауери. Лицо этой лэди было печально, и голос ее звучал также жалобно. Они ждали экипажа, Корни тоже ждал, потому что был на улице и никогда не терял случая проследить за поведением джентльменов,

- Джэк,- сказала дама,- не сердитесь. Я сделала сегодня все, чтобы угодить вам. Зачем вы так поступаете со мной?

- О, вы ангел,- ответил мужчина. - Известна женская манера во всем винить мужчину.

- Я не виню вас, я стараюсь сделать вас счастливым...

- Вы беретесь за это весьма странным образом!

- Вы без всякой причины были неласковы со мной весь вечер.

- О, причины нет никакой, кроме того что вы надоели мне.

Корни вынул портфельчик для визитных карточек и пересмотрел свою коллекцию. Он выбрал одну, на которой было написано: "М-р Уайт, Кенсингтон, Лондон". Эту карточку он получил от туриста в отеле "Король Эдуард". Корни подошел к джентльмену и подал ему карточку с самым корректным видом.

- Могу я спросить, чему я обязан этой честью?- спросил спутник лэди.

Корни Браннагам обычно следовал весьма мудрому правилу: мало говорить во время своих подражаний багдадскому калифу. Он, никогда не слышав, верил в изречение лорда Честер菲尔да: "Носи черный фрак и держи язык за зубами". Но сейчас от него спрашивалось и требовалось слово.

- Никакой джентльмэн,- сказал Корни, - не стал бы так разговаривать с лэди. Стыдно, Вилли. Если она даже ваша жена, все же вам следует больше уважать свой наряд и не отталкивать ее таким образом. Может быть, это не мое дело, но все равно: вы, по моему мнению, совершенно не правы.

Спутник лэди дал более элегантно выраженный, но дерзкий ответ. Корни, пользуясь своим лексиконом ломового извозчика, отвечал, насколько мог, вежливыми фразами. Затем дипломатические сношения прервались.

Последовала краткая, но оживленная стычка другим, не словесным, оружием, из которой Корни легко вышел победителем.

Подъехала карета, управляемая запоздавшим и взволнованным кучером.

- Не откроете ли вы мне дверцу? - спросила лэди. Корни помог ей войти и снял шляпу. Спутник ее начал подниматься с тротуара.

- Прошу извинения, м-ам, если это ваш муж,-сказал Корни.

- Он не мой муж, сказала лэди.-Может-быть, он... но теперь уже нет надежды, чтобы это случилось. Поезжайте домой, Майкель. Если вам приятно, примите это и мою благодарность.

Три красные розы были брошены из окна кареты в руку Корни. Он схватил их, а также и руку, на одно мгновение, а затем карета умчалась. Корни поднял шляпу своего врага к началу счищать пыль с его одежды.

- Пойдемте,-сказал Корни, взяв его за руку.

Бывший соперник был еще немного оглушен полученными ударами. Корни осторожно довел его до салуна, через три двери.

- Виски! - сказал Корни: - для меня и моего друга!

- Вы - странный малый, - сказал бывший спутник лэди: - сперва вы колотите человека, а затем стараетесь привести его в себя.

- Вы - мой лучший друг! - восторженно произнес Корня.- Вы не понимаете? Так слушайте. Вы открыли мне глаза. Я долгое время разыгрывал джентльмэна, воображая, что у меня только тряпки его, и ничего больше. Скажите: вы - ведь барин, не правда ли? Вы вращаетесь среди этого класса. Я - нет. Но я открыл одну вещь.

Я джентльмэн, и теперь я твердо знаю это. Что вам угодно выпить?

Концерт духовых для канализации

Эта история случилась со мной в конце шестидесятых годов в небольшом городке на среднем Западе. В нем за счет фирмы я лечил свои растрепанные работой нервы. Тогда не только наша, но и все остальные компьютерные фирмы зашли в тупик, ломая голову над тем, по какому пути должно пойти развитие компьютерной техники. Второе поколение вычислительных машин было уже вчерашним днем, а как должно выглядеть третье - никто не знал. Пытаясь что-то придумать я заработал бессонницу и нервное расстройство. Вследствии чего и стал не пригоден к умственной работе. Так что теперь поневоле вкушал сладость безделья во всем забытом частном пансионе в маленьком, трудноходимом на карте городишке.

Однажды, когда я принимал свой завтрак на веранде местного кафетерия, к моему столику подошел благообразной внешности крепкий старичок и сказал с восточным акцентом:

- Меня зовут Джон Смит, могу я присесть к Вам за столик?

Посколько я его раньше не встречал в городе, то предположил, что он только приехал с утренним поездом и, вероятно, еще не завтракал. Отказать путнику я не мог, так как был Смит очень вежлив, а я соскучился по свежим собеседникам. Вид же моего визави выдавал в нем человека, который много путешествовал и может рассказать что-нибудь интересное.

Сделав заказ официанту, он быстрым взглядом окинул меня. Казалось, от этого взгляда не укрылось никаких, даже самых мельчайших, подробностей в моей внешности. Думаю, что этот Смит заметил и мои ранние залысины на лбу, и карманы моего рабочего пиджака, которые много раз чинились после ношения в них 8-дюймовых дискет, и значок фирмы на лацкане пиджака. И многое, и многое другое, - даже то, что я сам в себе не замечал.

Визави съел свою яичницу с ветчиной молча и со скучающим выражением лица. И моя надежда услышать интересную беседу стала улетучиваться.

Однаков сделав несколько глоточек кофе по-турецки и закурив сигару, Смит произнес:

- Вы, как я вижу, занимаетесь компьютерной техникой. Когда-то я тоже занимался этим. Давно, примерно в том же возрасте, что и Вы сейчас!

- Позвольте, - удивился я. - но мне кажется, что компьютерная техника начала свое существование перед Второй Мировой войной! Вы же выглядите намного старше, сэр.

- Вы правы, молодой человек, - ответил Джон с улыбкой, - но эта история произошла в 1906 году в таком же маленьком городке. Поэтому, наверное, она и неизвестна.

- Надеюсь, что Вы мне ее расскажете, - попросил я, соорудив на своем лице выражение максимальной заинтересованности.

- Конечно, юноша. Свою молодость всегда приятно вспоминать, - Смит отложил сигару, собираясь начать свой рассказ.

Я постараюсь привести его рассказ так, как его запомнил. Он обладал удивительным талантом рассказчика, и его рассказ даже сейчас, через много лет, явственно всплывает в моей памяти, как будто наша встреча произошла вчера.

- Представьте себе, - так начал рассказ мой собеседник, - городок того времени. Он уже перерос те размеры населенного пункта, когда все друг друга знают, но еще сохранил очаровательный дух провинциализма.

В то время наука и техника как раз начинали восхождение к вершинам своей славы. И наш городок тоже из всех своих небольших силенок старался быть частью большого мира... Это было трудно. Связь с остальной страной была столь неуловима, что порой казалось, что сей населенный пункт расположен на другой планете. И только телеграф да пара железнодорожников, которые выкидывали мешки с почтой из проходящего в полдень экспресса, разрушали эту иллюзию.

Однажды весенним днем вместе с ежедневной почтой из экспресса выпали два

джентельмена. Первым приземлился я, а сверху - мой друг Билл Хол. Голова у него, честно Вам скажу, была просто золотая. Он придумывал такие идеи, что не восхититься его способностями было невозможно. А если еще добавить, что не все эти идеи были законными и в пяти штатах за голову Билла было назначено вознаграждение, то Вы и сами поймете, почему я называю его голову золотой. Побродив часок по городу Билл выдал такую идею, что я, участвовавший во многих его затеях до этого, был удивлен и сомневался в исполнимости плана.

Мы остановились в местной гостинице и зарегистрировались как Великий Медиум и Техник Нового и Старого Света (в главной роли Билл Хол) с помощником (эта роль досталась мне). В тот же день нам пришлось нанять лошадей и вернуться в столицу штата, чтобы подготовить все необходимое для осуществления нашего плана.

Теперь я должен Вам рассказать, каким образом Билл надеялся заработать деньги в этом городишке. В городе имелось два банка - Первый Национальный и Первый Промышленный. Стараясь идти в ногу со временем, а заодно отбить клиентов у другого банка, каждый из них открыл по пять филиалов: на вокзале, у мэрии, у церкви, у полицейского участка и у пожарной части. В конце каждого дня данные об операциях в каждом отделении отправлялись в банк. Там корректировались счета и данные о всех вкладчиках снова рассыпались по отделениям, чтобы они на следующий день снова могли общаться с клиентами и, не дай Бог, не давать никому денег больше, чем было вложено.

На следующий день после нашего возвращения из столицы штата городок заполнили мальчишки, торговавшие книжечкой "Как превратить 10 долларов в 50". Книжку активно разбирали, читали и претворяли в жизнь рекламируемую методу. Она была проста и гениальна. Вы клали под придуманным именем в центральном офисе банка 10 долларов, а через пару дней обходили все пять филиалов и в каждом снимали со счета свои честные 10 долларов. И к вечеру Вы становились богаче в пять раз.

Банки начали быстро терять свои деньги, но через некоторое время кому-то в голову пришла замечательная мысль. Банки наняли по целой команде мальчишек. Мальчишкам поручалось дежурить в отделениях и центральном офисе. После каждой операции изъятия или вложения денег пять сорванцов с записками срывались с места и бежали в остальные конторы.

Несколько человек после этого попали под суд и наш бестселлер ушел в историю.

Однако спустя несколько дней в городе появилась новая книжечка - "Как превратить 10 долларов в 50(часть 2)". План, изложенный в первой части, был лишь немного изменен. Удивляюсь, как люди, желающие легко разбогатеть, сами до этого не додумались. Вы и четверо Ваших друзей складывались по 10 долларов. Потом вы клали в банк 50 долларов, а через несколько дней в заранее договоренное время каждый из вас заходил в один из филиалов и снимал свои 50 долларов. Мальчишки с этим способом уже ничего не могли поделать. Попытались было задерживать каждого клиента на полчаса, чтобы проверить - не прибегут ли мальчишки из других отделений. Но Вы можете представить себе, какое началось возмущение среди добропорядочных граждан города. Банки начали терять не только деньги, но и клиентов. И тогда-то они вспомнили, что в городе отдыхает Великий Медиум и Техник. План Билла воплощался в жизнь именно так, как он и предполагал.

Встречая президентов банков Билл превзошел самого себя. Он вышел к ним в шоферских очках и восточном халате, из карманов которого торчали различные инструменты. Внимательно выслушав визитеров, Медиум и Техник произнес речь, смысл которой заключался в том, что, хотя он и на отдыхе, но основной задачей техники является служение людям для облегчения человеческой жизни. И присяга, данная секретному ордену конструкторов, не позволяет отказать гостям. Не желая, чтобы кто-нибудь из них наживался на несчастии другого, он разработает техническую систему сразу для обоих банков и возьмет с каждого из них по три тысячи долларов, не считая расходов на работу. Президенты с радостью приняли это предложение.

- А теперь, - обратился ко мне мой собеседник, - скажите мне, как Вы думаете, что общего у мэрии, вокзала, полицейского участка и так далее?

- Не знаю, - честно признался я, - по моему скромному мнению, сотрудники.

- Не угадали, - усмехнулся рассказчик, - не буду Вас мучить и скажу: это канализация!!!

Насладившись изумлением на моем лице, Смит продолжил свой рассказ.

- Как известно, канализация представляет единую систему. Но используется она, как правило, слишком приземленно и прагматично. Мы же с Биллом решили использовать ее для создания компьютерной сети, тем более, что это никому бы не мешало! Мы закупили пишущие машинки, счетные машины Бэббиджа, музыкальные трубы, камертоны и много всякой прочей мелочи.

Потом мы сняли мастерскую и начали воплощать наши идеи в жизнь.

Вы, наверное, никогда не видели музыкальной трубы. Так вот, на ней находятся три клапана. Нажимая их в различных комбинациях Вы можете получить ноты одной октавы. Или, чтобы Вам было проще понять, два в третьей степени нот, то есть 8. Две же подряд идущие ноты дают соответственно 64 различных комбинаций, что уже достаточно для передачи английского алфавита, 10 цифр, знаков препинания и управляющих кодов типа "конец передачи". Конечно, можно было сделать и комбинацию из трех нот, чтобы можно было различать и большие и маленькие буквы, но нашей задачей была передача информации, а не изобретение стандарта ASCII. Две недели мы работали в своей мастерской над нашим детищем. Наконец наша работа была закончена. К сожалению, нам не удалось совместить передающее и принимающее устройство. Поэтому на каждом рабочем месте стояло две пишущих машинки. Система работала так: у канализационной трубы висели две музыкальных трубы и стоял ряд камертонов, рядом с которыми были прикреплены металлические пластины. Когда в канализации звучало двухнотие один или два из камертонов возбуждались и,ibriруя, начинали замыкать контакт. В линии тек ток, над рабочим местом зажигалась красная лампочка, запрещавшая в данный момент оператору передачу, а принимающая пишущая машинка начинала печатать. Когда же линия была свободна, оператор мог печатать на передающей пишущей машинке. Одновременно с нажатием любой клавиши включался компрессор, подававший воздух в трубы, и хитрое механическое устройство нажимало на нужные клапаны. Конечно, информация одного банка была известна в другом банке, но это не пугало президентов банков. Мы устроили им пробный показ, поставив два таких устройства по концам километровой трубы, которую мы специально для этого уложили и сварили на окраине городка. Президенты были в восторге. На ближайшее воскресенье был назначен показ нашей системы.

Демонстрация системы прошла на высшем уровне. Информация о ней была напечатана в газете столицы штата, был приглашен знаменитый джаз-банд, мэр города выступил с получасовой речью, воспевающей достижения техники. Банки установили на этот день льготную сумму за открытие счета, и длинные очереди желающих посмотреть на новое чудо света выстроились в очереди у касс. Мы с Биллом были одеты в праздничные костюмы и все утро принимали поздравления от добродородочных жителей города.

Лишь одно неприятное происшествие слегка омрачило праздник - рано утром оказалось, что городской водопровод сломан. Но это не могло испортить такой замечательный день. Присутствовали на торжествах и многие знаменитости, причем не только отечественные, но и зарубежные. Все хотели высказаться о нашем чудесном изобретении. Один известный русский поэт, к сожалению я не помню его фамилии, поднявшись на трибуну прочитал свои стихи, посвященные этому событию. В них говорилось, что этот поэт хотел бы закрыть всю американскую канализацию, слегка ее почистить и опять открыть, чтобы наше изобретение можно было применять повсеместно. После поэта выступал смешной человечек, которого представили как известного композитора Стравинского. Он говорил о том, что наше изобретение вдохновит не одно поколение композиторов на создание каннат и симфоний, которые обогатят мировую классику. После этого, наверное, были и другие, не менее замечательные выступления, но, к сожалению, мы с Биллом их уже не слышали. Мы получили свои деньги еще утром и поэтому поспешили уехать из города на двенадцатичасовом экспрессе.

Спустя некоторое время после этой истории я узнал одну интересную вещь. Действительно, композитор Стравинский был очень знаменит, но на нашей демонстрации произносил речь бедняга, который сошел с ума от музыки Стравинского и выдавал себя за него.

Мой собеседник откинулся на спинку стула и, обнаружив, что его сигара потухла, выбросил ее. Я понял, что рассказ закончен. Я так и не смог сдержаться от вопроса:

- Позвольте, как же так, - вырвался из меня вопль, - но почему Вы не продолжили свое дело

в других городах? Ведь Вы бы могли сейчас быть богаче Рокфеллера!

- Молодой человек, - ответил Смит, - Вы не совсем внимательно слушали мой рассказ, иначе бы уже поняли, почему канализация непригодна для передачи сообщений.

- Но почему??? Объясните мне, я этого не понимаю!

- Видите ли, молодой человек, канализация, кроме передачи данных, еще используется и по прямому назначению. Это не мешает работе нашей системы, так как вносимые шумы являются атональными и не возбуждают камертонами. Однако рядом с канализационными трубами пролегают и водопроводные. При плохом их состоянии иногда в них возникает свист. Как говорится, трубы поют. Именно такая ситуация и была в том городе. Вы, я думаю, уже догадались, что водопровод сломался не сам по себе, а при моей посильной помощи. Мы с Биллом проводили эксперименты и уяснили, что при работе водопровода наша система часто ошибается из-за слишком высокого уровня шума в соседних трубах. Поэтому-то и поспешили унести ноги, пока никто этого не понял.

После этого объяснения Смит встал, ясно давая понять, что наш разговор окончен, трогательно распрощался со мной, перегнувшись через стол, обняв и хлопая меня по спине, и удалился в сторону вокзала. Больше он мне никогда не встречался. Долго еще я сидел на веранде кафетерия, обдумывая услышанный рассказ, а когда подозвал официанта, чтобы расплатиться, то обнаружил, что мой бумажник исчез. Конечно, тогда я рассердился на своего недавнего собеседника, но сейчас, спустя много лет, я вспоминаю о нем с благодарностью. Разработанный мной под впечатлением от этого рассказа порт RS-232 стал признанным стандартом во всем мире и принес мне денег куда как больше, чем было в украденном кошельке. Да и написанная программа, посредством которой через мой порт можно было соединять два компьютера вместе, тоже не оставила мне никаких шансов на голодную старость.

Коса на камень

Билли Бистон стоял у стойки бара и млел: вертел в руках шляпу, глупо-счастливо улыбался и чувствовал, как поток величайшей нежности заполняет его сердце, грудь и, кажется, вот-вот вырвется наружу и затопит весь бар.

А по другую сторону стойки стояла Сибилла Вискерс, звонко смеялась и без умолку щебетала о тысяче вещей: о нарядах, о виски, о прическах и орлах, о весне и о нападении на поезд, с неумолимой женской логикой связывая весь этот винегрет в ту очаровательную болтовню, от которой и млел Вилли.

Вилли не повезло. Отправившись в поисках приключений в Техас, он скоро убедился в том, что времена героических эпопей миновали, и готов уже был повернуть оглобли в родной Массачусетс, когда, как-то войдя в бар старика Вискерса, увидел за стойкой Сибиллу и... остался.

«Любовь питается вздохами, трепетом и лунным светом». Это самая наглая ложь, какую только мне приходилось слышать от поэтов, которые, вообще говоря, никаким нравственным кредитом у деловых людей не пользуются. Несмотря на свои двадцать три года, влюбленность и природную субтильность сложения, Вилли должен был поступить клерком к местному страховому агенту, чтобы поддержать свое восторженное существование у стойки бара старика Вискерса.

Старик не скрывал своего удовольствия, видя воркующую парочку: Вилли имел еще запас городских костюмов, а старик всегда мечтал иметь зятем городского человека.

А когда Вилли подарил старику шапо-кляк, завалившийся на дне чемодана, вопрос о свадьбе был решен и принципиально и практически. Старик гордо щелкал своим цилиндром и клялся, что бросит Кактус-сити и откроет в городе бар.

Обстоятельства как будто складывались благоприятно, но... неприятность началась именно с цилиндра старика Вискерса. Двое пьяных ковбоев стали задевать какого-то хмурого парня, одиноко тянувшего свое виски-сода. И когда один из них плеснул пивом на столик хмурого молодого человека, тот встал, спокойно надел шляпу, подошел к пьяному и, схватив его за

шиворот, перебросил через весь бар. Пьяный шлепнулся на стойку, как раз на гордо сверкающий цилиндр старика. Цилиндр жалобно крякнул, и из блестящего бока вылезла пружинка.

Тут заревели сразу трое: старик Вискерс и оба пьяных. Еще секунда, и дело дошло бы до пальбы, но незнакомец поднял руку и хладнокровно сказал:

– Минуту, джентльмены. Прежде чем пытаться пристрелить меня, подумайте об этом хорошенько.

Он вынул оба своих кольта и обратился к Сибилле:

– Стойте спокойно, мисс.

Потом поднял оба револьвера – бац, бац, бац, и над головой Сибиллы появилась надпись из пуль:

«IDAHO ».

Наступила минута молчания. Затем восторженный шепот пробежал по бару:

– Вот так штука...

– Это настоящий стрелок...

– Я знал только одного человека, который мог делать такую штуку, – проворчал Вискерс. – Это Сова Фостер. Он еще выводил рамку из пуль вокруг надписи.

– Ну, этот был чином выше меня, – весело сказал незнакомец и, подойдя к Сибилле, нежно спросил: – Вы не испугались, мисс?

– Нет, – ответила Сибилла.

С этого момента Идаго-Аткинс прилип к стойке, топтался около нее с утра до ночи и совершенно вытеснил Вилли от стойки и из... судя по веселому щебетанию Сибиллы, и из ее сердца.

Вилли не сдавался. Целыми вечерами он простоявал у стойки в надежде улучить момент и объяснить Сибилле всю нелепость создавшегося положения. Но ни Сибилла, ни Аткинс не обращали на него ни малейшего внимания.

Она болтала о тысяче вещей: о нарядах, о виски, прическах, весне и нападении на поезд, а Аткинс сиял как именинник и глупо ухмылялся.

Наконец Вилли набрался храбрости и решился заговорить, но после первого его слова Аткинс сдвинул брови и сказал:

– Выйдем на минутку.

И когда они вышли, Аткинс произнес:

– Я никогда не убивал иначе как защищаясь, но на этот раз я готов сделать исключение для вас или для всякого, кто будет вторым по эту сторону стойки. Поняли? Прощайте.

Вилли провел бессонную ночь и наутро поделился своим отчаянием со стариком Вискерсом.

– Что же делать, сынок, – развел тот руками. – Женщину берут с бою... А разве кто-нибудь в этой округе выйдет на бой с Идаго-Аткинсом?..

– Значит, молчать?! – в отчаянии завопил Вилли. – А моя любовь? А ваш цилиндр?!

Старик помрачнел.

– Цилиндр...

И мигом вспомнил старую обиду, забытую в эти тревожные дни.

– Цилиндр... гмм... я подумаю...

Вискерс думал, Вилли предавался отчаянию и страховым полисам, а Аткинс терроризировал всю округу: никто не смел подойти к стойке, когда он беседовал с Сибиллой.

И вот однажды Вискерс сказал:

– Потерпи немного, сынок, я, кажется, придумал. – Запряг свою тележку и уехал.

Вернулся он через два дня в сопровождении маленького старичка, у которого были унылые висячие усы и выцветшие голубые глаза.

А вечером в самый разгар веселья, когда все столики были заняты, тихий старичок медленно проbralся через зал, облокотился на стойку, где Сибилла болтала с Аткинсом, и, взяв его бокал с виски-сода, стал невозмутимо тянуть напиток.

Все умолкли.

Аткинс побагровел, Сибилла побледнела, зрители разинули рты...

– Эй, вы... – закричал Аткинс.

Старичок уставился на него сонными выцветшими глазками и полез в карман... Аткинс быстрее молнии выхватил револьвер... а старичок вынул красный платок и шумно высыпался.

– Эй, ребята, знаете, кто это такой?.. – развязно произнес старик Бискерс. – Кто из вас еще помнит Сову Фостера?

Все молчали. Старичок опять стал тянуть чужое виски, Аткинс опустил руку с револьвером. Потом они опять встретились глазами.

Минуты две продолжалась эта безмолвная дуэль, потом Аткинс хрипло сказал:

– Я... я не спустил бы этого никому... только вам, мистер Фостер... вы победили... Могу я уйти?

Старичок молчал и пристально смотрел ему в глаза.

Аткинс быстро повернулся и выбежал из бара. Через секунду на улице раздался топот лошади...

Два старых ковбоя встали и, подойдя к Фостеру, пожали ему руку.

– Поздравляем старого героя. Не угодно ли выпить с нами по стаканчику?

Старичок молчал.

Тогда старик Вискерс подошел и быстро завертел пальцами у него перед носом.

Старичок ослабился... и радостно закивал.

– Мистер Санди, хоть и глухонемой, но с удовольствием выпьет с вами, джентльмены, за здоровье покойного Совы Фостера, – объявил Вискерс.

Коварство Харгрэвса

Когда майор Пенделтон Тальбот и его дочь, мисс Лидия Тальбот, переселились на жительство в Вашингтон, то избрали своим местопребыванием меблированный дом, удаленный на пятьдесят ярдов от одной из самых тихих авеню. Это было старомодное кирпичное здание с портиком, поддерживаемым высокими белыми колоннами. Двор был затенен стройными акациями и вязами, а каталыпа во время цветения засыпала траву дождем розово-белых цветов. Ряды высоких буксовых кустов окаймляли решетку и дорожки. Тальботам нравился этот южный стиль дома и вид местности. В этом приятном частном меблированном доме они наняли комнаты, в число которых входил кабинет майора Тальбота, заканчивавшего последние главы своей книги "Анекдоты и воспоминания об Алабамской армии, суде и адвокатуре".

Майор Тальбот был представителем старого-старого Юга. Настоящее время имело мало интереса или достоинств в его глазах. Мысли его жили в том периоде до гражданской войны, когда Тальботы владели тысячами акров прекрасной земли для хлопка и рабами для возделывания ее; тогда их фамильный дом с королевским гостеприимством открывал свои двери гостям и аристократии Юга. Из этого периода он сохранил всю свою гордость и строгость в вопросах чести, старинную и церемонную вежливость и - подумайте! - гардероб. За последние пятьдесят лет, наверное, нельзя было сшить такую одежду. Майор был высокого роста, но, когда он делал то удивительное архаическое коленоисклонение, которое называл поклоном, фалды его сюртука подметали пол. Это одеяние поразило даже Вашингтон, который давно уже перестал смущаться камзолами и широкополыми шляпами членов конгресса с Юга. Один из жильцов дома назвал его сюртук Father Hubbard, и, действительно, был с короткой талией и широк в подоле.

Но, несмотря на странную одежду, на громадную площадь груди его гофрированной рубашки, на узкий черный галстук ленточкой с вечно съезжающим на бок бантом, - в избранном меблированном доме м-с Вердемэн майора любили, хоть и посмеивались над ним немногого. Молодые департаментские клерки часто "заводили" его, как они говорили, т.-е. наводили на тему, наиболее дорогую ему: история и традиции его любимого южного края.

В течение разговора он часто приводил цитаты из "Анекдотов и воспоминаний". Но клерки

очень осторожно скрывали свои побуждения, так как, несмотря на свои шестьдесят восемь лет, майор мог привести в замешательство самого смелого из них упорным взглядом своих проницательных серых глаз.

Мисс Лидия была толстенькая старая дева 35 лет, с гладко причесанными, крепко закрученными волосами, которые ее старили.

Она тоже была старомодной, но довоенная слава не излучалась от нее так, как от майора. Она отличалась бережливостью и здравым смыслом, распоряжалась финансами семьи и встречала всех приходящих со счетами, Майор смотрел на счета за стол и стирку, как на презренные жизненные неудобства. Они продолжали поступать так часто и так упорно! Майору хотелось знать: почему их нельзя собрать воедино и заплатить сразу в подходящее время,--например, когда "Анекдоты и воспоминания" будут напечатаны, и деньги за них получены? Мисс Лидия в таких случаях спокойно продолжала шить и говорила: "Мы будем платить попрежнему, пока хватит денег, а затем, может быть, им придется ждать уплаты сразу".

Большинство столовников м-с Вердемэн отсутствовали в течение дня, потому что все они были или департаментские клерки, или деловые люди, но один из них бывал дома очень много - с утра до вечера. Это был молодой человек, по имени Генри Хопкинс Харгрэвс, - все в доме называли его полным именем, - служивший в одном из популярных водевильных театров. Водевиль за несколько лет поднялся до почтенного уровня, а м-р Харгрэвс был таким скромным и воспитанным человеком, что м-с Вердемэн не находила возражений против внесения его в список своих пансионеров.

В театре Харгрэвс был известен, как имитатор разных диалектов, с большим репертуаром немецких, ирландских, шведских и негритянских рассказов. Но м-р Харгрэвс был честолюбив и часто говорил о своем страстном желании выступить в настоящей комедии.

Молодой человек, повидимому, очень полюбил майора Тальбота. Когда бы этот джентльмен ни начинал делиться своими воспоминаниями об Юге или повторять некоторые характерные анекдоты, Харгрэвс всегда был тут и внимательно все слушал.

Некоторое время майор намеревался отклонить авансы "актеришки", как он конфиденциально называл его, но приятные манеры молодого человека и его ярко выраженное внимание к рассказам майора вскоре совсем покорили сердце старика. Прошло немного времени, и они уже казались старыми товарищами. Днем майор неизменно садился читать ему отрывки из своей книги. При чтении анекдотов Харгрэвс никогда не забывал смеяться там, где нужно было. Майор счел нужным заявить мисс Лидии, что у молодого человека удивительное понимание и приятное почтение к старому режиму. И когда начинались разговоры об этих старых временах, то майор Тальбот любил говорить, а м-р Харгрэвс слушать. Как большинство старииков, любящих говорить о прошлом, майор охотно задерживался на деталях. Описывая великолепное, почти царское житье прежних плантаторов, он часто останавливался, чтобы вспомнить имя негра, державшего его лошадь, или точную дату некоторых мелких происшествий, или же количество тюков хлопка, собранных в таком-то году. Но Харгрэвс никогда не обнаруживал при этом признаков нетерпения и не утрачивал интереса. Напротив, он задавал вопросы на разнообразные темы, связанные с жизнью того времени, и никогда не оставался без готового ответа.

Охоты на лисиц, ужины и кутежи в негритянском квартале, банкеты в зале плантаторского дома, когда приглашения рассыпались на пятнадцать миль вокруг, случайные междуусобия с окрестным дворянством, дуэль майора с Рэйбон Кульбертоном из-за Китти Чамерс, которая впоследствии вышла замуж за Суиета из Южной Каролины, частные гонки яхт на сказочные суммы в бухте Мобиле, странные верования, характерные привычки, верность и честность прежних рабов, - вот темы, которыми майор и Харгрэвс увлекались целыми часами.

Иногда поздно ночью, когда молодой человек поднимался в свою комнату по возвращении из театра, майор появлялся в дверях своего кабинета и кивал ему с лукавым видом. Войдя, Харгрэвс находил на небольшом столике графинчик, сахарницу, фрукты и большой пучок свежей зеленой мяты.

- Мне пришло в голову,- начинал майор (всегда очень церемонно),- что вы нашли, может-быть, свои обязанности в... на месте ваших занятий достаточно трудными, и поэтому мне захотелось дать вам возможность оценить то, о чем, вероятно, думал поэт, когда писал "Сладкий

восстановитель усталой природы", - один из наших южных напитков.

Для Харгрэвса было наслаждением смотреть, как майор приготавлял этот напиток. Принимаясь за дело,

старик равнялся с артистами, при чем никогда не изменял приемов. Как осторожно он растирал мяту! С каким утонченным изяществом отмерял составные части! С какой нежной заботливостью дополнял смесь багровым плодом, пылающим на зеленой бахроме! С каким гостеприимством и грацией он затем предлагал питье, когда выбранные им соломинки уже были погружены в звенящую глубину! Месяца через четыре их пребывания в Вашингтоне, как-то утром, мисс Лидия сделала открытие, что у них почти нет денег.

"Анекдоты и воспоминания" были закончены, но издатели не набросились на это собрание образцов алабамского ума и остроумия. Арендная плата за небольшой дом, которым они еще владели в Мобиле, два месяца не поступала. Через три дня надо было платить за стол. Мисс Лидия позвала отца на консультацию.

- Нет денег? - сказал он с удивленным видом. - Ужасно надоедливы эти частые разговоры о таких пустяках. В самом деле, я... Майор обыскал свои карманы. Он нашел только бумажку в два доллара, которую положил обратно в жилетный карман.

- Мне нужно заняться этим немедленно, Лидия, - сказал он. - Дай мне, пожалуйста, зонтик, я сейчас же пойду в город. Член конгресса от нашего округа, генерал Фельгум, несколько дней тому назад обещал мне употребить все свое влияние на то, чтобы моя книга была напечатана в скором времени. Я сейчас же пойду в его гостиницу и узнаю, какие меры были приняты. Мисс Лидия с грустной улыбкой наблюдала, как он застегнул свой Father Hubbard и ушел, остановившись предварительно в дверях, чтобы, как всегда, отвесить глубокий поклон.

Он вернулся в сумерках. Оказалось, что член конгресса Фельгум видел издателя, у которого находилась рукопись майора. Издатель заявил, что если "Анекдоты и пр." тщательно сократить, почти на половину исключить партийные и классовые предрассудки, которыми окрашена книга от начала до конца, то он согласился бы издать ее.

Майор был в бешенстве, но овладел собой, согласно своему кодексу поведения, как только оказался в присутствии мисс Лидии.

- Нам необходимы деньги, - сказала мисс Лидия, с легкой морщинкой над носом: - дайте мне те два доллара, я пошлю сейчас же телеграмму дяде Ральфу.

Майор вынул из верхнего жилетного кармана маленький конвертик и бросил его на стол.

- Может-быть, это неблагоразумно, - кротко сказал он, - но сумма эта была так мала, что я купил билеты в театр на сегодня. Идет новая военная драма, Лидия. Я подумал, что тебе доставит удовольствие быть на первом ее представлении в Вашингтоне. Мне говорили, что Юг очень симпатично представлен в этой драме. Сознаюсь, что я сам охотно посмотрю это представление.

Мисс Лидия в безмолвном отчаянии всплеснула руками...

Однако, раз билеты были куплены, надо было ими воспользоваться. И в этот вечер, когда они сидели в театре и слушали полную огня увертюру, даже у мисс Лидии заботы временно отодвинулись на второй план. Майор, в безукоризненном белье, в своем необычайном камзоле, видном только там, где он был плотно застегнут, с белыми гладко зачесанными волосами, имел, право, чрезвычайно изящный и аристократический вид... Открывая типичную картину южных плантаций, взвился занавес для первого акта "Цветка Магнолии".

- Смотрите, - воскликнула мисс Лидия, подталкивая отца локтем и указывая на программу.

Майор надел очки и прочел в списке действующих лиц строку, на которую указывала его дочь.

... Полковник Уебстер Кальхун... Г. Хопкинс-Харгрэвс,

- Это наш м-р Харгрэвс! - сказала мисс Лидия: - это, вероятно, его первое выступление в... как он называет ее... комедии. Я так рада за него. Только во втором акте появился на сцене полковник Уебстер Кальхун. При его выходе майор Тальбот громко фыркнул, уставился на него глазами и оледенел. Мисс Лидия издала легкий двусмысленный писк и смяла в руках программу. Полковник Кальхун был изображен настолько похожим на майора Тальбота, как одна горошинка похожа на другую. Длинные, редкие волосы, завивающиеся на концах, аристократический нос в виде клюва, широкая, мягкая грудь рубашки, галстук лентой с бантом почти у уха, - все было

скопировано самым детальным образом. И, наконец, в довершение всего, на нем был двойник майорского камзола, который предполагался единственным. С высоким воротником, мешковатый, с узкой талией, с широкими полами, на фут длиннее спереди, чем сзади, это одеяние не могло быть снято с другого образца. Начиная с этого момента, майор и мисс Лидия сидели, как околдованные, и смотрели на имитацию гордого Тальбота, протащенного через возмутительную грязь "развратной сцены", как выражался впоследствии майор.

М-р Харгрэвс хорошо воспользовался благоприятным для него случаем. Он уловил в совершенстве мелкие особенности речи, акцент и интонации майора, а также и его напыщенную вежливость,-преувеличивая все для нужд сцены. Когда он исполнил удивительный поклон, который, как наивно воображал майор, был верхом всех приветствий, публика внезапно разразилась громкими аплодисментами. Мисс Лидия сидела неподвижно, не смея взглянуть на отца. Иногда ближайшей к нему рукой она закрывала щеку, как бы пряча улыбку, которую не могла вполне подавить, несмотря на возмущение. Кульминационного пункта имитация Харгрэвса достигла в третьем акте. Это была сцена, где полковник Кальхун принимает нескольких соседей в своей "берлоге".

Стоя у стола, посреди сцены, окруженный друзьями, он говорит тот неподражаемый, характерный, бессвязный монолог, который так известен по "Цветку Магнолии"; в то же время он ловко приготавляет мятный напиток для гостей.

Майор Тальбот, сидя спокойно, но бледный от негодования, слышал, как передавались его лучшие рассказы, как излагались его любимые теории и темы, и как заменены, преувеличены и исказены основы его "Аnekдотов и воспоминаний".

Его любимый рассказ о дуэли с Рэсбон Кульбертсоном также не был пропущен и передан с большим огнем и увлечением, чем это делал сам майор.

Монолог кончался изысканной, очаровательной, маленькой лекцией об искусстве делать мятный напиток, иллюстрируемой действием. Тут тонкое, но яркое искусство Тальбота было воспроизведено до мельчайших подробностей, начиная с его изящного обращения с душистой травой ("на одну тысячную часть больше давления, джентльмены, и вы вытянете горечь вместо аромата из этого дарованного небом растения") до заботливого выбора соломинок.

По окончании этой сцены в публике поднялся неистовый гул одобрения. Изображение типа было настолько точно, верно и полно, что главные персонажи в пьесе были забыты. После повторных вызовов Харгрэвс появился перед занавесом и раскланялся, при чем его еще мальчишеское лицо радостно горело от сознания успеха.

Мисс Лидия, наконец, повернулась и взглянула на майора. Его тонкие ноздри двигались, как жабры у рыбы. Он оперся обеими дрожащими руками на подлокотники кресла, собираясь встать.

- Пойдем, Лидия,-сказал он негодующе:- это ужасное кощунство!

Прежде, чем он успел встать, она толкнула его обратно на место.

- Мы останемся до конца,- заявила она.- Неужели же вы хотите сделать рекламу копии, показав оригинал камзола? Таким образом, они остались до конца. Успех Харгрэвса заставил, очевидно, его поздно лечь, так как на следующий день он не появился ни к завтраку, ни к обеду. Около трех часов дня он постучал в дверь майора Тальбота. Майор открыл ее, и Харгрэвс вошел с полными руками утренних газет,-слишком поглощенный своим успехом, чтобы заметить что-нибудь необычное в поведении майора.

- Я их всех вчера ночью захватил, майор,- начал он, ликуя.-Я пожал обильную жатву и еще увеличу ее, так как я надеюсь... Вот что напечатано в "Почте": "Концепция и изображение южного полковника прежнего времени, с его бессмысленным велеречием, эксцентричным нарядом, причудливыми выражениями и фразами, съеденной молью фамильной гордостью и, в действительности, человека с добрым сердцем, строгим чувством чести и милой простотой - является лучшим воспроизведением характерной роли на современной сцене. Сюргук полковника Калхуна сам по себе - гениальное произведение. М-р Харгрэвс захватил публику".

- Как вам это нравится, майор? Недурно для дебютанта?

- Я имел честь,-голос майора звучал зловеще холодно,- видеть ваше замечательное исполнение сэр, вчера вечером.

Харгрэвс смущился.

- Вы были там? Я не знал, что вы... я не знал, что вы любите театр. Послушайте, майор Тальбот, не обижайтесь. Я сознаюсь, что получил от вас много ценных сведений для этой роли. Но ведь это тип, а не личность. Доказательство тому - впечатление, произведенное на публику. Ведь половина театра - южане; они узнали знакомый тип.

- М-р Харгрэвс,- сказал майор, продолжая стоять.- Вы нанесли мне несмываемое оскорбление, выставив меня в смешном виде. Вы возмутительно злоупотребили моим доверием и гостеприимством и отплатили злом за добро. Если бы я был уверен в том, что вы обладаете хоть малейшим понятием о том, что такое поведение дворянина, и имели бы на то право, я бы вызвал вас на дуэль, несмотря на мою старость. Прошу вас оставить комнату, сэр.

Актер казался немного растерянным и, как будто, не мог понять полное значение слов майора.

- Мне, право, жаль, что вы обиделись,- сказал он с сожалением.-Мы здесь, на севере, смотрим на вещи иначе, чем вы, южане. Я знаю людей, которые откупили бы полтеатра, только бы их личность была выведена на сцене, и публика могла бы узнать их.

- Они не из Алабамы, сэр, - надменно произнес майор.

- Может быть, и нет. У меня очень хорошая память, майор. Позвольте мне привести несколько строк из вашей же книги. В ответ на тост, произнесенный на банкете в Милледжевиле, кажется вы сказали и намерены были напечатать следующие слова:

"У северянина совсем нет чувства или пыла, за исключением случаев, когда чувства могут быть использованы для его коммерческих выгод. Он перенесет без злобы всякое покушение на честь, как его собственную, так и дорогих ему людей, если это покушение не имеет следствием крупную денежную потерю.

Когда он благотворительствует, то дает щедрой рукой, но об этом надо кричать повсюду и записать на меди..."

- Как вы думаете, это изображение лучше, чем изображение полковника Кальхуна, которого вы видели вчера?

- Это описание.- ответил майор, нахмурившись,- имеет свои основания. Некоторое преу... ширна должна быть допущена в публичных речах.

- И в публичной игре! - возразил Харгрэвс.

- Это совсем не то,- настаивал неумолимо майор:- это была личная карикатура. Я безусловно отказываюсь пренебречь этим, сэр.

- Майор Тальбот,-сказал Харгрэвс с пленительной улыбкой, - мне хотелось бы, чтобы вы поняли меня. Мне хотелось бы, чтобы вы знали, что у меня и в мыслях не было оскорбить вас. В моей профессии мне принадлежит весь мир. Я беру, что хочу и что могу, и возвращаю все это со сцены. Теперь, если хотите, оставимте это дело. Я пришел к вам по другому делу. Мы несколько месяцев были хорошими друзьями, и я хочу рискнуть еще раз оскорбить вас. Я знаю, что у вас денежные затруднения. Безразлично, как я это знаю. В меблированном доме трудно сохранить это в тайне. Мне хотелось бы помочь вам выйти из беды. Сам я тоже часто бывал в таком положении. Я получал хорошее жалованье весь сезон и скопил немногого денег. Я охотно предоставлю вам две сотни или даже больше, пока вы получите...

- Довольно,- скомандовал майор, протянув руку:- повидимому, моя книга не лгала. Вы думаете, что ваш денежный пластырь затянет все раны, нанесенные моей чести. Я ни в коем случае не взял бы денег от случайного знакомого. Что же касается вас, сэр, то я скорее умер бы с голоду, чем согласился бы на ваше оскорбительное предложение финансовой ликвидации обстоятельств, о которых мы говорили. Повторяю мою просьбу, касающуюся вашего ухода из комнаты.

Харгрэвс удалился, не сказав больше ни слова. Он в тот же день покинул и меблированный дом, переехав, как объяснила миссис Вердемэн за ужином, ближе к театру, в нижнюю часть города, где "Цветок Магнолии" должен был идти целую неделю. Положение майора Тальбота и мисс Лидии было критическое. В Вашингтоне не было никого, к кому совестливость майора позволила бы ему обратиться за займом. Мисс Лидия написала письмо дяде Ральфу, но было под сомнением: позволяют ли стесненные обстоятельства родственника оказать им помощь? Майор был принужден весьма сконфуженно извиниться перед м-с Вердемэн в задержке платежа за стол,

ссылаясь на неаккуратное поступление "арендной платы".

Помощь пришла из совершенно неожиданного источника.

В конце дня привратница поднялась наверх и сообщила, что майора Тальбота желает видеть старики-чернокожий. Майор попросил прислать его в кабинет. Вскоре в дверях, кланяясь и шаркая неуклюжей ногой, появился старый негр со шляпой в руках. Он был очень прилично одет в мешковатый черный костюм. Его большие, грубые башмаки сияли металлическим блеском, напоминающим блеск печи. Густая шерсть над его головой была седой - почти белой. Трудно определить годы негра, перевалившего за средний возраст. Этот негр мог быть тех же лет, что и майор Тальбот.

- Поручусь, что вы не узнаете меня, масса Пендльтон,- были его первые слова.

При этой старой манере обращения, майор встал и пошел к нему навстречу. Без сомнения, то был один из чернокожих с плантации, но все они были так далеко рассеяны, что он теперь не мог припомнить лицо и голос...

- Боюсь, что, действительно, так, если вы только не поможете мне вспомнить,- ласково сказал он.

- Помните вы Синди'ного Мозе, масса Пендльтон, что мигрировал сразу после войны?

- Подождите,- сказал майор, потирая лоб кончиками пальцев. Он любил вспоминать все, связанное с этим дорогим для него временем. - Синди! Мозе? - соображал он. - Вы служили при лошадях, выезжали жеребчиков? Да, теперь припоминаю. После сдачи вы приняли имя - не торопите меня - Митчель, и отправились на Запад в Небраску?

- Да, да, сэр! - лицо старика расплылось в восторженную улыбку. Это так! Это я Нюбрасска. Это я Мозе Митчель. Старый дядя Мозе Митчель, как меня сейчас зовут. Старый барин, ваш отец дал мне пару молодых мулов, когда я уезжал... Помните тех жеребят, масса Пендльтон?

- Я что-то не припоминаю жеребят, - сказал майор:- вы знаете, что я женился в первый год войны и жил в поместьи Фоллинсби? Но садитесь же, дядя Мозе. Рад видеть вас. Надеюсь, что дела ваши хорошо идут?

Дядя Мозе сел на стул, положив шляпу осторожно на пол.

- Да, сэр, за последнее время дела идут прекрасно. Когда я в первый раз приехал в Нюбрасску, весь народ сбежался смотреть тех мулов. Таких мулов не видывала Нюбрасска. Я продал их за триста долларов... Да, сэр, за триста. На них я открыл кузницу и заработал деньги и купил себе землю. Я с моей старухой воспитали семью ребят, и все они здоровы, за исключением двоих, которые умерли. Четыре года назад проложили железную дорогу и выстроили город совсем рядом с моей землей. Теперь, масса Пендльтон, дядя Мозе ценится в одиннадцать тысяч долларов деньгами, имуществом и землей.

- Рад слышать об этом, - сердечно сказал майор.- Очень рад слышать это.

- А ваш ребеночек, масса Пендльтон, что вы звали мисс Лидди? Поручусь, что эта крошка так выросла, что ее и узнать нельзя.

Майор подошел к двери и позвал:

- Лидия, дорогая, не зайдешь ли ты сюда? Мисс Лидия, действительно выросшая и немного утомленная, явилась из своей комнаты.

- Боже мой! Что я говорил! Я знал, что этот ребенок должен был здорово вырасти. Вы помните дядю Мозе, детка?

- Это-Мозе тетки Синди,- объяснил майор.- Он уехал из Сеннимид на Запад, когда тебе было два года.

- Ну,-сказала мисс Лидия,- трудно ожидать, чтобы я запомнила вас, дядя Мозе. И, как вы говорите, я "здраво выросла", и уже давно... Но я рада видеть вас, хотя и не могу вспомнить.

И, действительно, она была рада так же, как и майор. Что-то живое и осязаемое пришло и соединило их со счастливым прошлым. Они сидели втроем и говорили о старых временах, при чем майор и дядя Мозе поправляли и поощряли друг друга в воспоминаниях о плантациях, старых временах и картинах былого.

Майор осведомился, что старики делают так далеко от дома.

- Дядя Мозе-д е л и к а т,- объяснил он,- д е л и к а т на большой баптистской конвенции в этом городе. Я никогда не проповедывал, но так как я один из старшин церкви и могу оплатить

свои издержки, то меня и послали...

- А как же вы узнали, что мы в Вашингтоне?- спросила мисс Лидия.

- Есть такой человек, который служит в отеле, где я остановился; он приехал из Мобиля. Он сказал мне, что видел, как масса Пендльтон выходил из этого дома как-то утром.

- Я пришел затем,-продолжал дядя Мозе, залезая в карман,-чтобы повидать моих соотечественников... и чтобы заплатить еще массе Пендльтону мой долг.

- Мне долг?-удивленно сказал майор.

- Да, триста долларов! - Он вручил майору пачку бумажек.- Когда я уезжал, старый масса сказал: "Бери этих мулов, Мозе, и, когда будешь в состоянии, заплати за них". Да, это были его слова. Война разорила и старого массу. Так как он давно умер, то долг переходит к массе Пендльтону. Триста долларов! Дядя Мозе теперь может заплатить. Когда железная дорога купила мою землю, я решил заплатить за мулов. Считайте деньги, масса Пендльтон. За столько я продал мулов! Да!

В глазах майора Тальбота стояли слезы. Одной рукой он мял руку дяди Мозе. а другую положил ему на плечо,

- Дорогой, верный слуга, - сказал он нетвердым голосом: - я не стыжусь сказать тебе, что масса Пендльтон истратил свой последний доллар неделю назад. Мы примем эти деньги, дядя Мозе, примем деньги, которые являются некоторым образом платой, а также знаком верности и преданности слуг старого режима. Лидия, дорогая моя, возьми деньги. Ты лучше меня сумеешь истратить их.

- Возьмите их, милочка,- сказал дядя Мозе:-это вам принадлежит, это тальботовские деньги. После ухода дяди Мозе, мисс Лидия заплакала от радости, а майор повернулся лицом в угол и, как вулкан, стал курить свою глиняную трубку. В последующие дни Тальботы вновь обрели мир и довольство. Лицо мисс Лидии утратило свой усталый вид. Майор появился в новом сюртуке, в котором был похож на восковую фигуру, олицетворявшую память о его золотом веке. Другой издатель, прочитавший рукопись "Анекдотов и воспоминаний", нашел, что с небольшими поправками, при менее резком тоне в некоторых, наиболее эффектных местах, из нее можно сделать действительно интересную и ходкую книгу.

Вообще положение создалось отрадное, и не без надежд, которые иногда слаше исполнившихся благ.

Однажды, приблизительно через неделю после свалившейся на них удачи, прислуга принесла в комнату мисс Лидии письмо на ее имя. По почтовой марке видно было, что оно из Нью-Йорка. Не зная никого в этом городе, мисс Лидия, удивленная, с легким волнением, села за свой стол и ножницами открыла письмо. Вот что она прочла:

"Дорогая мисс Тальбот!

Думаю, что вы будете рады узнать о моей удаче. Я получил и принял предложение на двести долларов в неделю от одного нью-йоркского постоянного театра - Играть полковника Кальхуна в "Цветке Магнолии".

"Есть еще что-то, о чем вам следует знать. Думаю, что лучше не говорить об этом майору Тальботу. Мне очень хотелось отплатить чем-нибудь за ту большую помошь, которую он оказал мне при изучении роли и за дурное настроение, в которое я его привел. Он отказался от моей помоши, но я выполнил свое намерение другим способом. Я легко могу обойтись без этих трехсот долларов.

"Искренно ваш Г. Хопкинс-Харгрэвс".

"Р. С. Как я сыграл дядю Мозе?"

...Майор Тальбот проходил через вестибюль, увидел открытую к мисс Лидии дверь и остановился.

- Есть почта для нас, дорогая Лидия? - спросил он. Мисс Лидия спрятала письмо в складках платья.

- Получена "Мобильская Хроника", - поспешно сказала она: - газета лежит на столе в вашем кабинете.

Линии судьбы

Мы с Тобином как-то надумали прокатиться на Кони-Айленд. Промеж нас завелось четыре доллара, ну а Тобину требовалось развлечься. Кэти Махорнер, его милая из Слайго [графство на северо-востоке Ирландии], как сквозь землю провалилась с того самого дня три месяца тому назад, когда укатила в Америку с двумя сотнями долларов собственных сбережений и еще с сотней, вырученной на продажу наследственных владений Тобина - отличного домишко в Бок Шоннаух и поросенка. И после того письма, в котором она написала Тобину, что едет к нему, от Кэти Махорнер не было ни слуху ни духу. Тобин и объявления в газеты давал, да без толку, не сыскали девчонку.

Ну и вот мы, я да Тобин, двинули на Кони - может, подумали мы, горки, колесо да еще запах жареных зерен кукурузы малость встряхнут его. Но Тобин парень таковский, расшевелить его не легко - тоска въелась в его шкуру крепко. Он заскрежетал зубами, как только услышал скрип воздушных шариков. Картину в иллюзии ругательски изругал. И хоть пропустить стаканчик он не разу не отказался, только предложи, - на Панча и Джуди он и не взглянул. А когда пришли эти, что норовят заснять вашу физию на брошке или медальоне, он полез было съездить им как следует.

Ну, я, значит, отвожу его подальше, веду по дощатой дорожке туда, где аттракционы малость потише. Около палатки чуть побольше пятицентовика Тобин делает стойку, и глаза у него смотрят вроде бы почти по-человечески.

- Здесь, - говорит он, - здесь я буду развлекаться. Пусть гадалка-чародейка из страны Нила исследует мою ладонь, пусть скажет мне, сбудется ли то, чему должно сбыться.

Тобин - парень из тех, кто верит в приметы и неземные явления в земной жизни. Он был напичкан всякими предосудительными убеждениями и суевериями принимал на веру и черных кошек, и счастливые числа, газетные предсказания погоды.

Ну, входим мы в этот волшебный курятник - все там устроено как полагается, по таинственному - и красные занавески и картинки, - руки, на которых линии пересекаются, словно рельсы на узловой станции. Вывеска над входом показывает, что здесь орудует мадам Зозо, египетская хиромантка. Внутри палатки сидела толстуха в красном джемпере, расшитом какими-то закорючками и зверюшками. Тобин выдает ей десять центов и сует свою руку, которая приходится родней копыту ломовой коняги.

Чародейка берет руку Тобина и смотрит, чем дело: подкова, что ли, отлетела или камень в стрелке завелся.

- Слушай, - говорит эта мадам Зозо, твоя нога...

- Это не нога, - прерывает ее Тобин. - Может она и не бог весть какой красы, но это не нога, это моя рука.

- Твоя нога, - продолжает мадам, - не всегда ступала по гладким дорожкам - так показывают линии судьбы на твоей ладони. И впереди тебя ждет еще много неудач. Холм Венеры - или это просто старая мозоль? - указывает, что твое сердце знало любовь. У тебя большие неприятности из-за твоей милой.

- Это она намекает насчет Кэти Махорнер, громко шепчет Тобин в мою сторону.

- Я вижу дальше, говорит гадалка, что у тебя много забот и неприятностей от той, которую ты не можешь забыть. Линии судьбы говорят, что в ее имени есть буквы "К" и "М".

- Ого! - говорит мне Тобин. - Слышал?

- Берегись, - продолжает гадалка, брюнетка и блондинки, они втянут тебя в неприятности. Тебя скоро ожидает путешествие по воде и финансовые потери. И еще вижу линию, которая сулит тебе удачу. В твою жизнь войдет один человек, он принесет тебе счастье. Ты узнаешь его по носу - у него нос крючком.

- А его имя на ладони не написано? - спрашивает Тобин. - Не плохо бы знать, как величать этого крючконосого, когда он явиться выдавать мне мое счастье.

- Его имя, - говорит гадалка этак задумчиво, - не написано на линиях судьбы, но видно, что оно длинное и в нем есть буква "О". Все, больше сказать нечего. До свиданья. Не загораживайте вход.

- Ну и ну, говорит Тобин, когда мы шагаем к причалу. - Просто чудеса, как она это точно знает.

Когда мы протискивались к выходу, какой-то негритос задел Тобина по уху своей сигарой. Вышла неприятность. Тобин начал молотить парня по шее, женщины подняли визг, - ну, я не растерялся, успел оттащить своего дружка подальше, пока полиция не подоспела. Тобин всегда в препаршивом настроении, когда развлекается.

А когда уже обратно ехали, буфетчик на пароходике стал зазывать: "Кому усльжить? Кто пива желает?" и Тобин признался, что да, он желает - желает сдути пену с кружки их поганого пойла. И полез в карман, но обнаружил, что в толкотне кто-то выгреб у него все оставшиеся монеты. Буфетчик, за недостатком вещественных доказательств, отцепился от Тобина, и мы остались ни с чем, - сидели и слушали, как итальянки на палубе пиляют на скрипке. Получилось, что Тобин возвращался с Кони еще мрачнее, и горести засели в нем еще крепче, чем до прогулки.

На скамейке у поручней сидела молодая женщина, разодетая так, чтобы кататься в красных автомобилях. И волосы у нее были цвета необкуренной пеньковой трубки. Тобин, когда проходил мимо, ненароком зацепил ее малость по ноге, а после выпивки он с дамами всегда вежливый. Он и решил этак с форсом снять шляпу, когда извинялся, да сбил ее с головы, а ветер унес ее за борт.

Тобин вернулся, опять сел на свое место, и я начал присматривать за ним - у парня что-то зачастили неприятности. Когда неудачи вот так наваливались на Тобина, без передыху, он был готов стукнуть первого попавшегося франта или взять на себя командование судном.

И вдруг Тобин хватает меня за руку, сам не свой.

- Слушай, Джон, - говорит он. - Ты знаешь, что мы с тобой делаем? Мы путешествуем по воде!

- Тихо, тихо, - говорю я ему. - Возьми себя в руки. Через десять минут причалим.

- Ты взгляни на ту дамочку, на блондинку, - говорит он. - На ту, что на скамейке - видишь? А про негритоса ты забыл? А финансовые потери - монеты, которые у меня сперли, один доллар и шестьдесят пять центов? А?

Я подумал, что он просто-напросто подсчитывает свалившиеся на него беды - так иной раз делают, чтобы оправдать свое буйное поведение, и попытался втолковать ему, что все это, мол, пустяки.

- Послушай, - говорит Тобин, - ты ж не черта не смыслишь, что такое чудеса и пророчества, на которые способны избранные. Ну вспомни, что сегодня гадалка высмотрела у меня на руке? Да она всю правду сказала, все получается по ее, прямо у нас на глазах. "Берегись", сказала она, "брюнета и блондинки, они втянут тебя в неприятности". Ты что, забыл про негритоса - хоть я, правда, тоже врезал ему как надо, - а можешь ты найти мне женщину поблондинистей, чем та, из-за которой моя шляпа свалилась в воду? И где один доллар и шестьдесят пять центов, которые были у меня в жилетном кармане, когда мы выбирались из тира?

Так, как Тобин мне все это выложил, вроде бы точь-в-точь все сходилось с предсказаниями чародейки, хотя сдается мне, такие мелкие досадные случаи с кем хочешь могут приключиться на Кони, тут и предсказания не требуются.

Тобин встал, обошел всю палубу - идет и во всех пассажиров подряд впивается своими красными гляделками. Я спрашиваю, что все это значит. Никогда не знаешь, что у Тобина на уме, пока он не примется выкидывать свои штуки.

- Должен был сам смекнуть, - говорит он мне. - Я ищу свое счастье, которое обещали мне линии судьбы на моей ладони. Ищу типа с крючковатым носом, того, который вручит мне свою удачу. Без него нам крышка. Скажи, Джон, видел ты когда-нибудь такое сбоще прямоносых горлодеров?

В половине десятого пароход причалил, мы высадились и потопали домой через 22-ю улицу, минуя Бродвей - Тобин ведь шел без шляпы.

На углу, видим, стоит под газовым фонарем какой-то тип, - стоит и плялит глаза на луну поверх подземки. Долговязый такой, одет прилично, в зубах сигара, и я вдруг вижу, нос у него от переносицы до кончика успевает два раза изогнуться, как змея. Тобин тоже это приметил и сразу задышал часто, словно лошадь, когда с нее седло снимают. Он двинул прямиком к этому типу, и я

пошел вместе с ним.

- Добрый вечер вам, - говорит Тобин крючконосому. Тот вынимает сигару изо рта и так же вежливо отвечает Тобину.

- Скажите-ка, как ваше имя? - продолжает Тобин. - Очень оно длинное или нет? Может, долг велит нам познакомиться с вами.

- Меня зовут, - отвечает тип вежливо, - Фриденхаусман. Максимус Г. Фриденхаусман.

- Длина подходящая, - говорит Тобин. - А как оно у вас пишется, есть в нем где-нибудь посередке буква "О"?

- Нет, - отвечает ему тип.

- А все ж таки, нельзя ли его писать с буквой "О"? - опять спрашивает Тобин с тревогой в голосе.

- Если вам претит иноязычная орфография, - говорит носатый, можете, пожалуй, вместо "а" сунуть "о" в третий слог моей фамилии.

- Тогда все в порядке, - говорит Тобин. - Перед вами Джон Мэлоун и Дэниэл Тобин.

- Весьма польщен, - говорит долговязый и отвешивает поклон. - А теперь, поскольку я не в состоянии понять, с какой стати вы на углу улицы подняли вопрос об орфографии, не объясните ли мне, почему вы на свободе?

- По двум приметам, - это Тобин старается ему втолковать, которые обе у вас имеются, вы, как напророчила гадалка по подошве моей руки, должны выдать мне мое счастье и прикончить все те линии неприятностей, начиная с негра и блондинки, которая сидела на пароходе скрестив ноги, и потом еще финансовые потери - один доллар и шестьдесят пять центов. И пока все сошлося, точно по расписанию.

Долговязый перестал курить и глянул на меня.

- Можете вы внести какие-либо поправки к этому заявлению? - спрашивает он. - Или вы из тех же? Судя по вашему виду, я подумал, что вы при нем сторожем.

- Да нет, все так и есть, говорю я. - Все дело в том, что как одна подкова схожа с другой, так вы точная копия того поставщика удачи, про которого моему другу нагадали по руке. Если же вы не тот, тогда, может, линии на руке у Дэнни как-нибудь нескладно пересеклись, не знаю.

- Значит, вас двое, - говорит крючконосый, поглядывая, нет ли поблизости полисмена. - Было очень-очень приятно с вами познакомиться. Всего хорошего.

И тут он опять сует сигару в рот и движется быстрым аллюром через улицу. Но мы с Тобином не отстаем, - Тобин жмется к нему с одного бока, а я - с другого.

- Как! - говорит долговязый, останавливаясь на противоположном тротуаре и сдвинув шляпу на затылок. - Вы идете за мной следом? Я же сказал вам, говорит он очень громко, - я в восторге от знакомства с вами, но теперь не прочь распрощаться. Я спешу к себе домой.

- Спешите, - говорит Тобин, прижимаясь к его рукаву, - спешите к себе домой. А я сяду у вашего порога, подожду, пока вы утром выйдете из дома. Потому как от вас это зависит, вам полагается снять все проклятия - и негритоса, и блондинку, и финансовые потери - один доллар шестьдесят пять центов.

- Странный бред, - обращается ко мне крючконосый как к более разумному психу. - Не отвести ли вам его куда полагается?

- Послушайте, - говорю я ему. - Дэниэл Тобин в полном здравом рассудке. Может малость растревожился - выпил-то он достаточно, чтоб растревожиться, но не достаточно, чтобы успокоиться. Но ничего худого он не делает, всего-навсего действует согласно своим суевериям и предсказаниям, про которые я вам сейчас разъясню.

И тут я излагаю ему факты насчет гадалки и что перст подозрения указывает на него, как на посланца судьбы, чтобы вручить Тобину удачу.

- Теперь понятно вам, - заключаю я, какая моя доля во всей этой истории? Я друг моего друга Тобина, как я это разумею. Оно не трудно быть другом счастливчика, оно выгодно. И другом бедняка быть не трудно - вас тогда до небес превознесут, еще пропечатают портрет, как вы стоите подле его дома - одной рукой держите за руку сиротку, а в другой у вас совок с углем. Но многое приходится вытерпеть, тому кто дружит с круглым дураком. И вот это-то мне и досталось, - говорю я, - потому, как по моим понятиям, иной судьбы на ладошке не прочтешь, кроме той, какую

отпечатала тебе рукоятка кирки. И хоть, может, нос у вас такой крючковатый, какого не сыщешь во всем Нью-Йорке, я что-то не думаю, чтобы всем гадалкам и предсказателям вместе удалось выдоить из вас хоть каплю удачи. Но линии на руке у Дэнни и вправду на вас указывают, и я буду помогать ему вытягивать из вас удачу, пока он не увериться, что ничего из вас не выжмешь.

Тут долговязый начал вдруг смеяться. Привалился к углу дома и знай хохочет. Потом хлопает нас по спине, меня и Тобина, и берет нас обоих под руки.

- Мой, мой промах, - говорит он. - Но смел ли я рассчитывать, что на меня вдруг свалиться такое замечательное и чудесное? Я чуть не прозевал, чуть не дал маxу. Вот тут рядом есть кафе, - говорит он, - уютно и как раз подходит для того, чтобы поразвлечься чудачествами. Пойдемте туда, разопьем по стаканчику, пока будем обсуждать отсутствие и наличие безусловного.

Так за разговорами он привел нас, меня и Тобина, в заднюю комнату салуна, заказал выпивку и выложил деньги на стол. Он смотрит на меня и на Тобина как на родных братьев и угождает нас сигарами.

- Надо вам сказать, - говорит этот посланец судьбы, - что моя профессия называется литературой. Я брожу по ночам, выслеживаю чудачества в людях и истину в небесах. Когда вы подошли ко мне, я наблюдал связь надземной дороги с главным ночным светилом. Быстрое передвижение надземки - это поэзия и искусство. А луна - скучное, безжизненное тело, крутится бессмысленно. Но это мое личное мнение, потому что в литературе все не так, все шиворот-навыворот. Я надеюсь написать книгу, в которой хочу раскрыть то странное, что я подметил в жизни.

- Вы вставите меня в свою книгу, - говорит Тобин с отвращением. Вставите вы меня в свою книгу?

- Нет, - говорит литературный тип, - обложка не выдержит. Пока еще нет, рано. Пока могу только сам насладиться, ибо еще не подоспело время отменить ограничения печати. Вы будете выглядеть неправдоподобно фантастично. Я один, наедине с самим собой, должен выпить эту чашу наслаждения. Спасибо вам ребята, от души вам благодарен.

- От разговора вашего, говорит Тобин, шумно дыша сквозь усы, и стукает кулаком по столу, от разговора вашего того и гляди терпение мое лопнет. Мне была обещана удача через ваш крючковатый нос, но от него пользы, я вижу, как от козла молока. Вы с вашей трепотней о книгах словно ветер, который в щель дует. Я бы подумал, что ладонь моей руки наврала, если бы все остальное не вышло по гадалке - и негритос, и блондинка, и...

- Ну-ну, - говорит этот крючконосый верзила. - Неужели физиогномика способна ввести вас в заблуждение? Мой нос сделает все, что только в его возможностях. Давайте еще раз наполним стаканы, чудачеств хорошо держать во влажном состоянии, в сухой моральной атмосфере они могут подвергнуться порче.

На мой взгляд, тип этот поступает по-хорошему - за все платит и весело это делает, с охотой - ведь наши-то капиталы, мои и Тобина, улетучились по пророчеству. Но Тобин, разобиженный, пьет молчком, и глаза у него наливаются кровью.

Вскорости мы вышли, было уже одиннадцать часов. Постояли малость на тротуаре. А потом крючконосый говорит, что ему пора домой. И приглашает меня и Тобина к себе. Через пару кварталов мы доходим до боковой улицы, на которой стоят кирпичные дома - у каждого высокое крыльце и железная решетка. Долговязый подходит к одному такому дому, глядит на окна верхнего этажа, видит, что они темные.

- Вот мое скромное обиталище, - говорит он. - И по некоторым приметам я заключаю, что жена моя уже легла спать. Мне хочется, чтобы вы зашли вниз на кухню и немного подкрепились. Найдется и отличная холодная курица, и сыр, и пара бутылок пива. Я в долгую перед вами за доставленное удовольствие.

И аппетиты у нас с Тобином, и настроение подходили к такому плану, хотя для Дэнни это был удар: тяжко было ему думать, что несколько стаканов выпивки и холодный ужин означают удачу и счастье, обещанное ладонью его руки.

- Спускайтесь к черному ходу, - говорит крючконосый, - в я войду здесь и впущу вас. Я попрошу нашу новую прислугу сварить вам кофе - для девушки, которая всего три месяца как прибыла в Нью-Йорк, Кэти Махорнер отлично готовит кофе. Заходите, - говорит он, - я сейчас пришлю ее к вам.

Методы Шенрока Джольнса

Я счастлив, что могу считать Шенрока Джольнса, великого нью-йоркского детектива, одним из моих друзей. Джольнса, по всей справедливости, можно назвать мозгом городского детективного дела. Он - большой специалист по машинописи, его обязанности заключаются в том, чтобы в дни расследования "тайны убийства" сидеть в главной полицейской квартире, за настольным телефоном, и принимать донесения "фантазеров", докладывающих о преступлении.

Но в иные дни, более свободные, когда донесения приходят очень вяло, а три или четыре газеты уже успели растирнуть по всему миру и назвать некоторых преступников, Джольнс предпринимает со мной прогулку по городу и, к моему величайшему удовольствию, рассказывает о своих чудеснейших методах наблюдения и дедукции. Как-то на-днях я ввалился в главную квартиру и нашел великого детектива сосредоточенно глядящим на веревочку, которая была туга перевязана на его мизинце.

- Доброе утро, Уотсуп! - сказал он, не поворачивая головы:- я очень рад, что вы наконец осветили свою квартиру электричеством!

- Я очень прошу вас сказать мне, каким образом вы узнали про это? воскликнул я, пораженный. - Я уверен, что я до сих пор никому ровно даже не намекнул об этом! Электричество было проведено неожиданно, и только сегодня утром закончилась проводка.

- Да ничего легче быть не может! - весело ответил мне Джольнс. - Как только вы вошли, я тотчас же почувствовал запах вашей сигары. Я понимаю толк в дорогих сигарах и знаю еще, что лишь три человека в Нью-Йорке могут позволить себе курить хорошие сигары и в то же время оплачивать нынешние счета газового общества. Это - чепушная задача!

А вот я сейчас работаю над другой, моей собственной проблемой!

- А что за веревочка на вашем пальце? - спросил я.

- Да вот в ней-то и заключается моя проблема! - ответил Джольнс. Жена повязала эту веревочку сегодня утром для того, чтобы я не забыл послать что-то домой. Присядьте, Уотсуп, и простите... Я только несколько минут.

Выдающийся детектив подошел к стенному телефону иостоял, с трубкой у уха, минут десять.

- Принимали донесение?-спросил я после того, как он вернулся на свое место.

- Возможно, - с улыбкой взразил Джольнс: - до известной степени это тоже может быть названо донесением. Знаете, дружище, я буду с вами вполне откровенен. Я, что называется, переборщил. Я увеличивал да увеличивал дозы, и теперь дошло до того, что морфий совершенно перестал оказывать на меня действие. Мне необходимо теперь что-то посильнее! Этот телефон сейчас соединял меня с одной комнатой в отеле "Уольдорф", где автор читал свое произведение. Ну-с, а теперь перейдем к разрешению проблемы этой веревочки.

После пяти минут самой сосредоточенной тишины, Джольнс посмотрел на меня с улыбкой и покачал головой.

- Удивительный человек! - воскликнул я: - уже??

- Это очень просто! - сказал он, подняв палец.- Вы видите этот узелок? Это для того, чтобы я не забыл!

Значит, он-незабудка! Но незабудка есть цветок (Совершенно непереводимая игра слов. В оригинале сказано "It is a forget-me-knot! A forget-me-not is a flower. It was a sack of flour that I was to send home". Прим. перев.) и, следовательно, речь идет о мешке муки, который я должен послать домой.

- Замечательно! - не мог я удержать крик изумления.

- Не угодно ли вам пройтись со мной? - предложил Джольнс. - В настоящее время можно говорить только об одном значительном случае, сказал он мне. - Некий Мак-Карти, старик ста четырех лет от роду, умер от того, что объелся бананов. Все данные так убедительно указывали на мафию, что полиция окружила на Второй Авеню Катценъяммер Гамбринус Клуб № 2, и поимка убийцы - только вопрос нескольких часов. Детективные силы еще не призваны на помощь.

Мы с Джольнсом вышли на улицу и направились к углу, где должны были сесть в трамвай. На полпути мы встретили Рейнгельдера, нашего общего знакомого, который занимал какое-то

положение в Сити-Холл.

- Доброе утро! - сказал Джольинс, остановившись.- Я вижу, что вы сегодня хорошо позавтракали.

Всегда следя за малейшими проявлениями замечательной дедуктивной работы моего друга, я обратил внимание на то, что Джольинс бросил мгновенный взгляд на большое желтое пятно на груди сорочки и на пятно поменьше на подбородке Рейнгельдера. Несомненно было, что эти пятна оставлены яичным желтком.

- Опять вы пускаете в ход ваши детективные методы!-воскликнул Рейнгельдер, улыбаясь во весь рот и покачиваясь от смеху. - Ладно, готов побиться об заклад на выпивку и сигары, что вы никак не отгадаете, чем я сегодня завтракал.

- Идет! - ответил Джольинс: - сосиски, черный хлеб и кофе!

Рейнгельдер подтвердил правильность диагноза и заплатил пари.

Когда мы пошли дальше, я обратился к моему другу за разъяснением:

- Я думаю, что вы обратили внимание на яичные пятна на его груди и подбородке?

- Верно!-отозвался Джольинс: - я именно с этого и начал! Рейнгельдер - очень экономный и бережливый человек. Вчера яйца на базаре упали до двадцати восьми центов за дюжину. Сегодня же они стоили сорок два цента. Рейнгельдер вчера ел яйца, а сегодня уже вернулся к своему обыденному меню. С такими мелочами необходимо считаться: они очень значительны. С ними знакомишься в приготовительном классе: это - арифметика нашего дела!

Когда мы вошли в трамвай, то сразу увидели, что все места заняты преимущественно женщинами. Мы с Джольинсом остались на задней площадке.

Приблизительно посреди вагона сидел пожилой господин с короткой седенькой бородкой, который производил впечатление типичного, хорошо одетого ньюйоркца. На следующих остановках в вагон вошло еще несколько женщин, и уже три-четыре дамы стояли около седого господина, держась за кожаные ремни к выразительно глядя на мужчину, который занимал желанное место. Но тот решительно удерживал свое место.

- Мы, нью-йоркцы, - сказал я, обратясь к Джольинсу, - настолько утратили свои былые манеры, что даже на людях не придерживаемся правил вежливости!

- Очень может быть! - легко ответил Джольинс:- но этот господин, о котором вы, вероятно, сейчас говорите, уроженец Старой Виргинии и притом очень вежливый и услужливый человек! Он провел несколько дней в Нью-Йорке, тут же с ним его жена и две дочери, и все они сегодня ночью уезжают на Юг.

- Вы, оказывается, знаете его?-воскликнул я. смутившись.

- Я никогда в жизни, до тех пор, пока мы не вошли в вагон, не видел его! - улыбаясь, ответил детектив,

- Но тогда, во имя золотых зубов Эндорской ведьмы, объясните мне, что это значит! Если все ваши заключения сделаны лишь на основании одной видимости, то не иначе, как вы призвали на помощь черную магию!

- Нет, это привычка к наблюдениям, и ничего больше! - ответил Джольинс.-Если этот старый джентльмен выйдет из вагона до нас, то надеюсь, что мне удастся доказать вам всю правильность моего вывода. Через три остановки господин встал, с намерением выйти из вагона. В дверях мой друг обратился к нему:

- Простите великодушно, сэр, но не будете ли вы полковник Гюнтер из Норфолька, Виргиния?

- Нет, сэр! - последовал исключительно вежливый ответ:- моя фамилия, сэр, - Эллисон! Я - майор Унфельд Р. Эллисон, из Ферфакса в том же штате. Я, сэр, знаю очень много людей в Норфольке - Гудришей, Толливоров и Кребтри, сэр, но до сих пор я не имел удовольствия встретить там вашего друга полковника Гюнтера. Весьма рад доложить вам, сэр, что сегодня ночью я уезжаю в Виргинию, после того как провел здесь вместе с женой и тремя дочерьми несколько дней. В Норфольке я буду приблизительно через десять дней, и, если вам угодно назвать мне ваше имя, то я с удовольствием повидаюсь с полковником Гюнтером и передам, что вы справлялись о нем.

- Душевно благодарю вас, - отозвался Джольинс:- уж раз вы так любезны, то я прошу

передать ему привет от Рейнольдса. Я взглянул на великого нью-йоркского детектива и сразу заметил выражение печали на его строгом, с четкими линиями, лице. Самая маленькая ошибка в определении всегда огорчала Шенрока Джольнса.

- Вы, кажется, изволили говорить о ваших трех дочерях? - спросил он джентльмена из Виргинии.

- Да, сэр, у меня три дочери, самые очаровательные девушки во всем графстве Ферфакс! - последовал ответ

С этими словами майор Эллисон остановил вагон и начал спускаться со ступенек.

Шенрок Джольнс схватил его за руку.

- Один момент, сэр! - пробормотал он учтиво, и только я уловил в его голосе нотку волнения:- я не ошибусь, если скажу, что одна из ваших дочерей - приемная?

- Совершенно верно, сэр! - подтвердил майор, уже стоя на земле: - но какого дьявола... каким образом вы узнали это? Это - превосходит мое понимание...

- И мое. - сказал я, когда трамвай двинулся дальше. Оправившись после своей явной ошибки, Шенрок Джольнс уже вернулся себе свою обычную ясность и наблюдательность, а вместе с тем и спокойствие. Когда мы вышли из вагона, он пригласил меня в кафе обещая познакомить с процессом своего последнего изумительного открытия.

- Во-первых, - начал он, когда мы устроились в кафе: - я определил, что этот джентльмен - не нью-йоркец потому, что он покраснел и чувствовал себя неловко и неспокойно под взглядами женщин, которые стояли около него,хоть он и не встал и не уступил никому из них своего места. По внешности же его я легко определил, что он скорее с Юга, нежели с Запада. А затем я задался вопросом: почему он не уступил места какой-нибудь женщине в то время, как он довольно, но не достаточно сильно чувствовал потребность сделать это? Этот вопрос я очень скоро разрешил. Я обратил внимание на то, что угол одного из его глаз значительно пострадал, был красен и воспален, и что, кроме того, все его лицо было утыкано маленькими точками, величиной с конец неочищенного карандашного графита. И, еще. на обоих его патентованных кожаных башмаках было большое количество глубоких отпечатков, почти овальной формы, но срезанных с одного конца.

- А теперь примите во внимание следующее: в Нью-Йорке имеется только один район, в котором мужчина может получить подобные царапины, раны и отметины, и это место - весь тротуар Двадцать Третьей улицы и южная часть Шестой авеню. По отпечаткам французских каблучков на его сапогах и по бесчисленным точкам на его лице, оставленным дамскими зонтиками, я понял, что он попал в этот торговый центр и выдержал баталию с амазонскими войсками. А так как у него очень умное лицо, то мне ясно стало, что по собственному почину он никогда не отважился бы на подобную опасную прогулку, а был вынужден к тому собственным дамским отрядом.

- Все это очень хорошо, - сказал я: - но объясните мне, почему вы настаивали на том, что у него имеются дочери, и, к тому же еще, две дочери? Почему бы одной жене не удалось взять его в тот самый торговый район?

- Нет, тут обязательно были замешаны дочери! - спокойно возразил Джольнс: - если бы у него была только жена и его возраста, он заставил бы ее, чтобы она одна отправилась за покупками. Если бы у него была молодая жена, то она сама предпочла бы отправиться одна. Вот и все!

- Ладно, я допускаю и это! - сказал я. - Но теперь: почему две дочери? И еще. заклинаю вас всеми пророками, объясните мне, как вы догадались, что у него одна приемная дочь, когда он поправил вас и сказал, что у него три дочери?

- Не говорите "догадался"! - сказал мне Шенрок Джольнс с оттенком гордости в голосе: - в нашем лексиконе не имеется таких слов! В петлице майора Эллисона были гвоздика и розовый бутон на фоне листа герани. Ни единая женщина не составит комбинации из гвоздики и розового бутона в петлице. Предлагаю вам, Уотсуп. закрыть на минуту глаза и дать волю вашей фантазии. Не можете ли вы представить себе на одно мгновение, как очаровательно милая Адель укрепляет на лацкане гвоздику для того, чтобы ее папочка был произящнее на улице? А вот заговорила ревность в ее сестрице Эдит, и она спешит вслед за Аделю вдеть в ту же петлицу и с той целью

украшения розовый бутон, вы и это видите?

- А потом,- закричал я, чувствуя, как мной начинает овладевать энтузиазм:- потом, когда он заявил, что у него три дочери...?

- Я сразу увидел на заднем фоне девушку, которая не прибавила третьего цветка, и я понял, что она должна быть...

- Приемной дочерью!-перебил я его: - вы поразительный человек! Скажите мне еще, каким образом вы узнали, что они уезжают на Юг сегодня же ночью?

И великий детектив ответил мне:

- Из его бокового кармана выпирало что-то довольно большое и овальное. В поездах очень трудно достать хороший виски, а от Нью-Йорка до Ферфакса довольно долго ехать!

- Я снова должен преклониться перед вами! - сказал я. - Разъясните мне еще одну вещь, и тогда исчезнет последняя тень сомнения. Каким образом вы решили, что он - из Виргинии?

- Вот в чем я согласен с вами: тут была очень слабая примета! ответил Шенрок Джольинс. - Но ни один опытный сыщик не мог бы не обратить внимания на запах мяты в вагоне.

Миг победы

Бен Грейндженер, двадцати девяти лет от роду, ветеран войны - как вам следует догадаться, недавней (1). В городке Кадисе, постоянно продуваемом ветрами с Мексиканского залива, он ведает почтой и держит на себе всю торговлю.

Бен помог выбрать испанца из твердыни на Больших Антильских островах, а потом, прошагав полмира, туда-сюда прохаживался в качестве классного наставника между партами школы на открытом воздухе, где в пламени горящих тропиков мы наставляли на ум взбунтовавшегося филиппинца. Теперь, когда штык его источился в нож для резки сыра, немногочисленная гвардия закадычных друзей Бена проводит сбор уже не в чаще джунглей Минданао, а под сенью его славно срубленной веранды. Бен всегда отдавал предпочтение делам перед словами, хотя не чуждается также рассуждения и проникновения в суть мотива, как подтверждает следующая рассказанная им история.

- С чего бы это, - спросил он меня как-то лунным вечером, когда мы сидели среди его бочек и ящиков - вообще сдалось людям пускаться в опасности, нужды, пожары, беды, битвы и прочие такие крайности? На что это человеку? Зачем он стремится превзойти ближнего, быть смелее, сильнее, наглее и во всем заметнее даже лучших друзей? Чего ради? Ведь не ради того, чтобы просто глотнуть свежего ветерка да поразмяться. Твое мнение, Билл: с какой целью нормальный мужик, вообще говоря, добавляет своих честолюбия и возни в суetu безмерную на базарных площадях и в ученых диспутах, в тирах, читальнях, на полях сражений и площадках для гольфа, беговых дорожках, аренах и в прочих уголках белого света, цивилизованных и наоборот?

- Полагаю, Бен, - по здравом рассуждении ответил я, - все причины, побуждающие человека искать славы, могут быть с уверенностью сведены к трем: честолюбию, то есть жажде всеобщего восторга, алчности, что видит в успехе его материальную сторону, и любви некой женщины, принадлежащей ему либо желанной.

Бен размышлял над моими словами, пока пересмешник на верхушке москитного дерева у веранды исполнил трелей на дюжину тактов.

- Я считаю, - сказал он - что, руководствуясь правилами, прописанными во всяческих книжках и исторических альманахах, ты поставил диагноз почти исчерпывающий. Но мне пришел на память один прежний знакомец мой, Вилли Роббинс. Расскажу тебе о нем, если не возражаешь, и пойду запирать на ночь лавочку.

Вилли был из тех ребят, с которыми я в Сан-Августине водился. Я там в фирме работал - "Бренди и Мерчисон", готовое платье и товары для ранчо оптом. Вилли я знал и по танцевальным вечерам, и по спортивному клубу, и в роте одной служили. Бывало, каждую неделю все наши скопом нарявали для потехи серенаду или quartet где-нибудь на улице по три ночи кряду, и Вилли исправно звонил в треугольник.

Ему его имя очень подходило. Грузный такой, жирнастый, и выражение лица в точности как

у безутешного агнца, покинутого на произвол судьбы: "Где ты скрылась, моя Мэри?"(2) Для полноты картины недоставало только овечьей шерсти.

И вот этого Вилли от девушек было колючей проволокой не отгородить. Знаешь, есть такие парни - не поймешь, не то он святой, не то чокнутый; рвется в атаку, а от каждого шага дрожит, но коли выдался подходящий случай, тут уж он отважно приступает и принимается клеить. Вилли вечно крутился на "увеселительных мероприятиях", как выразилась бы утренняя газета: физиономия сияет и лучится, чистый клоун, а самочувствие прескверное, точно у сырой устрицы под сладким соусом. Танцор он был такой же, как стреноженная лошадь, и еще у него был экстренный словарный запас - примерно три с половиной сотни фраз, которых ему врастяжку хватало на четыре еженедельные танцульки и еще дотянуть худо-бедно, подергивая оттуда словечки, до конца двух пикников и одного воскресного вечера. Вилли представлялся мне некой смесью малтийского кота, растения "мимоза стыдливая" и акционера погорелой компании "Сирота и Беспрizорный".

Я тебе опишу его конституцию, внутреннюю и внешнюю, а затем пришпорю течение рассказа.

Вилли мог сойти за тип истинного белого человека по расцветке и повадкам. Волосы его блеклые, как молочные пенки, и разговор бессвязный. Глаза голубые - вот такого же оттенка, как у фарфорового кутенка, что стоит у твоей тетушки Эллен на каминной полке с правого края. Взгляд на вещи имел он безыскусный, ни разу меня по-настоящему не разозлил. Ни я, ни другие жить ему не мешали.

Ничего ему не оставалось, как обмануть себя надеждой и вручить сердце Майре Элисон - самой живой, очаровательной, бойкой, сметливой и привлекательной из всех сан-августинских девушек. Эти черные, как ночь, глаза, эти чудные локоны, и притом такая мучительная...мимо, Билл, мимо. Не был я среди ее жертв - мог бы быть, но поостерегся. Первенство здесь принадлежало Джо Гренберри. Прочих соискателей он разворачивал и посыпал бегом на две лиги в восточном направлении, и далее прямиком в лучший мир. Но все равно, о Майре в нашем kraю мечтали не меньше, чем о спросе на партию чистейшего мериносового руна, упакованного по девять фунтов и отправленного четверкой в СанАнтонио на продажу.

Раз жена полковника Спраггина устраивала вечеринку с мороженым. Для нас, парней, во втором этаже отвели большую комнату, чтобы там оставить верхнюю одежду, причесаться и нацепить свежие воротнички - мы принесли их, засунув за шляпные ленты. Короче, как принято в высшем свете, отдельное помещение для марафета. Немного дальше по коридору для девушек тоже была комната, они там пудрились и наводили красоту. Наши ребята - то бишь "Общество содействия кадрили и хорошему настроению жителей г. Сан-Августин" - как водится, натянули веревочку внизу, в зале, где танцевали.

Нам с Вилли Роббинсом случилось быть вдвоем в мужской комнате нет, это называлось "гардероб" - когда Майра Элисон, вечная озорница, проходила мимо по пути из девичьей комнаты вниз. Вилли стоял перед зеркалом, с великим тщанием и ответственностью приглашивая белесую лужайку у себя на макушке, что, по-видимому, без боя ему не удавалось. А Майра - ей бы что-нибудь учудить, жизнелюбке! Она остановилась и сунулась к нам. Хороша она была, нет спору. Но я помнил о Джо Гренберри. Да и Вилли помнил, но вздыхать и охать вокруг Майры все равно не прекращал. Упорство его осадной стратегии не слишком увязывалось с молочными волосами и фарфорового цвета глазками.

- Привет, Вилли, - говорит Майра. - Наряжаешься?

- Да, - отвечал он.- Хочу глядеть молодцом.

- Хотеть - не быть, Вилли, - сказала Майра со своим особым хохотком и скрылась.

Этот ее хохоток был самым издевательским звуком, какой мне приходилось слышать в жизни, после настырного дребезжания пустой войсковой кухни сквозь техасскую шляпу.

Майра ушла, а я смотрю на Вилли. Он в одночасье спал с лица - ты бы сказал, Билл, что ее слова возмутили его душу. Правда, я не замечал, чтобы Майра тогда или еще когда говорила что-нибудь особо оскорбительное для мужского достоинства. Но Вилли был совершенно убит, уничтожен - и представить трудно, до чего.

Потом, когда мы уже при свежих воротничках спустились в залу, Вилли к Майре ни разу за

весь вечер не подошел. Вообще, он был не малый, а простокваша, и ничего удивительного, что против Джо Гренберри никаких шансов не имел.

На следующий день погиб линкор "Мэн", и вскорости затем, по-моему, Джо Бейли (3) - или Бен Тиллман (4), или, не знаю, правительство - в общем, кто-то там объявил войну Испании.

Понятно, с южной стороны линии Мейсона и Хемлина (5) все знали, что Северу в одиночку эдакую громадную Испанию нипочем не разбить. Так что северяне кликнули клич о помощи, и наш браток-мятежник отозвался. Песню сложили: "На зов твой, папа Вильям, идем, сто тысяч сильных, все вместе, как один". И старые границы, начерченные маршем Шермана (6), и Клан, и хлопок по девять центов за фунт, и указы, чтоб черным на одних трамваях с белыми не ездить - все забылось, сразу. Мы стали - единая неразделенная страна совсем без Севера, с крохотным Востоком, довольно приличным ломтем Запада и Югом, широким и ярким, как первая загородная гостиничная наклейка на новехоньком восьмидолларовом чемодане.

В стае псов войны был бы, разумеется, недочет без стрелков - санавгустинцев из четвертой роты четырнадцатого техасского полка. Наша рота в числе передовых высадилась на Кубе и вселила страх в сердца врагов. Историю войны я рассказывать не буду, я ее сюда приплетаю только для полноты рассказа о Вилли Роббинсе, совсем как республиканцы приплели ее к выборам девяносто восьмого года.

Если в ком жила когда-нибудь болезненная доблесть, так в этом вот Вилли Роббинсе. Едва вступив на землю деспотов кастильских, он, казалось, поглощал опасность как сметану кот. Он несомненно ошеломил в нашей роте всех до одного, начиная с капитана. Ты бы ожидал, что он осядет естественным порядком на должности полковничего ординарца или стража армейского магазина - ан нет. Он прибрал себе партию белокурого юного удальца, который отправляется и возвращается при багаже обратно на свои позиции, а не испускает дух у ног полковника, сжимая важный пакет.

Наша рота попала на участок кубинского театра, где протекала одна из самых сумбурных и бесславных частей той кампании. Дни тянулись, погруженные в петляние по кустарникам и мелкие стычки с испанскими отрядами, что более всего выглядело распрыами через силу. Эта война для нас была шуточка и для них безразлична. Чтобы сан-августинские стрелки взарападу бились за честь звездно-полосатого флага - визгливый балаган это был и только, по нашему мнению. А клятым сеньорчикам платили недостаточно, чтобы размышлять, патриоты они или предатели. Время от времени кого-нибудь убивали. Я думал - зрящая смерть. Довелось мне быть на Кони-Айленде, когда я однажды в Нью-Йорк ездил, так там одна из тех машинок, что обрушиваются сверху и называются "русские горки", слетела с рельсов и убила человека в раздутом коричневом пиджаке. Всякий раз, когда испанцы убивали одного из наших, я поражался смерти, в-точь такой же горестной и нелепой.

Да. Но речь у нас о Вилли Роббинсе.

Он поринул к брани, лаврам, честолюбивым стремлениям, отличиям, продвижениям и прочим формам боевой славы. И не похоже было, чтобы ему внушали испуг признанные формы боевой опасности, то есть испанцы, артиллерийские снаряды, мясные консервы, порох либо блат обыкновенный. Он шел вперед со своими льняными кудрями и фарфорово-лазурными глазами и пожирал испанцев как ты - сардинки. Войны и громы войн никогда не вселяли в него смятения. Стояние в карауле, москитов, армейский харч, медные трубы и огонь сносил он с равно отменным безразличием. Никто из исторических блондинов не достоин идти даже в приблизительное сравнение с ним, исключая валета бубен и Всероссийскую царицу Екатерину.

Помню, однажды кабальеро небольшим отрядцем неспешно вышли из-за зарослей сахарного тростника и застрелили Боба Тернера, первого сержанта в нашей роте, пока мы обедали. В соответствии с воинским уставом мы применили обычную тактику: построившись в шеренгу, приветствовали неприятеля и отдали ружейный салют, преклонив колена.

Не так дерутся техасцы, но, будучи неотъемлемым привеском регулярной армии, сан-августинские стрелки принуждены были подчиняться правилам сведения счетов, составленным в штабе за contadorкой.

К тому времени, как мы извлекли аптонову "Тактику боя" (7), открыли пятьдесят седьмую страницу, сосчитали с дважды до раз-два-трех-раздва-трех и забили в винтовки холостые

патроны, испанский отряд, многоократно улыбнувшись, скатал сигареты, прикурил от нашего разряженного в воздух оружия и презрительно удалился.

Я прямиком к капитану Флойду и говорю ему:

- Сэм, я не думаю, что эта война - честная игра. Ты, как и я, знаешь, что Боб Тернер был парень из лучших, кто когда-либо перекидывал ногу через седло, и вот вавшингтонские петрушечники его кончили. Смачно и откровенно. Не по правде это. Одно и то же, к чему это нужно? Хотят разбить Испанию - почему не взять стрелков - санавгустинцев и роту подрывников позадорнее, в придачу к вагону шерифовских помощников со всего Западного Техаса, да не бросить нас против испанцев, мы стерли бы их с лица земли! Меня никогда особо не заботило, - говорю, - чтобы вести бокс строго по правилам лорда Честерфилда (8). Я подаю в отставку и еду восвояси - насчет других не знаю, но я был ранен этой войной. Если у тебя, Сэм, есть мне замена, говорю, - уеду в ближайший понедельник. В армии, где не дают солдатам сказать свое, я работать не согласен. А что до моих денег, - говорю, пусть Секретарь Казначейства оставит их себе.

- Вот что, Бен, - отвечает мне капитан - выводы, высказанные тобою в отношении ведения военных действий, правительства, патриотических чувств, демократии и желательной смены караула в целом верны. Но я, возможно, всмотрелся в систему разрешения международных столкновений и этику законно допустимого человекаубийства несколько ближе твоего. Подавай в отставку хоть в этот понедельник, раз уж так настроился. Только тогда - говорит Сэм - я прикажу караульным стащить тебя к известняковому обрыву у речки и всадить в тебя довольно свинца, чтобы хватило на балласт для подводного дирижабля. Я в этой роте капитан, и присягал на верность семье великих Штатов вне зависимости от частных, региональных и межпартийных несогласий. Табак закурить есть у тебя? кончил Сэм. - А то я промочил свой, когда сегодня утром ту речушку переплыval.

Я разглашаю эту сугубо личную беседу лишь потому, что Вилли Роббинс при ней присутствовал и слушал. В то время он был рядовым, а я младшим сержантом, но всевозможные тактики и субординации никогда не были у нас, техасцев, людей Запада, в такой чести, как в регулярной армии. К своему капитану мы обращались не иначе как "Сэм" - разве что кругом роятся генерал-майоры и адмиралы, надзирая за дисциплиной.

И заявляет мне Вилли Роббинс в тональности суровой и резкой, что полностью вразнобой с его светлыми волосами и устоявшейся репутацией:

- За эти низкие чувства ты заслуживаешь пули, Бен. Мужчина, не согласный биться за свою страну, мерзавец хуже конокрада. На месте капитана, я посадил бы тебя на тридцать дней на гауптвахту жрать коровий огузок и перченую кукурузу. Война, - говорит Вилли, - есть великое и славное дело. Я не подозревал, что ты трус.

- Я не трус - говорю. - Трусили бы - пересчитал бы белесые былинки на твоем мраморном челе. Тебя, как и испанцев, я терплю, - говорю потому что ты мне всегда сдавался похожим на изделие в грибочках. Крошка леди Шалотт (9), - говорю - недоспелый чемпион кадрили, глянцевая фифочка в непревзойденных формах, деревянный солдатик ты, где-то к югу от Альп выточенный к прошлой новогодней распродаже, ты соображаешь, о ком ты эти слова сказал? Мы вращались в одном кругу, говорю, - и уживались, потому что ты казался кроток до самоуничижения. Мне не понять, с чего вдруг донкихотство и резня сделались близки твоему сердцу. Полное перерождение натуры. Как тебе удалось?

- Тебе, Бен, все равно не понять, - говорит Вилли с отточенной улыбкой и хочет идти.

- Поворотись! - говорю я, хватая его за полу кителя. - Взбесил-таки ты меня, пусть до сих пор мне и не было до тебя никакого дела. Стремишься достичь успеха на поприще геройских дел - я думаю, что знаю, с какой стати. Ты дурень, либо надеешься некую барышню заполучить таким манером. И если дело в барышне, я тебе сейчас кое-что покажу.

Не в уме я тогда был, а то ни за что бы этого ни сделал. Я вытащил из заднего кармана сан-августинскую газету и указал ему одну заметку. Там было с полколонки про свадьбу Майры Элисон и Джо Гренберри.

Вилли засмеялся и я понял, что не задел его.

- О.. - говорит, - все знали, куда тут дело клонится. Неделю назад я про это слышал. - И опять усмехнулся мне в лицо.

- Хорошо, - говорю я. - К чему тогда тебе столь беспечно тянуться за радужным сиянием славы? Думаешь избраться в президенты или вступил в клуб самоубийц?

Здесь встревает капитан Сэм.

- Джентельмены, отставить треп и возвратиться в казарму, - говорит он. - А не то в караулку велю вас препроводить. Живо вон, оба! Пока вы еще здесь - табачок пожевать у кого найдется?

- Уходим, Сэм, - говорю я. - Все равно, пора обедать. Но выскажись и ты о нашем споре. Я замечал и за тобой много попыток зацепить дутый пузырь под названием слава. Что все-таки значит воля к превосходству? За что человек рискует своей жизнью изо дня в день? Тебе известно, что там ждет в конце, достойное всех этих треволнений? Я хочу вернуться домой, - говорю. - Мне не важно, поплынет ли, потонет ли Куба, и я не пожертвую трубкой табаку, королева София Кристина или Чарли Калберсон (10) воцарится на этих дивных островах. Я хочу числиться только в списках живых. Но я примечал не однажды, - говорю, - как ты, Сэм, выискиваешь химерных отличий в пушечных жерлах. Зачем оно тебе? Желаешь ощутить собственное превосходство, имеешь деловой интерес, или ради благосклонности некой Дианы в веснушках геройствуешь?

- Знаешь, Бен, - говорит Сэм, и чуть поправляет саблю между коленей, - как твой начальствующий офицер, я бы мог отдать тебя под трибунал за малодушную попытку дезертирства. Но я не стану. Я скажу тебе, зачем я стараюсь выдвинуться и ищу почестей, свойственных сражению. Майор получает больше капитана, мне нужны деньги.

- Ты точен, - говорю я. - Я могу это понять. Твои пути соискания славы уходят корнями в самую суть патриотизма. Но в толк не возьму, говорю, - отчего Вилли Роббинс, чьи сородичи дома отнюдь не бедствуют, смиренный и прячущийся от чужого глаза, как котяра с остатками сметаны на усах, вмиг развился в отважного воителя с ярко выраженным огнеглотательскими наклонностями. Девушка в данном случае вроде бы отпадает, так как вышла за другого. По-моему, - говорю, - здесь мы имеем банальный пример общезвестного честолюбия. Ему надо, чтоб звук его имени гремел превыше власти особо уполномоченных по времени. Должно быть, так.

Но, без перечисления его деяний, скажу: по части геройства Вилли действительно преуспел. Он попросту все время на коленях стоял, умоляя нашего капитана отправлять его на безнадегу и на самый риск. В любом бою он первый рвался в рукопашную с дон альфонсами. Заработал себе три-четыре пули в различные участки организма. Однажды выступил с командой всего в восемь человек и пленил целую испанскую роту. Капитан Флойд, не зная роздыху, строчил в штаб похвалы его отваге; и все возможные награды стали скапливаться у Вилли - за героизм и за меткость, и за мужество, и за своевременную инициативу, и за беспрекословную дисциплину, и за все мелкие достижения, что так по сердцу низшим чинам департамента по войнам.

В конце концов капитан наш Флойд был произведен не то в генералмайоры, не то в конные командиры передового стада или вроде того. Он разъезжал на белом коне весь позорно изгаженный, в золотых листочках, куриных перышках и при шляпе как у доброго трезвенника, и по уставу ему было запрещено общаться с нами. А Вилли Роббинса сделали в нашей роте капитаном.

Но и тогда, похоже, ему еще не открылась щетка славы. Насколько я понимаю, ту войну закончил именно он. Восемнадцать наших ребят - и его друзей - отдали жизнь в битвах, которые сам же он заварил и которые мне казались совершенно без надобности. Как-то ночью он, взяв с собою двенадцать наших, перебрел ручищко всего каких-нибудь сто девяносто ярдов шириной, да перелез гору-другую, да прокрался с милю сквозь темную чащу кустов, да перемахнул один-два каньона, коварно проник в нищую деревушку и захватил там испанского генерала - именем вроде бы Бенни Видас. По мне так Бенни вовсе того не стоил: на вид никчемный грязнуля, босой и бесштанный, он сдался с радостью и тотчас кинулся на наши припасы - обжирать неприятеля.

Все же эта работа принесла Вилли, что он хотел - молву. Санавгустинские "Новости", газеты Галвестона, Сент-Луиса, Нью-Йорка и Канзас-Сити вышли с его портретом и целыми колонками материала о нем. Старина Сан-Августин попросту спятил на своем "отважном сыне". Редакционная статья "Новостей" слезно умоляла правительство распустить и регулярную армию, и ополчение, и пусть его Вилли воюет дальше в одиночку. А не то - говорилось в газете - отказ

должен быть расценен как прямое свидетельство, что зависть северян Югу по-прежнему неугасима.

Кабы война вскорости не окончилась, не знаю, до каких высот телячьих восторгов и золотых галунов докарабкался бы Вилли, но мир вернулся. Военные действия прекратились ровно через три дня после того, как Вилли был назначен полковником, получил заказным еще три медали и пристрелил двух испанцев, пивших в засаде лимонад.

Кончилась война, и наша рота возвратилась в Сан-Августин. Больше деваться было некуда. И что ты думаешь? Любимый город посредством печати, телеграфа, нарочного, и негра Саула, прибывшего на мule в СанАнтонио, уведомил, что в нашу честь ожидается питательное, поздравительное и очень увеселительное пиршество, какое никогда еще не сотрясало песчаных равнин во всей округе.

В нашу честь, я сказал, но на деле все предназначалось Вилли Роббинсу, по сути бывшему уже капитану и пока не вступившему в должность полковнику. Помешался, помешался на нем наш город! Сообщали, что новоорлеанский Марди-Гра померкнет перед будущим праздником как чаепитие у тетушки викария в захолустье.

В урочное время стрелки - сан-августинцы прибыли домой. Весь город был на вокзале и - хороши мятежники! - орал во здравие демократов с Рузвельтом. Два духовых оркестра, мэр, еще школьницы в белых фартучках бросали на мостовую розы Чероки и перепугали всех лошадей - ну, как гуляет город далеко от моря и вовсе без воды, у тебя, верно, есть понятие. (11)

Хотели скороспелого полковника Вилли усадить в экипаж, чтобы его проводили до самых казарм именитые граждане и даже некоторые старейшины города, но он не оставил свою роту и прошел во главе ее по Сэм Хьюстон Авеню. Справа и слева с домов свешивались флаги и публика, вопили "Роббинс!" или там "Здорово, Вилли!", а мы шагали по четверо в ряд. В жизни не встречал я человека более сиятельного вида, чем был тогда Вилли. Ордена, медали и значки всех мастей покрывали защитную грудь его, и, само собой, его персоны была гордостью всех и каждого.

На станции нам сказали, что будет иллюминация в здании суда в половине восьмого и в отеле "Палас" мясо с перцем по-мексикански под славословие. Мисс Дельфина Томпсон должна была читать новое стихотворение Джеймса Уайткомба Райана (12), а констебль Хукер обещал салют из девяти орудий, следовавших из Чикаго и нарочно задержанных им в тот же день.

После того, как на казарменном плацу наша рота рассеялась, Вилли мне говорит:

- Не пройдешься со мной в одно местечко?

- Это можно, - говорю, - только недалеко, чтобы приветственный гул доносился. Лично я, - говорю, - голоден, истомился без домашней корочки. Но пойдем.

Вилли кружил со мной окольными улочками, покуда мы не пришли к белому домику на новом участке, с газоном двадцать на тридцать футов, украшенным битым кирпичом и старой бочарной клепкой.

- Стой, кто идет?! - говорю я Вилли. - Не знаешь разве, что за землянка? Это гнездышко Джо Гренберри построил, прежде чем жениться с Майрой Элисон. Тебе к ним зачем?

Но перед Вилли уже отворили калитку. По вымощенной кирпичом дорожке он прошел к крыльцу, и я за ним. Майра сидела на веранде в качалке и шила. Ее волосы были зачесаны назад, как-то наспех, и стянуты узлом. До сих пор я не замечал, что у нее веснушки. Джо был у веранды, без пиджака, без всякого воротничка и давно небритый, он ковырял ямку среди обломков кирпича и жестяночек, чтобы посадить фруктовое деревце. Он поднял голову, но ни слова не сказал, не сказала и Майра.

Вилли, конечно, щеголем глядел в форме, вся грудь утыкана медалями и сабля с золотой рукояткой. Нипочем не узнать было белобрысого олуха, которого некогда девушка дразнили и гоняли на посылках. Он всего лишьостоял там с минуту, глядя на Майру с такой особой улыбочкой, а потом произнес медленно, и вроде бы как сквозь зубы цедил:

- Не знаю, вообще. Наверное, если очень сильно постараюсь, - могу и быть.

Ничего больше не было сказано. Вилли приподнял шляпу, и мы ушли.

И почему-то, когда он вот это сказал, я вдруг вспомнил тот вечер, танцы, и как Вилли причесывался перед зеркалом, и как Майра к нам заглянула и насмехалась.....

А когда вернулись на Сэм Хьюстон Авеню, Вилли сказал:

- Ладно, Бен, пока. Пойду домой, разуюсь, сосну.

- Ты чего? - говорю ему, - Что с тобой стало? Ведь целый город набился в дом суда и жаждет чествовать героя! А как же музыка, стихи, патриотическая пьянка с последующей закуской - тебя же ждут?

Вилли вздохнул.

- Знаешь, Бен, - отвечает, - проклят буду - все из головы выскочило.

Поэтому я и говорю, - заключил Бен Грейнджер, - не суди, где начало честолюбию, если не можешь наперед знать, где ему конец будет.

1) - Имеется в виду американо-испанская война 1898 года. Воевали в том числе за Кубу.

2) - Из детской песенки про Мэри и овечку - в переводе С. Маршака:

"...Водила Мэри на луга барашка с первых дней. Он отрастил давно рога, но ходит вслед за ней".

3) - Бейли, Джозеф - в описываемое время возглавлял демократическое меньшинство в Палате Представителей Конгресса США, впоследствии сенатор; представлял Техас;

4) - Тиллман, Бенджамин - сенатор от штата Южная Каролина;

5) - Правильно - линия Мейсона и Диксона; она разделяла во время гражданской войны 1864 г. свободные и рабовладельческие штаты. Бен подставляет в ее название фамилии Джеймса Мейсона, политика Конфедерации рабовладельческих южных штатов, и Ганибала Хемлина, вице-президента США при А. Линкольне. После поражения Конфедерации и убийства Линcolnya между Югом и Севером долго сохранялось взаимное неприятие. Федеральный центр проводил т. наз. политику "реставрации": южные штаты находились на положении завоеванных и должны были быть вновь приняты в Союз на жестких условиях. Многие южане платили ненавистью за унижение, возник расистский террористический Ку-клукс-клан, место рабства заступила другая несправедливость - расовая сегрегация по принципу "разделены, но равны". Эти и другие приметы грустного времени рассказчик упоминает ниже.

6) - Шерман, Уильям Тикамсе (1820-1891) - американский генерал, во время гражданской войны 1864 г - знаменитейший военачальник Севера. Печально прославился маршем через Джорджию, когда его армия уничтожала все на своем пути - это про него М.Митчелл сказала в другом месте: "Огненный смерч пронесся над Джорджией". Впоследствии возглавил военное министерство.

7) - Аптон, Эмори (1839-1881) - американский генерал и военный стратег.

8) - Британский политик лорд Честерфилд (1694-1773) известен как сочинитель руководств по поведению в обществе и приятным манерам.

9) - Персонаж поэмы Альфреда Теннисона (Lady of Shalott). 10) - Калберсон, Чарли (Чарльз Аллен) (1855-1925) - политик, член Демократической партии; в год войны с Испанией был губернатором Техаса, затем прошел в Сенат.

11) - В отличие от Сан-Августина, техасского города без реки, богатейший город Юга Новый Орлеан стоит на Миссисипи. Уже поэтому обещания сан-августинцев превзойти знаменитый новоорлеанский карнавал Марди-Гра, который не обходится без речного парада, оказались пустой похвальбой.

12) - Нет такого поэта. Бен смешивает имена двух американских поэтов (James Whitcomb Riley (1849-1916) и Abram Joseph Ryan (1836-1886)), чьими стихами интересуется еще меньше, чем большой политикой.

Налет на поезд

Примечание автора.

Человек, рассказавший мне эту историю, жил несколько лет, как аутло (outlaw) - человек, об'явленный вне закона.) на Юго-Западе и занимался тем делом, которое так откровенно описывает. Его описание modus operandi может показаться интересным, а советы его ценными для пассажира при каком-нибудь налете на поезд. Оценка же удовольствий, получаемого участниками ограбления поездов, вряд ли соблазнит кого-нибудь заниматься этим делом, как профессией. Я передаю рассказ как можно точнее, почти дословно.

O. Г.

Если бы спросить мнение большинства людей, то все сказали бы, что остановить поезд - трудно. Это неверно: остановить поезд - легко. Я некоторым образом содействовал беспокойству железнодорожных пассажиров и бессоннице служащих "Компании Экспрессов". Единственные неприятности, связанные для меня лично с налетами на поезда, заключались в том, что недобросовестные люди надували меня, когда я тратил доставшиеся на мою долю деньги. Об опасности не стоит говорить, а беспокойство нам было ни почем! Одному человеку однажды чуть-чуть было не удалось остановить поезд. Двоим это удавалось иногда. Трое могут это сделать, если они-достаточно расторопные парни. Но пять человек-вот настоящее число! Выбор места и времени зависит от разных обстоятельств.

Первый налет на поезд, в котором я был замешан, имел место в 1890 году. Может быть, путь, который привел меня к участию в этом деле, даст вам некоторое представление о том, как дебютируют железнодорожные разбойники. Из шести западных аутло нас было пять ковбоев, оставшихся без дела и работы, а потом свихнувшихся, и один преступный тип с Востока. Этот последний был одет, как преступник, и выкидывал разные подлости,- отчего и обо всей банде пошла дурная молва. Проволочные заграждения и nesters создали пятерых налетчиков, а дурное сердце - шестого.

Джим С. и я работали на 101-м ранчо в Колорадо. Nesters выживали скотоводов. Они забрали землю и поставили должностных лиц, с которыми трудно было ладить. Мы с Джимом, убегая однажды на Юг от обзета, направились верхом в Ла-Хунта. Там мы немного позабавились, не причинив никому никакого вреда, как вдруг вмешалось фермерское управление, которое пожелало нас арестовать. Джим застрелил помощника шерифа, а я как бы помогал ему в его аргументации. Мы бились, двигаясь вверх и вниз по главной улице; милиции все время адски не везло. Наконец мы бросились вперед и прорвались к ранчу, расположенному на Серизо. Мы ехали на лошадях, которые если не могли летать, то во всяком случае могли догнать птицу.

Через несколько дней отряд милиции из Ла-Хунта явился в ранчо и потребовал, чтобы мы пошли с ним. Жители ранчу были за нас, и пока мы отказывались, весь дом был изрешечен пулями. Когда наступила темнота, мы влепили милиционерам пачку пуль и ушли в горы.

Они, наверно, догадались, что мы ушли, и нам пришлось дрейфовать, что мы и сделали, кружным путем спустившись в Оклагому.

Ну, там нам ничего не удалось заработать; когда же пришлось тяжело, мы решились оборудовать небольшое дельце с железными дорогами. Джим и я соединились с Томом и Айком Мур - двумя братьями. Я могу назвать их имена, так как оба умерли. Том был убит при ограблении банка в Арканзасе; Айк же погиб во время более опасного времязапроповождения: он рискнул пойти на танцульку. Мы выбрали место на Санта-Фе, где был мост через глубокую речку, окруженную густым лесом. Все пассажирские поезда забирали воду в одной из водокачек в конце моста. Это было спокойное место, так как ближайший дом находился на расстоянии пяти миль. Накануне набега мы дали отдохнуть лошадям и составили расписание, как нам взяться за дело. Наш план был очень плохо разработан, так как никто из нас не участвовал раньше в ограблении поездов. Скорый поезд в Санта-Фе должен был быть у водокачки в 11 часов 15 минут ночи. В одиннадцать Том и я залегли с одной стороны пути, а Джим и Айк - с другой. Когда показался поезд, и его передний фонарь бросил свет далеко вдоль пути, а из паровоза повалил пар, мне сделалось совсем дурно. Я охотно бы согласился даром работать на ранчо в течение целого года,

лишь бы не участвовать в этом деле. Некоторые наиболее смелые люди по этой специальности впоследствии говорили мне, что в первый раз они чувствовали то же самое. Паровоз едва успел остановиться, как я прыгнул на его подножку с одной стороны, а Джим - с другой. Как только машинист и кочегар увидели наши ружья, они сами, до нашего приказа, подняли руки вверх и просили не стрелять, обещая сделать все, что мы захотим.

- Сойдите вниз! -- приказал я. Они соскочили на землю, и мы погнали их вдоль поезда. Пока это происходило, Том и Айк бежали вдоль поезда, стреляя и крича, точно апаши, чтобы заставить пассажиров остаться в вагонах. Какой-то молодец выставил в окно маленький револьвер двадцать второго калибра и разрядил его в воздух. Я прицелился и разбил вдребезги стекло над его головой, что устранило всякие дальнейшие противодействия с его стороны.

К этому времени вся моя нервность прошла. Я чувствовал какое-то возбуждение, как будто был на балу. Во всех вагонах свет был потущен, и когда Том и Айк перестали стрелять и кричать, стало почти так тихо, как на кладбище. Помню, я слышал, как какая-то птичка чиркнула в кусте, в стороне от пути, точно пожаловалась, что ее разбудили.

Приказав кочегару достать фонарь, я подошел к служебному вагону и закричал проводнику, чтобы он открыл, если не хочет быть продырявлен. Он отодвинул дверь и стал в ней, подняв руки.

- Прыгай на землю, сынок! - сказал я.

Он шлепнулся вниз, как глыба свинца. В вагоне было два сейфа: большой и маленький. Кстати сказать, я раньше всего водворил на место арсенал курьера - двуствольное ружье с патронами и тридцативосьмилинейный револьвер в футляре. Я вынул патроны из ружья, положил револьвер в карман и, позвав курьера внутрь вагона и направив дуло ружья прямо на его нос, заставил его работать. Он не мог открыть большой сейф, но открыл маленький. В нем оказалось всего девятьсот долларов. Это было слишком мало за наше беспокойство, и мы решили обойти пассажиров. Пленников мы отвели в курьерский вагон и послали машиниста осветить весь поезд. Начав с первого вагона, мы помещали человека у каждой двери и приказывали пассажирам стать в проходах между сиденьями и поднять вверх руки.

Если вы хотите видеть, как трусливо большинство мужчин, вам нужно только совершить налет на пассажирский поезд. Не потому они трусы, что не защищаются, - далее я скажу, почему это невозможно, - но грустно видеть, как они теряют голову. Громадные, дюжие верзилы, фермеры, бывшие солдаты, спортсмены и дэнди в высоких воротничках, за несколько минут до того наполнявшие вагон шумом и хвастовством, так пугаются, что только хлопают ушами. В обычновенных вагонах в ночное время оказалось мало публики, так что сбор наш был очень невелик, пока мы не дошли до спального вагона. Проводник пульмановского вагона встретил меня у одной двери, тогда как Джим обошел кругом ко второй. Проводник очень вежливо сообщил мне, что в его вагон войти нельзя, так как он не принадлежит железнодорожной компании, и что, кроме того, пассажиры уже достаточно встревожены криками и выстрелами. Никогда в жизни я не видел лучшего образца официального достоинства и уверенности в силе великого имени м-ра Пульмана. Я приставил свой шестизарядный револьвер к груди проводника так плотно, что впоследствии нашел одну из пуговиц его жилета крепко втиснутой в дуло. Чтобы извлечь ее, пришлось выстрелить. Проводник сразу закрыл рот, точно то был ножик со слабой пружиной, и скатился по ступенькам вагона. Я раскрыл дверь спального вагона и вошел внутрь. Высокий, толстый старик шел мне навстречу, переваливаясь, пыхтя и задыхаясь. Один рукав его сюртука был надет; сверх него старик пытался натянуть жилет. Не знаю, за кого он меня принял.

- Молодой человек, - сказал он: - вам надо быть хладнокровным. Прежде всего будьте хладнокровны и не волнуйтесь.

- Не могу, - ответил я. - Я горю от возбуждения.

Тут я испустил крик и стал разряжать свой револьвер в потолочное окно.

Старик пытался нырнуть на одну из нижних коеч, но оттуда послышался визг, высунулась голая нога, которая ударила его в брюхо и сбросила на пол.

Я увидел Джима в противоположной двери и приказал всем вылезать и выстраиваться.

Пассажиры стали сползать вниз, и некоторое время вагон был похож на трех'ярусный цирк. У мужчин был такой испуганный и угнетенный вид, как у стада кроликов в глубоком снегу. На них, в среднем, было надето по четверти их одежды и по одному сапогу. Кто-то сидел на полу,

сбоку, с таким видом, точно он решал сложную арифметическую задачу, при чем степенно старался надеть дамский ботинок номер второй на свою ногу номер девятый.

Дамы не задерживались для одевания. Им было так любопытно увидеть настоящего живого налетчика, что, визжа и шумя, они сошли, завернувшись только в простыни и одеяла. Женщины всегда выказывают больше любопытства и смелости, чем мужчины.

Мы заставили всех выстроиться и стоять смирно; затем я стал проходить меж рядами. Я нашел тут очень мало,-говорю это в смысле ценностей. В шеренге очень интересное зрелище представлял один из тех толстых, перезрелых, высоких, торжественных дураков, которые во время лекции сидят на эстраде и выглядят очень умными. Прежде чем вылезть, он успел надеть свой длиннополый сюртук и высокий шелковый цилиндр; кроме этого, на нем были только пижама и мозоли. Когда я копнул этого принца Альберта, то надеялся вытащить по крайней мере самородок золота или охапку государственных бумаг, но нашел только детскую французскую губную гармонику, длиною в четыре дюйма. Для чего она была тут,- не знаю. Взбесившись, что он так надул меня, я ударил его гармоникой по губам.

- Если не можете платить, играйте,- крикнул я.

- Я не умею играть,- ответил он.

- Тогда учитесь поскорее,- сказал я, дав ему понюхать кончик ружейного ствола.

Он схватил гармонику, покраснел, как свекла, и принялся дуть. Он выдувал песенку, которую я слышал в детстве:

"Нет девочки краше во всей стране...

Папа и мама твердили мне".

Я заставил его играть все время, что мы были в вагоне. Порою он ослабевал и сбивался с тона. Тогда я поворачивал к нему ружье и спрашивал, что сделалось с его девочкой, и не желает ли он вернуться к ней, что заставляло его приниматься за игру чуть ли не в шестидесятый раз.

Мне кажется, что я никогда не видел ничего смешнее этого старика, в цилиндре и с босыми ногами, играющего на маленькой французской гармонице. Стоявшая тут же в ряду рыжая женщина расхохоталась, глядя на него. Вы услышали бы ее смех в следующем вагоне! Джим наблюдал за порядком, пока я обыскивал койки. Роясь в этих постелях, я наполнил наволочку самым странным ассортиментом вещей.

Иногда мне попадались карманные пистолеты, годные разве на то, чтобы ковырять ими в зубах; я тут же выбрасывал их за окно. Окончив сбор, я выгрузил содержимое наволочки на боковое сиденье. Тут было много часов, браслетов, колец, записных книжек, некоторое количество фальшивых зубов, фляг с виски, коробочек с туалетной пудрой, шоколадной карамели и париков разных цветов и разной длины. Было также около дюжины дамских чулок с засунутыми в них драгоценностями: часами, свертками ассигнаций; чулки были плотно набиты и спрятаны под матрацы.

Я предложил возвратить то, что назвал "скальпами", сказав, что мы не индейцы на войне. Но ни одна из дам, казалось, не знала, кому принадлежат эти волосы. Одна женщина,- очень красивая! - завернутая в полосатое одеяло, увидев, что я поднял чулок, плотно набитый и тяжелый около носка, огрызнулась на меня.

- Это мое, сэр! Надеюсь, вы не занимаетесь ограблением женщин!

Так как это был наш первый налет на поезд, то мы не сговорились насчет какого-либо этического кодекса. Я не знал, что отвечать. Все-таки я сказал:

- Конечно, это не является нашей специальностью. Если чулок содержит вашу личную собственность, можете получить его обратно.

- Разумеется, это моя собственность,- сказала она и протянула руку за чулком.

- Разрешите мне все же осмотреть содержимое,- сказал я и взял чулок за носок.

Из него вывалились большие мужские часы стоимостью в двести долларов, мужской бумажник, в котором, как мы позже подсчитали, было шестьсот долларов и револьвер 32-го калибра. Единственной вещью из всей кучи, которая могла быть личной собственностью дамы, оказался серебряный браслет, стоимостью около пятидесяти центов.

- Мадам,- сказал я, вручая ей браслет,- вот вам ваша собственность. А теперь,- продолжал я,- скажите мне: как вы можете требовать от нас корректного образа действий, если сами стараетесь

так обманывать нас? Я поражен таким поведением! Молодая женщина покраснела, как будто ее поймали в чем-нибудь нечестном.

Какая-то другая женщина воскликнула: "Низкая тварь!" Я никогда не узнал, относилось ли это к первой лэди, или ко мне. Окончив свое дело, мы приказали всем вернуться в постели, очень вежливо пожелали им в дверях спокойной ночи и ушли.

До рассвета мы от'ехали на сорок миль и тогда только поделили добычу.

Каждый из нас получил 1752 доллара 85 центов деньгами. Ювелирные вещи мы делили на кучи.

Затем мы раз'ехались, каждый своей дорогой.

Это было моим первым налетом на поезд, но исполнен он был так же легко, как и все последующие. Тут я в последний и единственный раз ограбил пассажиров. Эта сторона дела мне не нравится. Впоследствии я строго ограничивался одним служебным вагоном.

В течение следующих восьми лет через мои руки прошли большие деньги. Лучший улов у меня был через семь лет после первого. Мы узнали про поезд, который должен был провезти уйму денег для уплаты солдатам, находившимся на правительственном посту. Мы напали на этот поезд среди белого дня, при чем заранее залегли впятером за песчаными холмами, у маленькой станции. Десять солдат охраняли деньги в поезде, но они с таким же успехом могли быть дома, в отпуску. Мы не дали им даже высунуть головы из окон и посмотреть на потеху. Без всякой помехи мы получили деньги, все золотой монетой.

Разумеется, в свое время по поводу этого ограбления поднялся сильнейший вой. Дело шло о правительственные деньги, и правительство, став язвительным, пожелало узнать: для чего же, собственно, посылаются конвоирующие солдаты? Единственным оправданием являлось то, что никто не мог ожидать нападения среди голых холмов и днем. Я не знаю, как правительство отнеслось к подобному извинению, но знаю, что оно - основательно. Неожиданность - вот главный козырь в деятельности налетчиков! Газеты писали всякую чепуху относительно этого ограбления и под конец установили, что денег было от девяти до десяти тысяч долларов. Правительство поддерживало мистификацию. Но вот точная цифра, которая печатается в первый раз: сорок восемь тысяч долларов. Если кто-нибудь побеспокоится и просмотрит конфиденциальные отчеты Дяди Сэма об этом небольшом дебете прихода и расхода, то увидит, что я точен до цента. К тому времени мы были достаточно опытны и знали что нам делать. Мы от'ехали на двадцать миль к запад, оставляя след, по которому пошел бы даже полисмэн с Бродуэя, а затем возвратились, уже пряча свои следы.

На второй день после налета, когда милиция рыскала вокруг и по всем направлениям, Джим и я ужинали во втором этаже дома одного из наших друзей, в том самом городе, откуда началась тревога.

Наш друг указал нам на типографию на противоположной стороне и на печатный станок за работой: он печатал об'явления с предложением награды за нашу поимку.

Меня часто спрашивали: что мы делаем с полученными деньгами? Я, право, не мог бы отдать отчет и в десятой части их, после того как они были истрачены.

У аутло должно быть очень много друзей. Достопочтенный горожанин может довольствоватьсь, а часто и довольствуется, очень немногими знакомыми, но человеку нашего типа необходимо иметь приятелей. При наличии рассерженных милиционеров и стремящихся получить награду чиновников, следующих по пятам, аутло приходится иметь в своем распоряжении несколько мест, рассеянных по стране, где он мог бы остановиться поесть, накормить лошадь и заснуть на несколько часов, не чувствуя необходимости держать оба глаза открытыми. После налета он считает необходимым уделить часть денег этим друзьям и делает это широко. Часто мне случалось, в конце коротких визитов в одну из таких гаваней, бросать пригоршнями золото и ассигнации в подолы детишек, играющих на полу, не зная: даю ли я сто долларов, или тысячу?

Старые налетчики после крупного дела обычно уезжают далеко, в один из крупных городов, где и тратят свои деньги. Новички же, как бы удачно они ни произвели нападение, всегда выдают себя, показывая слишком много денег вблизи места, где они их получили,

Я участвовал в деле в 94 году, когда мы получили двадцать тысяч долларов. Мы выполнили

свой любимый план бегства, т.-е. вернулись по своему же следу и остановились на некоторое время близ места ограбления поезда. Однажды утром мне попалась газета, в которой я прочел статью под крупным заголовком, сообщающую, что шериф с восемью помощниками и милицией из тридцати вооруженных граждан окружил железнодорожных разбойников в мескитной чаще на Чамарроне, и что вопрос только нескольких часов, будут ли эти разбойники убиты, или арестованы.

Я читал эту статью, сидя в одном из наиболее элегантных отелей в Вашингтоне. За столом моим стоял ливрейный лакей в коротких панталонах. Джим сидел напротив и разговаривал со своим "дядей", морским офицером в отставке, чье имя часто встречается в столичной хронике. Мы приехали сюда, купили себе великолепные комплекты одежды и отдыхали от трудов среди набобов.

Вероятно, мы были убиты в этой мескитной чаще, так как я могу дать подпись, что мы не сдались.

Теперь я предлагаю об'яснить вам, почему легко задержать поезд, а также, отчего этого не следует делать.

Во-первых, на стороне атакующих все преимущества, предполагая, конечно, что они - старые налетчики, обладающие необходимым опытом и мужеством. Они работают снаружи, под защитой темноты, тогда как противники освещены, стиснуты в небольшом пространстве и становятся, чуть они покажут голову в окне или двери, мишенью прекрасного стрелка, который не будет колебаться, стрелять ему или нет.

Но главным условием ограбления поездов является, по моему мнению, элемент неожиданности в соединении с воображением пассажиров. Если вы когда-нибудь видели лошадь, поевшую траву "локо", то поймете, что я хочу выразить, говоря, что пассажиры делаются "локированными". У этой лошади развивается самое безумное воображение. Вам не заставить ее перейти через маленький ручеек, фута в два ширины. Ей он кажется, широким, как Миссисипи.

То же происходит и с пассажирами. Они воображают, что стреляет сто человек, когда на самом деле налетчиков всего двое или трое. Дуло револьвера кажется широким, как вход в туннель. С пассажиром справиться легко, хотя он иногда и может прибегнуть к мелким низким уловкам, - например, спрятать пачку денег в сапог и забыть вытащить их, пока вы не толкнете его под ребро кончиком своего шестизарядного револьвера. Но вообще пассажир - человек безвредный.

Что касается поездной прислуги, то у нас с нею было не больше хлопот, чем с обыкновенным стадом баранов. Я не хочу сказать, что они трусы, а указываю на то, что они только обладают здравым смыслом и бессильны против блефа. То же и с чиновниками. Я видел, как агенты тайной полиции, шерифы и железнодорожные детективы передавали свои деньги кротко, как Моисей. Я видел еще, как один из храбрейших шерифов каких я когда-либо встречал, запрягал ружье под сиденье и выворачивал свои карманы вместе с остальными, когда я собирал дань. Он не испугался, но просто сознавал, что за нами преимущество.

Кроме того, у многих чиновников есть семьи, и они понимают, что им не следует подвергать себя риску. Для того же, кто нападает на поезд, смерть не страшна. Он ожидает, что когда-нибудь будет убит, и по большей части так и случается. Если вы случайно окажетесь в поезде во время ограбления, то советую вам стать в шеренгу вместе с другими и приберечь свою храбрость для другого случая, когда она сможет принести вам какую-нибудь пользу. Вторая причина, почему чиновники неохотно впутываются в дела с налетчиками, - чисто финансовая. Каждый раз, когда имеет место вооруженное столкновение, и кто-нибудь убит, чиновник обычно терпит убыток. Если же налетчику удается бежать, издается приказ о задержании Джона До и др., шерифы раз'езжают сотни миль и

записывают показания всех свидетелей по пути следа, оставленного беглецами. А правительство оплачивает все это. Так что для чиновников это скорее вопрос прогонных, чем храбрости.

Я приведу пример в доказательство своего утверждения, что неожиданность - лучшая карта в игре налетчиков на поезда. В 92 году шайка Дальтона задала много работы правительственный агентам в стране племени чиракезов. То было их счастливое время; они стали такими смелыми и

дерзкими, что обычно об'являли заранее, что думают предпринять. Однажды они заявили, что остановят поезд М. К. и Т. в определенную ночь на станции Праер-Крик, на индейской территории. В ту же ночь железнодорожная компания забрала в Мескоджи пятнадцать полицейских агентов и посадила их в поезд. Кроме того, около пятидесяти вооруженных людей были спрятаны в депо в Прайер-Крике. Когда курьерский поезд Кати подошел к станции, ни одного дальтонца не было видно. Следующая станция, Адейр, находилась на расстоянии шести миль. Когда поезд подходил к ней, полицейские приятно проводили время, толкуя о том, что бы они сделали с дальтонцами, если бы те появились. Вдруг снаружи послышались выстрелы. Стреляла точно целая армия. Кондуктор и рабочий у тормоза вбежали в вагон с криками: "Железнодорожные налетчики!" Несколько полицейских раскрыли двери, соскочили на землю и побежали вдоль поезда. Другие спрятали винчестеры под сиденья. Двое вступили в бой и были убиты.

Дальтонцам потребовалось ровно десять минут, чтобы остановить поезд и снять охрану.

В течение следующих двадцати минут они забрали из денежного вагона двадцать семь тысяч долларов и исчезли бесследно. Я думаю, что полицейские вступили бы, в серьезный бой в Прайер-Крике, где они ожидали нападения, но в Адейре они растерялись и потеряли всю боеспособность, на что и рассчитывали дальтонцы, зная свое дело.

Мне кажется, что, в заключение, я не могу не поделиться некоторыми выводами из моей восьмилетней практики в роли налетчика. Ограбление поездов - невыгодное дело! Оставляя в стороне вопросы права и морали, которые мне не следует затрагивать, скажу, что в жизни аутло мало завидного. Деньги скоро теряют всякую ценность в его глазах. Он начинает смотреть на железнную дорогу и на железнодорожников как на своих банкиров, а на револьверы, как на чековую книжку на любую сумму. Он разбрасывает деньги направо и налево. Большую часть времени он проводит по походному, скакет день и ночь и временами ведет такую тяжелую жизнь, что не в состоянии наслаждаться довольством, когда добьется его. Он знает, что в конце концов обречен, что рано или поздно лишится жизни или свободы, и что меткость его прицела, быстрота его лошади и верность револьвера только отсрочивают неизбежное.

Это не значит, что он теряет сон от страха перед полицейскими. За все время моей практики я никогда не видел, чтобы полиция нападала на шайку аутло, не превосходя ее численно раза в три.

Но аутло не может выбить из головы одной мысли,- и вот что делает его жизнь особенно горькой: он знает, откуда полицейские рекрутируют своих агентов. Он знает, что большинство этих опор закона когда-то были его нарушителями, конокрадами, жуликами, бродягами и такими же аутло, как он сам; он знает, что они достигли безнаказанности и теперешнего положения только потому, что стали государственными шпионами и что изменили своим товарищам и выдали их на тюрьму и смерть.

Он знает, что когда-нибудь,- если он раньше не будет убит! - и его Иуда примется за дело, и тогда будет поставлена ему западня, и он самокажется захваченным вместо того, чтобы попрежнему захватывать других.

Вот почему налетчик на поезда выбирает себе компанию в тысячу раз с большей осторожностью, чем благоразумная девушка - возлюбленного. Вот почему он по ночам сидит на постели и прислушивается к стуку подков каждой лошади на дальней дороге. Вот почему он целыми днями размышляет над каким-нибудь замечанием или необычным движением товарища или над несвязным бредом лучшего друга, спящего с ним рядом.

Вот одна из причин, почему профессия железнодорожных налетчиков не так приятна, как одна из ее побочных ветвей-политика или биржевая спекуляция.

Новый Конэй

- В будущее воскресенье, - сказал Деннис Карнаган,- я пойду осматривать новый остров Конэй, который вырос, как птица Феникс, из пепла. Я поеду туда с Норой Флин, и мы будем жертвою всех его мануфактурных обманов, начиная с красно - фланелевого извержения Везувия до розовых шелковых лент на курячьем самоубийстве в инкубаторах.

Был ли я там раньше? Был! Я был там в прошлый вторник.

Видел ли я достопримечательности? Нет, не видел!

В прошлый понедельник я вошел в союз кладчиков кирпича; и, согласно правилам, мне в тот же день было приказано бросить работу, чтобы выразить сочувствие бастующим укладчицам консервированной лососины в Такоме, Вашингтон. Ум и чувства у меня были расстроены вследствие потери работы. Вдобавок было тяжело на душе от ссоры с Норой Флин, неделю назад, из-за резких слов, сказанных на полугодичном балу молочников и поливальщиков улиц. Слова же эти были вызваны ревностью, ужасной жарой и этим дьяволом Энди Коглин.

Итак, говорю я, я поеду на Конэй во вторник, и если американские горы, смена впечатлений и кукуруза не развлекут меня и не вылечат, тогда уж не знаю, что и делать. Вы, верно, слышали, что Конэй перестроен и в моральном отношении? Старый Бауери, где вас силой заставляли сниматься на жестяной пластинке, и где вам давали "по шее", не прочитав даже линии на вашей руке, теперь называется Биржей. Киоски с венскими сосисками обязаны теперь по закону иметь телеграфное бюро, а орехи в меду каждые четыре года осматриваются отставным мореходным инспектором. Голова негра, в которую прежде бросали шары, теперь признана нелегальной и по приказанию полицейского комиссара заменена головой шофера.

Я слышал, что прежние безнравственные увеселения запрещены. Люди, любившие приезжать из Нью-Йорка, чтобы посидеть на песке и поплескаться в волнах прибоя, теперь покидают свои дома для того, чтобы пролезать через вертящиеся рогатки и смотреть на подражание городским пожарам и наводнениям, нарисованным на холсте. Говорят, что изгнаны все достойные порицания и развратающие учреждения, позорившие старый Конэй, как-то: чистый воздух и незастроенный пляж. Процесс чистки заключается будто бы в том, что повышена цена с 10 до 25 центов, и что для продажи билетов приглашена блондинка, по имени Модди, вместо Микки, плутовки из Бауери. Вот что говорят; я сам точно ничего не знаю.

Итак, я отправился в Конэй во вторник. Я слез с воздушной железной дороги и направился к блестящему зреющему. Было очень красиво.

Вавилонские башни и висячие сады на крыши горели тысячами электрических огней, а улицы были полны народа. Правду говорят, что Конэй равняет людей всех положений.

Я видел миллионеров, лузгающих кукурузу и толкующихся среди народа.

Я видел приказчиков из магазина готового платья, получающих восемь долларов в месяц, в красных автомобилях, ссорящихся теперь из-за того, кто нажмет гудок, когда доедут до поворота.

Я ошибся, - подумал я: - мне нужен не Конэй. Когда человеку грустно, ему требуются не сцены веселья. Для него было бы гораздо лучше предаться размышлению на кладбище или присутствовать на богослужении в Райском Саду на крыше. Когда человек потерял свою возлюбленную, для него не будет утешением заказать себе горячую кукурузу или видеть, как убегает лакей, подавший ему стаканку с сахарной пудрой вместо соли, или слушать предсказания Зозоокум, цыганки - хиромантки, о том, что у него будет трое детей, и что ему надо ожидать еще одной серьезной напасти: плата за предсказание двадцать пять центов.

Я ушел далеко, вниз на берег, к развалинам старого павильона, близ угла нового частного парка Дримленд. Год тому назад этот павильон еще стоял прямо, и слуга за мелкую монету швырял вам на стол недельную порцию клейкой рыбешки с сухарями и дружески называл вас "олухом"; тогда порок торжествовал, и вы возвращались в Нью-Йорк, имея достаточно денег в кармане, чтобы сесть в трамвай на мосту. Теперь, говорят, на берегу подают кроликов по-голландски, а сдачу вы получаете в кинематографе. Я присел у стены, старого павильона, глядел на прибой, разбегавшийся по берегу, и думал о том времени, когда прошлым летом я сидел на том же месте с Норой Флин. Это было до реформы на острове, и мы были счастливы. Мы снимались на жестяных пластинках, ели рыбу в притонах разврата, а египетская волшебница,

пока я ждал у двери, по руке предсказала Норе, что для нее было бы счастьем выйти замуж за рыжеволосого малого, с кривыми ногами.

Я был вне себя от радости, услышав этот намек. Здесь, год тому назад, Нора Флин положила обе свои руки в мою руку, и мы говорили о квартире, о том, что она умеет стряпать, и о разных других любовных делах, связанных с такого рода событиями.

Это был тот Конэй, который мы любили, и на котором лежала рука Сатаны,-Конэй, дружественный и веселый и всякому по средствам,-Конэй без забора вокруг океана, без излишнего количества электрических огней, которые освещают теперь рукав всякого пиджака из черной саржи, обвившийся вокруг белой блузки.

Я сидел спиной к парку, где у них были и луна, и грезы, и колокольни-все вместе и тосковал по старому Конэй. На берегу было мало народа. Большинство бросало центы в автоматы, чтобы видеть в кинематографе "Прерванное ухаживание", другие дышали морским воздухом в каналах Венеции, а кое-кто вдыхал дым морского сражения между настоящими военными кораблями в бассейне, наполненном водой. Несколько человек на песчаном берегу любовались водой и лунным светом. И на сердце у меня было тяжело от новой морали на старом острове, а оркестры позади меня играли, и океан впереди меня ударял в турецкий барабан.

Я встал и прошелся вдоль старого павильона и вдруг вижу, что с другой стороны, на половину в тени, на поваленных бревнах сидит тоненькая девушка и,- честное слово! - плачет в одиночестве.

- Вас что-то огорчает, мисс?-говорю я:- чем я могу помочь вам?

- Это не ваше дело, Денни Карнаган,- говорит она, выпрямляясь.

И это был ничей иной голос, как голос Норы Флин.

- Не мое, так как вам будет угодно! - говорю я.- Хороший сегодня вечер, мисс Флин. Видели вы все зрелища на новом Конэй? Предполагаю, что вы для этого приехали сюда.

- Я все видела,-ответила она:- мама и дядя Тим ждут меня там. Я провела очень приятный вечер и видела все, что нужно.

- Вы совершенно правы,- сказал я Норе:- и я не знаю, когда мне было так весело, как сегодня. После посещения самых забавных и весьма приличных атракционов я пошел на берег подышать свежим воздухом. А видели вы Дурбар, мисс Флин?

- Да,- ответила она, подумав,- но я думаю небезопасно спускаться по откосам вниз в воду.

- А как вам понравилось стрелять по движущейся цели?

- Я боюсь ружей,- сказала Нора.- У меня от них шумит в ушах. Но дядя Тим стрелял и выиграл сигары.

Мы сегодня очень веселились, м-р Карнаган!

- Я рад, что вам было весело,-сказал я.-Думаю, что вам доставили громадное удовольствие все здешние зрелища. А как вам понравились инкубаторы и вся эта чертовщина и ресторанчики?

- Я не была голодна,-сказала смущенно Нора.- Но мама ела везде. Мне очень нравятся все эти интересные вещи на новом Конэй, и я давно не проводила такого счастливого дня, как сегодня.

- Видели вы Венецию?-спросил я.

- Да,-ответила она:- какая красавица! Она была одета во все красное, и...

Я более не слушал Нору Флин, а подошел к ней и схватил ее в объятья.

- Какая вы выдумщица, Нора Флин,- сказал я.- Вы видели на новом острове Конэй не больше моего. Сознайтесь теперь, вы приехали, чтобы посидеть около старого павильона у волн, где вы сидели прошлым летом и сделали Денни Карнагана счастливым человеком? Отвечайте, но говорите правду.

Нора уткнулась носом в мою жилетку.

- Он мне противен, Денни! - сказала она, чуть не плача.- Мама и дядя Тим пошли осматривать выставки, а я пришла сюда думать о вас. Я не могла переносить огни и толпу. Вы простили меня, Денни, за ссору, которую я начала.

- Это была моя вина, - сказал я.- Я пришел сюда по той же причине. Посмотрите на огни, Нора,-сказал я, поворачиваясь спиной к морю: разве они не красивы?

- Очень красивы,- сказала Нора, и глаза ее загорелись:- а слышите вы, как играют оркестры?

О, Денни, мне хотелось бы все это посмотреть.

- Старый Конэй умер, дорогая,- сказал я ей - все на свете идет вперед. Когда человек счастлив ему нужны не грустные зрелища.

Этот новый Конэй лучше старого, но мы не могли оценить его, пока у нас было подходящего настроения.

Нью-Йорк при свете костра

Находясь на индейской территории, мы узнали много интересного про Нью-Йорк.

Мы были на охоте и однажды ночью расположились лагерем на берегу небольшого ручья. Бед Кингзбюри был опытным охотником и нашим проводником: он-то и давал нам объяснение относительно Манхэттана и странных людей, живущих там.

Бед как-то провел в столице месяц и в другие разы одну или две недели и любил рассказывать о том, что он там видел - в пятидесяти ярдах от нашего лагеря была раскинута палатка кочевых индейцев, расположившихся на ночь. Старая-престарая индианка пыталась сложить костер под железным котлом, подвешенным к трем палкам.

Бед пошел помочь ей и вскоре разжег костер. Когда он возвратился, мы стали шутить над его галантным поведением.

- О,- сказал Бед,- не стоит об этом говорить; у меня уж такая манера. Когда я вижу лэди, которая варит что-то в кotle, и это ей не удается, я сейчас же иду на помощь. Я однажды сделал то же самое в аристократическом доме в Нью-Йорке в громадной этакой высокопоставленной харчевне на Пятом авеню. Индейская лэди напомнила мне об этом. Да, я стараюсь быть вежливым и помогать дамам.

Наш лагерь потребовал подробностей.

- Я управлял ранчо Треугольника Б. в Панхандле,- сказал Бед:- оно в то время принадлежало старику Стерлингу из Нью-Йорка. Он хотел продать его и написал мне, чтобы я ехал в Нью-Йорк дать объяснения о ранчо синдикату, который собирался купить его. И вот я посыпал в Форт-Уорт, заказываю себе готовую пару за сорок долларов и пускаюсь по следу в большую деревню.

Когда я приехал, старики Стерлинг и его свита из кожи лезли вон, чтобы доставить мне удовольствие. Дела и развлечения у нас так перемешались, что половину времени нельзя было понять, что у нас идет: пир или торговля? Мы подымались по зубчатке, курили сигары, посещали театры, натирали панели...

- Натирали?-спросил один из слушателей.

- Конечно,-ответил Бед,- разве вы сами не делали этого? Бродишь кругом и стараешься смотреть на вышки небоскребов. Ну, мы продали ранчо, и старики Стерлинг зовет меня к себе в дом пообедать вечером, накануне отъезда. Это не был званый обед-только старики да я, да его жена и дочь. Но все они были очень изящно одеты, без всяких там... полевых лилий. По сравнению с ними мастер, изготавливший мою форт-уортскую одежду, казался торговцем лошадиными попонами и веревками для скота.

Стол был убран по-парадному, весь покрыт цветами, и у каждой тарелки лежал целый набор инструментов. Вы бы подумали, что вам надо ограбить ресторан, прежде чем получить свою еду. Но я уже был в Нью-Йорке целую неделю и привык к изящным манерам. Я ждал и смотрел, как другие обращались с железными орудиями, а после с тем же оружием нападал на цыпленка.

Не так уж трудно ладить с этими чудаками: надо только узнать их повадки. Дело у меня шло хорошо. Мне было прохладно и приятно, и скоро я уже болтал совершенно свободно о ранчо и о Западе и рассказывал, как индейцы едят кашу из кузнечиков и змей. Вам никогда не приходилось видеть, чтобы люди были так заинтересованы.

"Но настоящей радостью на этом пире была мисс Стерлинг. Это была маленькая плутовка, не больше двух комочеков табака, но весь вид ее как будто говорил; что она - главное лицо, и вы этому верили. Впрочем,, она совсем не важничала и улыбалась мне так же, как если бы я был миллионером. Когда я рассказывал про собачий праздник у индейцев, она слушала, точно это были вести из дома.

А после того как мы поели устриц и какой-то водянистый суп и еще блюдо, никогда не входившее в мой репертуар, методистский проповедник вносит приспособление в роде походного очага, все из серебра, на высоких ножках и с лампой внизу.

Мисс Стерлинг зажигает эту машинку и начинает что-то стряпать прямо на столе, где мы ужинали. Меня удивило, отчего старик Стерланг, имея столько денег не мог нанять кухарку.

Вскоре она стала раздавать какое-то кушанье, отзывавшее сыром, при чем уверяла, что это кролик, но я готов поклясться, что кроличий хвостик и на милю никогда не мелькал там.

Последним номером в программе был лимонад. Его обносили кругом в небольших плоских стеклянных чашках и ставили около каждой тарелки. Я очень хотел пить, поэтому взял чашку и залпом выпил половину. Вот тут-то маленькая лэди и ошиблась! Лимон она положила, а сахар позабыла. У лучших хозяек бывают ошибки! Я подумал, что, может быть, мисс Стерлинг еще только учится хозяйничать и стряпать. Можно было предположить это по кролику, и я сказал себе: "Маленькая лэди, положили вы сахар или нет, я буду стоять за вас".

Тут я снова подымаю чашку и выпиваю свой лимонад до дна. И тогда все они подымают свои чашки и делают то же самое. А затем я смеюсь, чтобы показать мисс Стерлинг, что смотрю на это, как на шутку, и чтобы она не огорчалась своей ошибкой.

Когда мы перешли в гостиную, она села около меня и некоторое время разговаривала со мной,

- Это, очень любезно было с вашей стороны, м-р Кингзбюри,-сказала она,-что вы так мило покрыли мой промах. Как глупо, что я забыла положить сахар.

-Не огорчайтесь,- сказал я,- какая-нибудь счастливец в скором времени набросит свою петлю на одну маленькую хозяюшку неподалеку отсюда.

- Если вы говорите про меня,- громко рассмеялась она,- то надеюсь, что он будет таким же снисходительным к моему хозяйничанию, как вы сегодня.

- Пустяки,- сказал я,- не стоит и говорить об этом: я делаю все, чтобы угодить дамам".

Бед закончил свои воспоминания. Тогда кто-то спросил его: что он считает самой яркой и выдающейся чертой нью-иоркских жителей?

- Наиболее видной и особенной чертой нью-иоркца,- ответил Бед, являясь любовь к Нью-Йорку. У большинства из них в голове Нью-Йорк. Они слышали о других местностях, как, например, Вако, Париж или Горячие Ключи, или Лондон, но они в них не верят. Они думают, что их город это - все!

Чтобы показать вам, как они любят его, я расскажу про одного ньюйоркца, приехавшего в Треугольник Б., когда я там работал.

Человек этот пришел искать работы на ранчо. Он говорил, что хорошо ездит верхом, и на одежду его еще видны были следы таттерсаля.

Некоторое время ему было поручено вести книги кладовой на ранчо, так как он был мастер по цифирной части. Но это ему скоро надоело, и он попросил более деятельной работы. Служащие на ранчо любили его, но он надоедал нам своими постоянными напоминаниями о Нью-Йорке. Каждый вечер он рассказывал нам об Ист-Ривере, и Д. П. Моргане, и Музее Эден, и Хетти Грин, и Центральном Парке, пока мы не начинали бросать в него жестянками и клеймами.

Однажды этот молодец хотел взгромоздиться на брыкаливого коня, тот как-то вскинул задом, и парень полетел на землю; конь отправился угощаться травой, а всадник ударился головой о пень мескитного дерева и не обнаруживал никакого желания встать. Мы уложили его в палатке, где он лежал, как мертвый. Тогда Гедеон Пиз мчится к старому доктору Слиперу в Догтаун, за тридцать миль.

Доктор приезжает и осматривает больного.

- Молодцы,- говорит он,- вы смело можете разыг рать его седло и одежду, потому что у него проломлен череп. Если он проживет еще десять минут, это будет поразительный случай долговечности.

Разумеется, мы не стали разыгрывать седло бед кого малого,-доктор только пошутил. Но все мы торжественно стояли вокруг, простив ему то, что он заговаривал нас до смерти рассказами о Нью-Йорке.

Я никогда не видел, чтобы человек, близкий к смерти, вел себя так спокойно. Глаза его были

устремлены куда-то в пространство, он произносил бессвязные слова о нежной музыке, красивых улицах и фигурах в белых одеждах и улыбался, точно смерть была для него радостью.

- Он уже почти умер,-сказал доктор:- умирающим всегда начинает казаться, что они видят открытое небо.

Клянусь, что, услышав слова доктора, нью-иоркец вдруг приподнялся.

- Скажите,- произнес он с разочарованием,- разве это было небо? Чорт возьми, а я думал, что это был Бродуэй. Товарищи, подайте мое платье. Я сейчас встану...

- Будь я проклят,- закончил Бед,- если через четыре дня он не сидел в поезде с билетом до Нью-Йорка.

Октябрь и Июнь

Капитан мрачно посмотрел на свою шпагу, висевшую на стене. В стоящем рядом шкафу висел его запачканный мундир, потемневший и потертый от погоды и долгой службы. Казалось, что так много-много времени прошло с той поры военных тревог...

Ветеран тяжелых времен, пережитых родиной, он теперь силой женских ласковых глаз и улыбающихся губ был обречен на постыдную сдачу. Сидя в своей тихой комнате, он держал в руке письмо, которое только что получил от нее, письмо, вызвавшее на лице его мрачное выражение. Он перечел фатальные строки, разрушившие его надежды:

"Отклоняя честь, которую вы оказали мне, предложив быть вашей женой, я чувствую, что должна высказаться откровенно. Причины - большая разница в наших годах. Вы мне очень, очень нравитесь, но я уверена, что брак наш не был бы счастливым. Мне тяжело касаться этого, но я надеюсь, что вы оцените прямоту, с которой я вам называю настоящую причину моего отказа".

Капитан вздохнул и подпер голову рукой. Правда, между ними - большая разница в летах. Но он был крепок и вынослив. У него были положение и богатство. Неужели же его любовь, его нежные заботы, те преимущества, которые он может дать ей, не заставят ее забыть о разнице лет?

Кроме того, он был почти уверен, что она любит его...

Капитан был человеком быстрых действий. В бою он отличался решимостью и энергией. Он отправится к ней и будет лично защищать свое дело! Возраст разве он может стать между ним и любимой женщиной?

Через два часа он стоял в легком походном снаряжении, готовый к Величайшему бою. Он сел в поезд, идущий в старый южный город Тенесси, где она жила.

Теодора Диминг сидела на ступенях красивого дома с портиком и наслаждалась летними сумерками, когда капитан вошел в калитку и направился к ней по усыпанной песком дорожке. Она встретила его улыбкой, в которой не было смущения. Когда капитан стоял ступенькой ниже ее, разница в возрасте не была так заметна.

Он был высокого роста, стройный, загорелый, с ясными глазами.

Она находилась в расцвете женственности.

- Я не ожидала вас,- сказала Теодора:- но раз вы тут, то можете присесть на ступеньку. Разве вы не получили моего письма?

- Получил,- ответил капитан:- потому-то и приехал! Послушайте, Тео, обдумайте, пожалуйста еще раз ваш ответ. Теодора ласково улыбнулась ему. Он выглядел хорошо для своего возраста. Она искренно любила его силу, здоровый вид, мужество. Может-быть, если бы...

- Нет, нет,- сказала она, решительно покачав головой:- об этом не может быть и речи. Вы мне ужасно нравитесь, но жениться нам не следует. Мой возраст и ваш... но не заставляйте меня повторять все снова, Я уже писала вам об этом.

Капитан немного покраснел сквозь бронзу своего лица. Он некоторое время молчал, грустно смотря в вечерние сумерки. Право, Судьба и Время сыграли с ним скверную штуку. Всего несколько лет стояли между ним и счастьем... Рука Теодоры сползла и лежала теперь уже в его крепкой загорелой руке. Она, наконец, испытывала чувство, близкое к любви.

- Не принимайте этого так близко к сердцу,- мягко сказала она:- все делается к лучшему. Я все это рассудила очень благоразумно. Когда-нибудь вы будете рады, что не женились на мне.

Все это было бы хорошо и мило на некоторое время, но,- подумайте только! - какие у нас с вами будут разные вкусы через несколько скоро пролетевших лет! Одному захочется по вечерам сидеть у камина и читать, а, может быть, и возиться с невралгией или ревматизмом, тогда как другого страстно будут манить театры, балы и поздние ужины. Нет, дорогой друг! Если наши отношения нельзя определенно назвать январем и маен, то, во всяком случае, это- октябрь и самое начало июня.

- Я бы всегда поступал так, как вы того желали бы, Тео! Если бы вы только хотели...

- Нет, вы бы этого не делали. Теперь вам кажется, что вы так поступали бы, но этого не было бы в действительности. Пожалуйста, не просите меня больше.

Капитан проиграл битву. Но он был галантный боец: когда он поднялся, чтобы проститься окончательно, рот его был сурово сжат, и плечи выпрямлены.

В ту же ночь он уехал обратно на Север. И на следующий вечер снова находился в своей комнате, где на стене висела его шпага. Он одевался к обеду и завязывал свой белый галстук очень аккуратным бантом. И в то же время задумчиво разговаривал сам с собой:

- Честное слово, мне кажется, что Тео, в конце концов, права. Нельзя отрицать, что она очаровательна, но ей должно быть лет двадцать восемь, по самому пристрастному счету.

Видите ли,- капитану было всего девятнадцать лет, и шпага его никогда не вынималась из ножен, кроме как на учены в Чатануга. Ближе к Испано-Американской войне он никогда не подходил.

Последний трубадур

Сэм Голлоуэй с неумолимым видом седлал своего коня. После трехмесячного пребывания, он уезжал из ранчо Алтито. Нельзя требовать, чтобы гость дольше этого срока мог выносить сухари с желтыми пятнами, сделанные на поташе, и пшеничный кофе. Ник Наполеон, толстый негр-повар, никогда не умел печь хорошие сухари. Еще в то время, как Ник служил поваром на ранчо Виллу, Сэм вынужден был бежать оттуда уже через шесть недель его стряпни. Лицо Сэма выражало грусть, усиленную сожалением и слегка смягченную снисходительностью великого человека, который не может быть понят.

Итак, он крепко и с неумолимым видом подтянул и застегнул свою подпругу, свернулся кольцом веревку, повесил ее на луку седла, подвязал сзади свою куртку и одеяла и повесил хлыст на кисть правой руки. Весь дом Мерридью (хозяева ранчо Алтито) - мужчины, женщины, дети, а также слуги, служащие, гости, собаки и все случайные посетители дома собрались на "галерее" ранчо проводить гостя, и лица их были настроены меланхолично и печально.

Так бывало всегда. Если приезд Сэма Голлоуэя в какое-нибудь ранчо, лагерь или же хижину между реками Фрио и Браво возбуждал радость, то от'езд его неминуемо вызывал печаль и страдания. И вот, при полном молчании, которое нарушалось только собакой, усердно с помощью задней ноги ловившей блоху, Сэм нежно и заботливо привязал поперек седла, поверх своей верхней одежды, гитару. Гитара была в зеленом парусиновом мешке.

Если Вы поймете значение этого, то и поймете заодно, что представляет собой Сэм.

Сэм Голлоуэй был последним трубадуром. Вы, разумеется, слышали про трубадуров. В энциклопедии определенно указывается, что особого размаха трубадуры достигли между одиннадцатым и тринадцатым столетиями. Чем они собственно размахивали-неясно, но во всяком случае вы можете быть уверены, что не мечом! Возможно, что. смычком или вилкой с макаронами или дамским шарфом. Но так или иначе, Сэм Голлоуэй был одним из трубадуров.

Сэм с видом мученика сел на своего коня. Но выражение его лица казалось смеющимся по сравнению с выражением морды пони. Ведь всякая лошадь прекрасно знает своего господина, и весьма возможно, что кобылы на пастище или у стойл весьма часто насмехались над конем Сэма за то, что на нем ездит какой-то гитарист, а не разудалый и задорный ковбой. Ни единий человек на свете не является героем для своей верховой лошади! Тем более трубадур! Ведь даже под'емнику универсального магазина не вменяется в вину, если он опрокинет трубадура!

О, я знаю, что я-трубадур, и вы-тоже! Ах, те сказочки, которые вы заучивали, карточные

фокусы, которые вы запоминали, маленькая пьеска для рояли-как она называется? - ти-тум, ти-тум-ти-тум! - маленькие упражнения в ловкости, которые вы показывали, когда отправлялись навещать вашу богатую тетку Джэн...

Вам надо знать, что "omnes personae in tres partes divisae sunt" а именно: бароны, трубадуры и труженики. Бароны не имеют склонности читать подобные пустяки. А у тружеников нет времени читать их. Итак, я знаю, что вы должны быть трубадуром, и что вы понимаете Сэма Голлоуэя. Поем ли мы, или же играем, танцуем, пишем, читаем ли лекции, или же рисуем,-мы всегда и только трубадуры... Так пусть же каждый из нас похоже исполнит то, на что он способен.

Конь с лицом Данте Алигьери, направляемый нажимом ноги Сэма, понес этого бродячего менестреля шестнадцать миль к юго-востоку.

Природа в этот день была в самом благодушном настроении. Бесконечное количество нежных душистых цветочков наполняло ароматом тихо колеблющуюся прерию. Восточный ветерок умерял весеннюю жару. Белые, точно шерстяные облака, налетавшие с Мексиканского залива, преграждали путь прямым лучам апрельского солнца. Сэм ехал и пел песни. Он заткнул за повод несколько веточек чэппарраля для того, чтобы защитить коня от оводов. Таким образом увенчанное длиннолицее четвероногое еще более стало похоже на Данте, и, судя по его выражению лица, можно было думать, что оно мечтает о своей Beатриче.

Насколько позволяла топография местности, Сэм ехал напрямик к овечьему ранчу старика Эллисона. Как раз теперь у него явилось желание посетить овечье ранчо. В Алтито было слишком много народа, слишком много шума, споров, соперничества и беспорядка. До сих пор он еще ни разу не оказывал чести старику и не гостил у него, но он знал, что ему будут рады. Трубадуру всюду свободный вход! Труженики в замке опускают для него под'емный мост, а барон сажает его по левую руку от себя в пиршественном зале. Дамы улыбаются ему и апплодируют его песням и рассказам, в то время как труженики подносят ему кабаньи головы и кувшины с вином. И если случайно, сидя в своем кресле резного дуба, барон зевнет раза два, то ничего дурного нельзя в этом усмотреть. Старый Эллисон очень радушно встретил трубадура. Он часто слышал похвалы Сэму от владельцев других ранчо, удостоившихся его посещений, но никогда не надеялся на такую честь по отношению к своему скромному баронату. Я говорю "баронату", потому что старый Эллисон был последним бароном. Бульвер Литтон жил слишком рано, иначе он не дал бы этого титула Варвику (Литтон-известный английский писатель. Его роман "Последний барон" появился на русском языке в 1845 г. Прим. перев.) Как известно, функции барона заключаются в том, чтобы давать работу труженикам и приют и убежище трубадурам.

Эллисон был морщинистый старики с небольшой изжелта-белой бородой и лицом, изборожденным следами безвозвратно ушедших улыбок. Его ранчо представляло собой домик в две маленьких комнаты, который, словно ящик, стоял среди рощи в самой скучной части овечьей страны. Жили там: повар из индейцев племени Киова, четыре собаки, любимая овечка и полуручной койот, всегда сидевший на цепи. Эллисону принадлежали три тысячи овец, которых он пас на двух участках арендованной земли и на многих тысячах акров земли и неарендованной, и некупленной. Раза три-четыре в год к его калитке под'езжал верхом кто-либо из говорящих на его языке, и они обменивались несколькими простыми и обыкновенными мыслями.

Эти дни отмечались в голове Эллисона красными буквами. Какими же пышными, рельефными, ярко раскрашенными заглавными буквами должен быть отмечен день, когда трубадур-каковой, согласно заверениям энциклопедии, должен был процветать и действовать между одиннадцатым и тринадцатым веками!-бросил повод у ворот его баронского замка!

Как только Эллисон увидел Сэма, тотчас же возвратились его улыбки и заполнили все морщины на его лице. Волоча ноги и прихрамывая, он поспешил навстречу гостю,

- Здорово, мистер Эллисон! - крикнул ему весело Сэм: - вот задумал заглянуть сюда и повидаться с вами. По дороге я заметил, что у вас прошли славные дожди. Ну, значит, будет хороший подножный корм для весенних ягнят.

- Хорошо, хорошо, хорошо! - сказал в ответ старики Эллисон. - Я страшно рад видеть вас у себя! Я никогда не думал, что вы потревожитесь для того, чтобы посетить такое старое ранчо, лежащее в стороне от большой дороги. Добро пожаловать, слезайте с коня. У меня на кухне лежит мешок свежего овса,-прикажете принести его для вашей лошадки?

- Овес для моей лошадки!-насмешливо воскликнул Сам. - Да она и на траве разжирела, как свинья. На ней слишком мало ездят для того, чтобы миндальничать с ней. Я сейчас же пущу ее на конский выпас, стреножив ее, если только вы ничего против того не имеете.

Я уверен, что никогда в промежутке между одиннадцатым и тринадцатым веками не было такого гармоничного единения между бароном, трубадуром и трудящимся, как в этот вечер на овечьем ранчо старика Эллисона! Печение индейца было легкое и вкусное, а кофе-крепкий. Неискоренимое гостеприимство и радость сияли на обветренном лице хозяина. Трубадур же уверял самого себя, что наконец-то он попал в действительно приятные места. Прекрасно приготовленный, обильный обед, хозяин, малейшая попытка занять которого приводила его в восхищение, далеко превосходящее затраченное усилие, а также на редкость спокойная атмосфера, к которой все время стремилась чувствительная душа Сэма,-все вместе соединилось для того, чтобы дать ему полное удовлетворение и чудесное довольство, которые так редко посещали его во время об'ездов многочисленных ранчо. После восхитительного ужина Сэм развязал зеленый парусиновый футляр и вынул оттуда гитару. О,-запомните!-он сделал это вовсе не потому, что думал платить за прием.

Ни Сэм Голлоуэй, ни какой-либо другой подлинный трубадур не являются потомками покойного Томми Тюккере. О Томми Тюккере вы, конечно, помните по детским песенкам. Томми Тюккере обычно пел за ужин.

Никакой настоящий трубадур этого никогда не сделает. Он поужинает, но затем, если и станет играть, так только из любви к искусству.

В репертуар Сэма Галлоуэя входило около пятидесяти веселых рассказов и от тридцати до сорока песенок. Однако он не ограничивался этим. Он мог на продолжении двадцати сигарет говорить на любую затронутую вами тему. При этом он никогда не садился, если мог лежать, и никогда не стоял, если мог сидеть. Мне очень хотелось бы еще задержаться на нем, так как я пишу портрет и стараюсь сделать его настолько хорошо, насколько позволяет мне мой тупой карандаш.

Мне хотелось бы еще, чтобы вы могли видеть его. Он был небольшого роста, крепкий и ленивый настолько, что это превосходило всякое представление. Он носил ультрамариново-синюю шерстяную рубаху, стянутую спереди светло-серым шнурком, в роде сапожного, но подлиннее, затем неразрушимые брюки из коричневой парусины, неизбежные сапоги на высоких каблуках с мексиканскими шпорами и мексиканское соломенное сомбреро.

В этот вечер Сэм и Эллисон вытащили из дома стулья и поставили их под деревьями. Они закурили сигареты, и трубадур весело тронул гитару. Среди его песен было очень много очаровательных, меланхолических и минорных канкан, которые он заимствовал у мексиканских вакеро и овечьих пастухов. Но одна из них в особенности радowała и успокаивала душу одинокого барона. То была любимая песня овечьих пастухов, начинавшаяся словами: "Huile, huile, palomita", что в переводе означает: "Лети, лети, голубок!.." В этот вечер Сэм много раз пропел ее старику Эллисону.

Трубадур остался гостить в ранчо Эллисона. Тут были мир и покой, и настоящая оценка его таланта.

Ничего подобного он не находил в лагерях и шумных стоянках королей скота. Никакая другая аудитория в мире не могла бы увенчать творчество поэта, музыканта или же актера большим поклонением и одобрением, чем стариk Эллисон-труд Сэма. Посещение королем какого-либо смиренного дровосека или крестьянина не было бы встречено более лестной благодарностью и трогательной радостью.

Большую часть дня Сэм проводил в тени деревьев на прохладной, крытой парусиной койке. Тут он свертывал свои сигареты из коричневой бумаги, читал ту скучную литературу, что имелась на ранчо, и расширял свой репертуар импровизациями, которые с таким великим мастерством передавал на своей гитаре.

Точно раб, прислуживающий важному господину, индеец приносил гостю еду по его приказанию и холодную воду из красного кувшина, висевшего под навесом из прутьев.

Зефиры из прерии нежно опахали его.

Пересмешники утром и вечером пытались, но едва ли успевали сравняться с нежными мелодиями его прекрасной лиры.

Казалось, ароматная тишина обволакивала весь мир.

В то время, как старый Эллисон толкался среди своих овец на пони, делавшем милю в час, а индеец нежился на жгучем солнцепеке подле кухни, Сэм лежал на койке и думал о том, как прекрасен мир, в котором он живет, и как мир этот благожелателен к тем, чье назначение - доставлять развлечения и удовольствие.

Здесь у него были кров и пища, какие он всегда желал иметь, абсолютная свобода от всяких забот, всякого усилия или борьбы, бесконечное гостеприимство и хозяин, восторг которого при исполнении какой-нибудь песни или рассказа в шестнадцатый раз был так же велик, как если бы это было исполнено впервые. Был ли когда-нибудь в прежние времена трубадур, который в своих странствиях набрел бы на такой королевский замок? Пока он так лежал, думая о посланных ему благах, маленькие коричневые ягнята боязливо ревились во дворе, выводки перепелок с белыми узелками на спине пробегали вереницей на двадцать ярдов дальше, птица *paisano*, охотясь за тарантулами, подпрыгивала на заборе и приветствовала его быстрыми размахами хвоста.

На лошадином пастбище в восемьдесят акров конь с лицом Данте жирел и чуть ли не стал улыбаться.

Трубадур достиг конца своих странствий.

Старик Эллисон был своим собственным экономом. Это значит, что он снабжал свои овечьи лагери дровами, водой и харчами собственными силами, вместо того, чтобы нанимать эконома. Так часто делается на мелких ранчо.

Как-то раз, утром, он отправился в лагерь Incarnation Поп Фелипе де-ла-Круз и Монте Пиедрас (где было одно из его стад) с обычной недельной порцией мексиканских бобов, кофе, муки и сахара. В двух милях от тропы на старый форт Юнич он встретился лицом к лицу со страшным человеком по имени "король Джемс", ехавшим на горячей, красивой лошади кентуккской породы.

Настоящее имя короля Джемса было Джемс Кинг, но его перевернули, так как находили, что это больше к нему идет, а также потому, что это, повидимому, нравилось его величеству. Король Джемс был крупнейшим скотоводом между Аламс-плацем в Сан-Антоне и салуном Билля Хоппера в Броунсвилле. Он также был самым громогласным и вредным буйном, хвастуном и скверным человеком в юго-восточном Техасе. Он всегда исполнял то, чем похвалялся, и, чем больше он шумел, тем был опаснее. В книгах особенно опасным всегда является спокойный человек с мягкими манерами, голубыми глазами и тихим голосом, но в реальной жизни и в этой повести дело обстояло иначе. Предложите мне на выбор - напасть на громадного грубияна с громким голосом или на безобидного, голубоглазого незнакомца, мирно сидящего в углу, - и вы всегда увидите, что я направлюсь в угол. Король Джемс, как я собирался сказать ранее, был свирепым, весом в двести фунтов, загорелым, белокурым человеком, румяным, как октябрьская земляника, и с двумя горизонтальными щелками, вместо глаз, под щетинистыми рыжими бровями.

В этот день на нем была надета фланелевая рубашка каштанового цвета; иного цвета были некоторые большие части, потемневшие от пота, вызванного летним солнцем. На нем, очевидно, была и другая одежда и снаряжение, как, например, коричневые парусиновые брюки, засунутые в огромные сапоги, красные платки и револьверы, а также ружье, лежавшее поперек седла, и кожаный пояс со множеством сверкающих на нем патронов, - но ваша мысль не замечала этих подробностей; взор приковывали только две горизонтальные щелки, которые служили ему глазами. Таков был человек, которого старик Эллисон встретил на тропе, и, если вы зачтете барону, что ему было шестьдесят пять лет, что весил он девяносто восемь фунтов и слышал рассказы о короле Джеймсе, а также и то, что барон имел склонность к *vita simplex* и не взял с собой ружья, а если бы и взял, то не употребил бы его в дело, - вы не осудите его, если я скажу, что улыбки, которыми трубадур заполнил его морщины, снова все ушли, и снова показались прежние, самые обыкновенные морщины.

Однако он не был из тех баронов, что бегут от опасности. Он осадил своего "миля в час" пони (не трудное дело!) и поклонился грозному монарху. Король Джемс высказался с королевской прямотой.

- Вы - тот старый колпак, что пасет овец в этой местности, не так ли? - спросил он. - Какое

вы имеете на это право? Владеете ли вы какой-нибудь землей или же арендуете что-нибудь?

- Я арендую два участка у штата, - мягко возразил старик: Эллисон.

- Ничего вы не арендуете, - закричал король Джемс:- срок вашей аренды истек вчера. У меня был свой человек в земельном отделе, который в ту же минуту взял ее. В вашем распоряжении нет ни фута травы в Техасе. Вам, овцеводам, нужно уходить отсюда. Ваше время прошло. Эта страна - страна крупного скота, и в ней нет места таким соням. Земля, где пасутся ваши овцы, моя.

Я огорожу ее проволокой сорок на шестьдесят миль, и, когда изгородь будет готова, всякая овца, находящаяся внутри ее, будет убита.

Я даю вам неделю на то, чтобы вывести ваших овец отсюда. Если они к этому времени не уйдут, то я пошлю шесть человек с винчестерами, которые приготовят из них баранину. А если в то же время я застану здесь и вас, то вот что вы получите от меня.

Король Джемс погладил ремень, на котором висело его ружье.

Старик продолжал путь к лагерю Incarnation. Он часто вздыхал, и морщины на его лице стали глубже. Слухи о том, что старые порядки будут изменены, доходили до него и раньше. Близился конец "свободным пастищам". Собирались над его головой и другие тучи. Стада его, вместо того, чтобы увеличиваться, уменьшались в числе. Цена на шерсть падала с каждой стрижкой. Даже Бродшоу, лавочник во Фрио-Сити, у которого он покупал припасы для ранчо, приставал к нему, требуя уплаты по счету за последние шесть месяцев, и грозил лишить его кредита. Таким образом, несчастье, внезапно обрушившееся со стороны короля Джемса, было для него последним ударом.

Когда старик на закате возвратился в свое ранчо, он застал Сэма Голлоуэй лежащим на койке и перебирающим струны на гитаре.

- Здорово, дядя Бен,-весело крикнул трубадур.- Вы сегодня рано вкатились. Я пробовал новую вариацию к испанскому фанданго. Я только что нашел ее. Вот послушайте, как она звучит!

- Хорошо, чудесно,-говорил Эллисон, сидя на кухонной ступеньке и потирая свои седые, как у скот-террьера, бакенбарды.-Я считаю, что вы побили всех музыкантов на Востоке и Западе, повсюду, Сэм, где только проложены дороги.

- Не знаю,-отвечал Сэм в раздумья, - но я, конечно, достиг кой-чего в вариациях. Я вижу, что могу не хуже других обработать любую вещь в пяти бемолях... Но вы как будто утомлены, дядя Бен, или чувствуете себя неважно сегодня вечером?

- Я немного устал, Сэм, больше ничего. Если вы еще можете играть, сыграйте мне мексиканскую вещь, начинающуюся словами: "Huile, huile, palomita" Мне кажется, что эта песня всегда успокаивает и подбодряет меня после далекой поездки или же когда что-нибудь меня тревожит.

- Почему же нет? Seguramente, señor! Я буду играть ее для вас, когда только вы захотите. Да, пока я не забыл, дядя Бен, вам следует выговорить Бродшоу за последние присланные нам окорока: они слишком пахнут!

Человек шестидесяти пяти лет, живущий на овечьем ранчо, тревожимый сплетением всяких несчастий, не может постоянно и успешно притворяться. Кроме того, глаза трубадура быстро видят признаки несчастья в окружающих, потому что это нарушает его собственный покой. На следующий день Сэм снова стал расспрашивать старика относительно его грустного вида и рассеянности.

Тогда Эллисон рассказал ему об угрозах и приказаниях короля Джемса и о том, что бледная меланхолия и красное разорение наметили, повидимому, его своей жертвой. Трубадур внимательно выслушал эту новость. Он уже много до того слышал о короле Джемсе.

На третий из семи льготных дней, предоставленных ему самодержцем этой местности, старик Эллисон ехал на телеге во Фрио-Сити для закупки необходимых припасов для ранчо. Бродшоу был тверд, но не неумолим. Он разделил счет Эллисона на две части и предоставил ему больший срок для уплаты. Среди купленных предметов был свежий прекрасный окорок, взятый для того, чтобы доставить удовольствие трубадуру.

В пяти милях от Фрио-Сити, по дороге домой, старик встретил короля Джемса, ехавшего в город. У его величества всегда был свирепый и угрюмый вид, но сегодня щелки его глаз казались открытыми шире обычного.

- Добрый день,- сказал угрюмо король Джемс.- Мне нужно было видеть вас. Вчера я слышал, как ковбой из Сэнди говорил, что вы происхождением из графства Джэксон, Миссисипи. Мне нужно знать, правильно ли это.

- Я там родился и воспитывался до двадцати одного года, - ответил старик Эллисон.

- Этот человек говорил еще, что вы как будто в родстве с Ривсами из графства Джэксон. Правду он говорил?

- Тетка Каролина Ривс была моей сводной сестрой.

- Это была моя тетка, - сказал король Джемс: - я убежал из дома, когда мне было шестнадцать лет.

Теперь потолкуем снова о некоторых вещах, про которые мы рассуждали несколько дней тому назад.

Меня называют дурным человеком, и в этом люди только на половину правы.

На моем пастбище достаточно места для вашей горсточки овец и их приплода на долгое время.

Тетка Каролина вырезывала из сладкого теста овечек и пекла их для меня.

Оставьте своих овец на месте и пользуйтесь пастбищем, сколько вам надо. Как ваши финансы?

Старик с достоинством, сдержанно, но откровенно рассказал о своих несчастьях.

- Она тайком клала лишний кусок в мою школьную корзинку, - я говорю о тетке Каролине, - сказал король Джемс. - Я еду сегодня во Фрио-Сити и буду завтра возвращаться мимо вашего ранчо. Я выну из банка 2.000 долларов и привезу вам, а Бродшоу я скажу, чтобы он отпускал вам в кредит все, что вам нужно. Вы, наверно, слышали дома поговорку, что Кинги и Ривсы жмутся друг к другу теснее, чем каштаны к своей оболочке. Я все еще Кинг, когда встречаюсь с Ривсом. Итак, ожидайте меня около заката и не беспокойтесь ни о чем.

Я не удивлюсь, если сухая погода погубит молодую траву.

Старик Эллисон радостно поехал в свое ранчо. Еще раз улыбки заполнили все его морщины. Совершенно неожиданно, волшебным действием родства и того добра, которое кроется где-то во всех сердцах, с него были сняты все заботы. Вернувшись в ранчо, он узнал, что Сэма нет дома. Его гитара висела на лосином ремне на ветви дикой вишни и стонала, когда ветерок с залива пробегал по ее бесхозяйным струнам.

Индеец пытался объяснить:

- Сэм поймал коня, - говорил он, - и сказал, что поедет во Фрио-Сити. Зачем, никто не знает.

Сказал, что вернется сегодня вечером. Может-быть, и так. Это все!

Как только высыпали первые звезды, трубадур вернулся в свою гавань. Он отвел коня на пастбище и вошел в дом; шпоры его воинственно гремели.

Старик Эллисон сидел у кухонного очага, перед ним стояла кружка с кофе. Вид у него был довольный и радостный.

- Здорово, Сэм,-сказал он,- я страшно рад, что вы вернулись. Я не знаю, как я мог жить в этом ранчо, пока вы не приехали и не развеселили меня. Я готов побиться об заклад, что вы болтались с какой-нибудь девицей из Фрио-Сити, а потому задержались так поздно. Тут старик Эллисон снова бросил взгляд на Сэма и увидел, что менестрель превратился в человека действия.

И пока Сэм вынимает из-за пояса шестистрельный револьвер, который Эллисон оставил дома, уезжая в город, мы можем сделать остановку и заметить, что когда трубадур где бы и когда бы то ни было откладывает в сторону свою гитару и берет меч, то всегда и непременно случается несчастье. Приходится бояться не удара специалиста, как Атос, не холодного умения Арамиса и не железных мышц Портоса, но гасконской ярости, дикой и не академической атаки трубадура-шпаги д'Артаньяна.

- Я сделал это,- сказал Сэм. - Я поехал во Фрио-Сити, чтобы это сделать. Я не мог позволить, чтобы он надел на вас ярмо, дядя Бен. Я встретил его в салуне Семмерса. Я знал, что мне делать. Я сказал ему несколько слов, которых никто другой не слыхал. Он, первый, схватился за револьвер-с полдюжины молодцов видели это-но я успел скорее прицелиться. Я всыпал ему три дозы прямо в грудь, блюдечко могло бы покрыть их. Он больше не будет надоедать вам.

- Это вы... о короле Джемсе говорите? - спросил старик Эллисон, прихлебывая кофе.

- Конечно, о нем. Меня повели к судье, но тут были все свидетели того, что он первый схватился за оружие. Разумеется, с меня потребовали залог в 300 долларов в том, что я явлюсь в суд, но тут же нашлись четверо или пятеро человек, готовые поручиться за меня. Он больше не будет надоедать вам, дядя Бен! Вы бы посмотрели, как близко один от другого были следы пуль. Мне кажется, что игра на гитаре (так много, как я играю) должна развивать палец, нажимающий на курок. Как вы думаете, дядя Бен?

Затем в замке наступило недолгое молчание, прерываемое только шипением дичи, которую жарил индеец.

- Сэм,-сказал старик, дрожащей рукой поглаживая .бакенбарды: - вам не трудно взять гитару и сыграть мне "Huile, huile, palomita", раз или два. Это всегда как-то успокаивает меня, когда я устал, или когда мне не по себе.

...Больше сказать нечего, кроме, разве, того, что заглавие рассказа неверно. Его бы следовало назвать: "Последний барон". Трубадуры никогда не переведутся, и иногда кажется, что в звоне их гитар потонут звуки заглушенных ударов заступов и молотов всех тружеников на свете.

Превращение Мартина Барней

По поводу успокаивающего злака, столь ценимого сэром Вальтером, рассмотрим случай с Мартином Барней.

Строилась железная дорога вдоль западного берега реки Гарлэм.

Баржа-столовая Дениса Корригана, подрядчика, была привязана к дереву на берегу. Двадцать два ирландца работали здесь, вытягивая из себя жилы. Один человек, работавший на барже на кухне, был немец. Всеми ими командовал жестокий Корриган, мучивший их, как начальник команды каторжан. Он платил так мало, что у большинства, как бы усердно они ни работали, оставалось очень немного за покрытием расходов на еду и табак. Многие были у него в долгу. Корриган всех кормил на барже и кормил хорошо, так как еда возвращалась ему в виде работы.

Мартин Барней отставал больше всех. Это был маленький человечек с мускулистыми руками и ногами, с седовато-рыженькой маленькой бородкой. Он был слишком жидок для этой работы, которая поглотила бы силу паровой черпалки. Работа была тяжелая. Кроме того, вдоль берега реки стоял гул от москитов. Как ребенок в темной комнате обращает взгляд на бледный успокоительный свет в окне, так и труженики эти следили за солнцем, которое дарило им час менее горький, чем все остальные. Поужинав после заката, они сбивались в кучку на берегу реки и прогоняли жужжащие и кружащиеся стаи москитов едким дымом двадцати трех трубок. В таком союзе против врага, они извлекали в этот час несколько хорошо прокопченных капель чаши радости.

С каждой неделей Барней держал все больше. Корриган держал на барже небольшое количество товаров, которые он продавал рабочим без убытка для себя. Барней был хорошим потребителем по табачной части. Мешочек табаку, когда он шел утром на работу, другой, когда возвращался вечером,-так ежедневно увеличивался его долг. Барней был настоящим курильщиком; однакоже, неправда, что он ел с трубкой во рту, как о нем рассказывают. Маленький человечек не жаловался. Было много еды, много табаку, и был тиран, которого можно было ругать. Так почему же ему, ирландцу, не быть довольным?

Как-то утром, идя вместе с другими на работу, он остановился у соснового прилавка за обычным мешочком табаку.

- Нет больше для вас! - сказал Корриган:- ваш счет закрыт. Вы лишаетесь кредита. Нет, даже табаку не получите. Не даю табаку в долг. Если хотите работать и есть - хорошо, но курение ваше пошло к чорту. Последуйте моему совету: поищите другую работу.

- У меня нет табаку, чтобы курить сегодня, м-р Корриган,- сказал Барней, не вполне понимая, как подобная вещь могла с ним случиться.

- Заработайте сначала,- сказал Корриган,- затем покупайте.

Барней остался; он не знал другого дела. Сначала он не отдавал себя отчета, что табак для

него - отец и мать, духовник и возлюбленная, жена и ребенок.

В течение трех дней ему удавалось наполнять трубку из мешочеков товарищей, но затем все они перестали допускать его к своим кисетам. Они грубо, но по-дружески сказали ему, что из всех вещей в мире скорее всего надо поделиться табаком с тем, кто хочет курить, но прибавили при этом, что заимствование из запаса товарища в большей мере, чем того требует временная необходимость, сопряжено с большой опасностью для дружбы. Тогда в душе Барнея стало мрачно, как в колодце.

Посасывая остав своей замершей трубки, он, ковыляя, исполнял свои обязанности, толкая тачку с камнями и грязью и чувствуя на себе впервые проклятие Адама. Другие люди, лишенные одного удовольствия, прибегли бы к другим наслаждениям, но у Барнея в жизни было только два развлечения. Одно - его трубка, другое - экстатическая надежда, что на том свете не будут строить железную дорогу.

В обед он предоставлял другим спешить на баржу, а сам, став на четвереньки, яростно ползал по земле, где сидели товарищи, стараясь найти упавшие крошки табаку. Раз он спустился вниз, к реке, и наполнил трубку сухими листьями ивы. При первой же затяжке он плюнул по направлению к барже и произнес по адресу Корригана самое отборное проклятие, которое только знал, начиная с первых на земле Корриганов и кончая Корриганами, которые услышат трубу архангела Гавриила.

Он начинал ненавидеть Корригана всеми своими расшатанными нервами и душой. Ему смутно рисовалось даже убийство. Пять дней он не пробовал табаку - он, куривший ранее целый день и считавший плохо проведенной ту ночь, когда не просыпался, чтобы выкурить одну или две трубки под одеялом.

Однажды у барки остановился человек, сообщивший, что можно получить работу в Бронкс-Парке, где требовалось большое количество рабочих для производства каких-то улучшений. После обеда Барней ушел на тридцать ярдов вниз по берегу реки, подальше от сводившего его с ума запаха чужих трубок. Он присел на камень, подумывая о том, чтобы отправиться в Бронкс. Там он, по крайней мере, заработает на табак! Но что, если по книгам окажется, что он должен Корригану? Труд каждого человека стоит его содержания. Но ему было неприятно уйти, не сведя счетов с жестоким вымогателем, лишившим его трубки. Был ли какой-нибудь способ сделать это?

Мягко ступая между глыбами земли, подошел Тони, человек из племени готов, работавший на кухне. Он оскалил зубы, подойдя к Барнею, а этот несчастный человек, полный расовой враждебности и презиравший учтивость, зарычал на него.

- Что тебе надо, Даго?

У Тони тоже была своя неприятность - и проект заговора.

Он тоже ненавидел Корригана и радовался, когда замечал это в других.

- Как вам нравится м-р Корриган? - спросил он. - Считаете вы его хорошим человеком?

- К чорту его, - сказал Барней. - Чтобы его печень превратилась в воду, чтобы кости его треснули от холода в сердце! Пусть собачий укроп вырастет над могилами его предков! Пусть внуки его детей рождаются без глаз! Пусть виски превратятся во рту его в кислое молоко! И, когда он чихает, пусть подошвы его ног покрываются волдырями! Пусть от дыма трубки у него слезятся глаза, пусть слезы его падут на траву, которую едят его коровы, и отравят масло, которым он мажет хлеб!

Хотя Тони и не понял всех красот этих образов, он вывел заключение, что слова Барнея по своему содержанию достаточно антикорриганы, поэтому он сел рядом с Барнеем на камень и с доверчивостью товарища-заговорщика открыл ему свой план.

Замысел его был очень прост. Каждый день, после обеда, Корриган имел привычку спать около часу на своей койке, и в это время повар и его помощник Тони обязаны были уходить с барки, чтобы никакой шум не тревожил самодержца. Повар обычно на этот час отправлялся гулять.

План Тони был таков: когда Корриган заснет, он (Тони) и Барней подрежут канаты, которыми барка привязана к берегу; у Тони не хватало храбости одному сделать это. Оторвавшись от берега, неуклюжая барка попадет в быстрое течение и, наверно, перевернется,

наскочив на камень ниже по реке.

- Пойдем и сделаем это,- сказал Барней. - Если спина твоя болит от ударов, им нанесенных, так же, как мой желудок от отсутствия табаку, мы не должны терять время.

- Хорошо,- сказал Тони,- но лучше подождать еще десять минут: надо дать Корригану время хорошенько уснуть.

Они ждали, сидя на камне. Остальных землекопов не было видно. Они работали за поворотом дороги. Все было бы хорошо,-хотя, может быть, не для Корригана! - если бы Тони не вздумалось обставить свой заговор соответствующими аксессуарами. Драматизм был у него в крови, и, может быть, он чисто интуитивно угадывал, чем, соответственно требованиям сцены, должны сопровождаться преступные махинации. Он вытащил из - за ворота рубашки длинную, черную, прекрасную, ядовитую сигару и вручил ее Барнею.

- Хотите покурить, пока мы дожидаемся? - спросил он.

Барней схватил сигару и откусил конец ее так, как террьер кусает крысу. Он приложил ее к губам, как давно утраченную возлюбленную. Когда пошел дым, он долго и глубоко вздохнул, и щетина его рыжеватых усов обвилась вокруг сигары, как когти орла. Медленно стала пропадать краснота на белках его глаз. Он мечтательно направил взгляды на холмы за рекой, а минуты приходили и уходили.

- Теперь пора итти,- сказал Тони:- этот проклятый Корриган скоро будет в реке.

Барней, хрюкнув, пробудился от транса. Он повернул голову и посмотрел на своего сообщника с удивленным, огорченным и строгим видом. Он частью вынул сигару изо рта и немедленно снова втянул ее, с любовью пожевал ее раза два и, энергично затягиваясь, заговорил углами рта:

- Что такое, подлый ты язычник?! Какие такие у тебя затеи против просвещенных рас? Мерзкий подстрекатель, уж не хочешь ли ты вовлечь Мартина Барней в грязные проделки, подходящие только для подлого Даго? Не хочешь ли ты убить своего благодетеля, доброго человека, дающего тебе пищу и работу? Вот тебе, красномордый убийца!

Поток негодования Барнея повлек за собою и физическое воздействие. Носком сапога он сбросил подрезывателя каната с камня.

Тони вскочил и убежал. Свою месть он снова причислял к разряду вещей, которые могли бы быть. Миновав барку, он бежал все дальше и дальше, боясь остановиться.

С облегченным сердцем наблюдал Барней за исчезновением своего бывшего сообщника. Затем он ушел по направлению к Бронксу.

За ним потянулся след отвратительного дыма, умиротворившего его сердце и заставившего птиц улететь с дороги и спрятаться в глубине леса.

Призрак

- Подумайте, рогулька! - патетически воскликнула миссис Кинсольвинг.

Миссис Беллами Бэлмор приподняла брови в знак симпатии. Этим она выражала соболезнование и большую дозу явного удивления.

- Вообразите: она везде рассказывает, - повторяла миссис Кинсольвинг: - что видела приведение в той комнате, которую занимала здесь, - в нашей лучшей комнате для гостей! Она будто бы видела привидение, несшее на плечах рогульку с кирпичами, призрак старика в блузе, курящего трубку и носящего кирпичи! Бессмыслица всего этого указывает на злой умысел. Никогда не существовало Кинсольвинга, носящего рогульку с кирпичами. Все знают, что отец мистера Кинсольвинга нажил состояние крупными строительными подрядами, но он ни одного дня не работал собственными руками.

Этот дом он построил по им лично разработанному плану.

Но рогулька! Зачем ей понадобилось быть такой жестокой и недоброжелательной?

- Это действительно ужасно - прошептала миссис Бэлмор, бросая одобрительный взгляд красивых глаз на обширную комнату, отделанную лиловым с темным золотом.

- И она видела его в этой комнате? О, нет, я не боюсь привидений! Не бойтесь и вы за меня!

Я рада, что вы поместили меня здесь. Фамильные привидения кажутся мне чрезвычайно интересными. Но, право же, история эта несколько непоследовательна. Я ожидала чего - нибудь получше от миссис Фишер - Сюймпкинс. Ведь в рогульке носят кирпичи, не правда ли? Зачем же носить кирпичи в виллу, построенную из мрамора и камня? Мне очень жаль, но приходится думать, что годы отзываются на м-с Фишер-Сюймпкинс.

- Этот дом,- продолжала миссис Кинсольвинг,- построен на месте старого, в котором семья мужа жила во время революции. Нет ничего удивительного, если бы в нем и было привидение. Существовал капитан Кинсольвинг, сражавшийся в армии генерала Грина, но мы никогда не могли раздобыть документы, подтверждающие это. Если уж должно быть фамильное привидение, то почему не капитана, а какого-то каменщика?

- Призрак предка - революционера, это недурная идея,-согласилась мс Бэлмор;- но вы знаете, как капризны и неосмотрительны бывают привидения! Может быть, они, как любовь, "зарождаются во взгляде". У видевших привидение одно преимущество - их рассказ не может быть опровергнут. Недоброжелательному взгляду ранец революционера легко мог показаться рогулькой. Не думайте больше об этом, дорогая миссис Кинсольвинг. Я уверена, что это был ранец.

- Но она всем рассказала,-горевала миссис Кинсольвинг.-Она настаивала на подробностях. Во-первых- трубка. А как вы вылезете из блузы?

- Да я и влезать не буду в нее!-сказала м-с Бэлмор, с мило заглушенным зевком: - уж слишком она жестка и морщит! Это вы, Фелис. Пожалуйста, приготовьте мне ванну. Вы в Клиффтоне обедаете в семь часов, м-с Кинсольвинг? Так мило, что вы зашли поболтать перед обедом. Мне нравятся эти маленькие нарушения формальностей с гостями. Они придают посещению такой домашний характер. Очень жаль, но мне нужно одеваться. Я так ленива, что всегда откладывая это до самой последней минуты.

М-с Фишер была первой крупной сливой, которую Кинсольвиги вытащили из общественного пирога. Долгое время сам пирог, находясь на верхней полке, был недосягаем. Но кошелек и настойчивость постепенно опустили его. Мс Фишер-Сюймпкинс была гелиографом парадирующих групп высшего общества. Блеск ее остроумия и действий проходил по всей линии, передавая в раек все самое последнее и самое смелое. Первоначально ее слава и авторитет были достаточно прочны, чтобы не нуждаться в поддержке таких фокусов, как раздача живых лягушек в котильоне. Но теперь подобные штуки были необходимы для прочности ее трона. Наступил средний возраст, не соответствовавший ее чудачествам. Сенсационные газеты урезали место, занимаемое ею, с целой страницы до двух столбцов. Ум ее стал язвительным, манеры - грубыми и бесцеремонными. Она, как - будто, чувствовала настоятельную необходимость установить свою автократию, бросая вызов условностям, связывавшим менее могущественных властителей.

Благодаря давлению, которое могли оказывать Кинсольвиги, она согласилась снизойти до того, что удостоила их дом своим присутствием на один вечер и ночь. Она отомстила хозяйке дома тем, что со свирепым удовольствием и саркастической ironией рассказывала историю о привидении с рогулькой на спине. Для миссис Кинсольвинг, бывшей в восторге от того, что она проникла так далеко в доселе недосягаемый круг, этот результат явился страшным разочарованием. Все выражали соболезнование или смеялись, и не было выбора между этими двумя способами реагирования.

Надежды м-с Кинсольвинг ожили, когда ей удалось получить второй и более куупный козырь.

Миссис Беллами Бэлмор приняла приглашение посетить Клиффорд и остаться там три дня. М-с Бэлмор принадлежала к более молодым дамам. Ее красота, происхождение и богатство обеспечивали ей особое место в святая-святых общества, и она могла удержать это место без особых усилий. Она была так великодушна, что пожертвовала м-с Кинсольвинг поцелуй, чего та так страстно желала. В то же время она думала: как это понравится Тиренсу? Может быть, это заставит его решиться.

Тиренс был сын мс Кинсольвинг-двадцати девяти лет, достаточно красивый и обладавший двумя или тремя загадочными и вместе привлекательными чертами. Во-первых, он очень любил свою мать, и это было достаточно странно для того, чтобы обратить на себя внимание. Затем он

говорил так мало, что это не могло не раздражать, и казался или очень робким, или очень глубоким. М-с Бэлмор не могла решить, что вернее. Вот почему Тиренс интересовал ее. Она намеревалась изучать его более продолжительное время, если только не забудет об этом. Если он робок, она бросит его, так как робость скучна. Если же он глубок, она бросит его, потому что глубина не надежна.

Как-то днем, на третий день пребывания м-с Бэлмор, Тиренс искал ее и нашел в уголке, где она рассматривала альбом.

- Так мило с вашей стороны,- сказал он,- что вы приехали сюда и вернули нам солнечный свет. Я думаю, что вы слышали, как м-с Фишер продырявила судно прежде, чем высадиться. Она рогулькой выбила целую доску из днища. Моя мать больна с горя. Не можете ли вы, м-с Бэлмор, постараться увидеть привидение, пока вы здесь? Шикарное, пышно одетое привидение, с коронкой на голове и чековой книжкой под мышкой.

- Какая скверная старуха, Тиренс, рассказывает такие истории! сказала м-с Бэлмор. - Может быть, вы слишком хорошо накормили ее ужином? Неужели ваша мать серьезно огорчилась этим?

- Кажется, да, - ответил Тиренс. - Можно подумать, что все кирпичи из рогульки упали на нее. Мамочка моя - славная, и мне тяжело видеть, что она огорчена. Надо надеяться, что дух принадлежит к союзу каменщиков и устроит забастовку. Если этого не случится, то в нашей семье не будет покоя.

- Я ночую в комнате привидения,- задумчиво сказала м-с Бэлмор,- она такая хорошенъкая, что я не хотела менять ее, даже если бы боялась духа, чего на самом деле нет. Пожалуй, не хорошо будет рассказывать подобную историю, хотя бы и с более аристократическим оттенком, не правда ли? Я бы с удовольствием сделала это, но боюсь, что это найдут слишком очевидным противоядием к... первоначальному рассказу и не поверят.

- Правда,- сказал Тиренс, запуская в задумчивости два пальца в свои курчавые темные волосы,- из этого ничего не выйдет.- Что, если бы увидеть снова того же деда, минус блузка и с золотыми кирпичами в рогульке? Это вознесло бы призрак из области униизительного труда в финансовые сферы. Как вы думаете: это будет достаточно респектабельно?

- У вас был предок, сражавшийся против англичан, не так ли? Ваша мать говорила что-то в этом роде.

- Кажется, что был. Один из этих старииков в камзоле юбкой и панталонах для гольфа. Для меня все это великолепие само по себе не имеет значения. Но мать моя очень любит помпу и родословные, и пиротехнику, а я желаю видеть ее счастливой.

- Вы хороший сын, Тиренс,- сказала м-с Бэлмор, подбиравая свое шелковое платье к одной стороне.- Это хорошо, что вы не допускаете вашу мать до волнений. Садитесь рядом со мной и давайте вместе осматривать альбом, как это делали двадцать лет назад. Рассказывайте мне о каждом из них. Кто этот высокий, важный джентльмэн, прислонившийся к задней стене и держащий руки на коринфской колонне?

- Старик с длинными ногами? - спросил Тиренс,, нагибаясь:- это двоюродный дед, ОБренниган. Он содержал пивную на Бауэри-Стрит.

- Я просила вас сесть, Тиренс. Если вы не будете занимать меня и слушаться, то я утром заявлю, что видела привидение в фартуке, несущее две кружки пива.

Ну вот, так лучше. В ваши годы, Тиренс, стыдно быть таким робким.

За завтраком, в последний день пребывания, м-с Бэлмор поразила и заинтересовала всех присутствующих категорическим заявлением, что видела духа.

- Была у него..? - в ожидании и волнении м-с Кинсолвинг не могла выговорить слова.

- Нет, напротив.

Остальные присутствующие за столом хором забросали ее вопросами:

-И вы не испугались? - Как оно выглядело? - Как оно было одето? Сказало оно что-нибудь? - Вы не закричали?

- Постараюсь ответить на все сразу,- сказала м-с Бэлмор с героическим видом.- Хотя я ужасно голодна! Что-то разбудило меня; не знаю, был ли то шум, или прикосновение,- и призрак стоял около меня.

- У меня никогда не горит свет ночью, так что комната была совершенно темной, но я ясно

видела его. Это не был сон. Предо мной стоял высокий человек, окутанный белым туманом от головы до ног. На нем был полный костюм старого колониального времени: напудренные волосы, широкополый камзол, кружевные манжеты и шпага. Он казался неосязаемым, светился во мраке и совершенно беззвучно двигался. Да, сперва я была немного испугана, вернее, поражена. Это - первое привидение, какое мне случилось когда-либо видеть. Нет, я ничего не сказала ему. Я не кричала. Я поднялась на локте, а оно безмолвно проскользнуло мимо меня и исчезло в дверях.

М-с Кинсольвинг была на седьмом небе.

- Это - портрет капитана Кинсольвинга из армии генерала Грина, одного из наших предков! - сказала она, и голос ее дрожал от волнения и гордости. - Мне приходится извиниться за нашего призрачного родственника, м-с Бэлмор; боюсь, что он сильно нарушил ваш покой.

Тиренс послал своей матери улыбку поздравления и довольства. Наконец м-с Кинсольвинг достигла цели, ему было приятно видеть ее счастливой.

- Мне, вероятно, следовало бы стыдиться сознания,- Сказала миссис Бэлмор, с удовольствием кушавшая свой завтрак,-что я не была особенно смущена. Мне, кажется, нужно было кричать или упасть в обморок, чтобы все вы забегали вокруг меня в живописных костюмах.

Но, когда прошло первое удивление, я, право, не могла довести себя до паники. Призрак удалился со сцены мирно и спокойно, завершив свой небольшой обход, и после того я снова заснула. Почти все слушали, вежливо принимая рассказ м-с Бэлмор за выдумку, великодушно преподнесенную в противовес злостному видению м-с Фишер-Сьюмпкинс. Но один или двое из присутствующих заметили, что утверждения ее носили искренний характер. Правда и чистосердечие сквозили в каждом ее слове. Даже насмехающийся над привидением - если бы он был очень наблюдателен - должен был бы допустить, что она, действительно, видела волшебного посетителя, хотя бы во сне. Вскоре горничная м-с Бэлмор начала укладывать ее вещи. Через два часа должен был прибыть автомобиль, чтобы отвезти гостью на станцию.

Когда Тиренс прогуливался по западной террасе, м-с Бэлмор подошла к нему с конфиденциальным блеском в глазах.

- Я не хотела рассказывать всем остальным,-сказала она,-но вам я скажу. Мне кажется, вы некоторым образом за это ответственны. Вы знаете, каким образом призрак разбудил меня вчера ночью?

- Он гремел цепями? - спросил Тиренс, - или стонал? Они обыкновенно делают то или другое.

- Не знаете ли вы,-продолжала м-с Бэлмор с внезапной непоследовательностью, - не похожа ли я на какую-нибудь родственницу вашего беспокойного предка, капитана Кинсольвинга?

- Не думаю, - ответил Тиренс с чрезвычайно удивленным видом. Никогда не слыхал, чтобы которая-нибудь из них была известной красавицей.

- Тогда почему же это привидение поцеловало меня в чем я совершенно уверена? - спросила м-с Бэлмор. глядя серьезно в глаза молодого человека.

- Боже мой!-воскликнул Тиренс, широко раскрыв глаза от удивления.Не может быть, м-с Бэлмор! Неужели он, действительно, поцеловал вас?

- Я сказала "оно",- поправила м-с Бэлмор.- Надеюсь, что безличное местоимение употреблено правильно.

- Но почему вы сказали, что я ответствен?

- Потому что вы - единственный живой мужской потомок духа.

- Понимаю! До третьего и четвертого колена! Но серьезно! Правда, вы думаете, что он или оно-как вы..?

- Думаю, как всякий думает. Я спала и это разбудило меня: я в этом почти уверена.

- Почти?

- Да, я проснулась как раз тогда. Неужели вы не понимаете, что я хочу сказать? Когда что-нибудь внезапно разбудит вас, вы не совсем уверены: видите ли это вы во сне, или на-яву, и все-таки вы знаете, что... боже мой, Тиренс, неужели мне нужно анализировать самые элементарные ощущения, чтобы удовлетворить ваш невероятно практический ум?

- Относительно поцелуев привидений,- сказал смиренно Тиренс,- Я нуждаюсь в самом элементарном обучении. Я никогда не целовал духа. Какое это..?

- Ощущение?- сказала м-с Бэлмор, с предумышленным, слегка насмешливым ударением.- Если

вы ищете знаний, то могу вам сказать, что это - смесь материального с духовным.

- Должно быть,- сказал Тиренс, внезапно став серьезным,-это был сон и нечто вроде галлюцинации. Никто в наше время не верит в духов. Если вы рассказали эту историю по доброте сердечной, м-с Бэлмор, то не могу выразить, как я признателен. Это совсем осчастливило мою мать. Ваш революционный предок - изумительная идея.

М-с Бэлмор вздохнула.

- Моя участь общая Со всеми духовидцами,- покорно сказала она.- Моя изумительная встреча с духом приписывается салату из омаров или обману. У меня по крайней мере осталось от видения одно воспоминание- поцелуй из невидимого мира. Вы не знаете, Тиренс, был ли капитан Кинсольвинг очень смелым?

- Он, кажется, был убит при Иорктоуне, - сказал Тиренс, припоминая. - Говорят, что он удрал со своей ротой после первого сражения.

- Мне кажется, он был робок,- рассеянно произнесла мс Бэлмор:- он мог бы выдержать второй.

- Второй бой?-тупо спросил Тиренс.

- О чем же другом я могла бы говорить? Теперь мне пора собираться, автомобиль будет здесь через час.

Какое прекрасное утро,- не правда ли, Тиренс?

По дороге на станцию мс Бэлмор вынула из саквояжа шелковый носовой платок и загадочно взглянула на него. Затем завязала на нем несколько крепких узелков и бросила его, в подходящую минуту, через скалу, вдоль которой вилась дорога.

Тиренс, в своей комнате, отдавал приказания лакею Бруксу:

- Заверните весь этот хлам в пакет и отправьте по адресу, указанному на этой карточке.

Это была карточка нью-йоркского костюмера. "Хлам" состоял из мужского костюма XVIII века, белого атласа с серебряными пряжками, из белых шелковых чулок и белых же лайковых туфель. Пудренный парик и шпага дополняли костюм.

- Поищите, Брукс, - немного тревожно прибавил Тиренс, - не найдете ли вы шелковый платок с моей меткой в углу? Я, должно быть, обронил его где-нибудь.

Месяц спустя м-с Бэлмор с одной или двумя дамами из элегантного общества составляла список приглашенных на поездку в экипажах через Котскайл. Она просматривала список для окончательной цензуры. В нем стояло имя Тиренса Кинсольвинга. М-с Бэлмор слегка провела по имени своим цензорским карандашом.

- Слишком робок, - мило прошептала она в виде об'яснения.

С курьером

В этот сезон и час в парке было почти безлюдно, и вполне вероятно, что молодая леди, которая расположилась неподалеку от аллеи, лишь подчинилась внезапному порыву присесть на мгновенье и полюбоваться прелестью нарождающейся весны.

Она сидела неподвижно, о чем-то глубоко задумавшись. Некоторая меланхолия, тронувшая ее лицо, появилась, должно быть, совсем недавно, ибо еще не испортила тонкие и юные очертания щек и не стерла округлую, хотя и решительную складку губ.

На дорожке, близ которой сидела девушка, появилсяся, широко шагая, молодой человек. За ним по пятам тащился мальчишка с чемоданом. При виде молодой леди мужчина сперва покраснел, а затем побледнел. Приближаясь, он взглядался в выражение ее лица с нескрываемой надеждой и тревогой. Он прошел лишь в нескольких ярдах от нее, но не обнаружил никаких признаков того, что она догадывается о его присутствии и существовании.

Ярдов через пятдесят он внезапно остановился и сел на скамейку. Мальчишка поставил его чемодан и уставился на молодого человека любопытными, хитрыми глазами. Молодой человек вытащил носовой платок и вытер лоб. У него был хороший носовой платок, хороший лоб, да и вообще он выглядел хорошо. Он сказал мальчишке:

- Я хотел бы, чтобы ты передал кое-что вон той леди на скамейке. Скажи ей, что я иду на вокзал, откуда отправлюсь в Сан-Франциско, где меня ждет экспедиция на Аляску. Еду охотится на лосей. Скажи, что раз она приказала мне никогда не говорить с ней и даже не писать ей, я пользуюсь таким вот средством для того, чтобы возвратить к ее рассудку и сердцу во имя всего, что

было между нами. Скажи, что осуждать и отвергать дружбу человека, который ничем не заслужил подобного обращения, без того, чтобы по крайней мере выслушать его или объясниться самой, противоречит всему ее естеству, насколько я ее знаю. Поэтому я в определенной мере нарушаю ее предписание в надежде, что это послужит торжеству справедливости. Иди и передай ей все это.

Молодой человек сунул мальчишке полдоллара. Тот взглянул на него блестящими, лукавыми глазами, светящимися на чумазой, но смышеной мордашке, и вприпрыжку убежал. Он приблизился к леди на скамейке с некоторым смущением, однако ни секунды не сомневаясь в собственных силах.

Посланец дотронулся до козырька своего старого клетчатого велосипедного кепи, напяленного на самую макушку. Девушка посмотрела на него холодно, без враждебности, но и без интереса.

- Леди, - сказал он, - вон тот жентмен, что сидит на той вон скамейке, посыает вам через меня песню и танец. Ежели вы не знаете того парня и он просто хочет за вами поволочиться, скажите слово, и я сей момент кликну фараона. Да ежели вы его знаете и все без дураков, так я вам кое-что выложу из его баек.

Девушка слегка оживилась.

- Песню и танец! - сказала она приятным голосом, облекавшими слова в прозрачную упаковку непробиваемой иронии. - Новая идея, я думаю, в стиле трубадуров. Я была знакома с джентльменом, который тебя послал, так что, я думаю, вряд ли потребуется звать полицию. Можешь начинать свою песню и танец, однако не пой очень громко. Еще слишком рано для водевиля на открытой площадке, и мы можем привлечь к себе внимание.

- Вот ужас-то, - сказал мальчуган, поежившись, - значит, так, леди. Держитесь крепче, а то сдуется. Он велел сказать, что уложил свои манатки воротнички там и манжеты - в тот вон чемодан и навострился удирать во Фриско. Потом поедет в Клондайк охотится на лососей. Он сказал, что вы ему велели не слать больше никогда розовых записок и не околачиваться у калитки, а он хотел бы вправить вам мозги. Он сказал, что вы его считаете конченым человеком и не даете ему оправдаться. Говорит, что вы его оставили с носом и не изволили сказать, почему.

Слегка пробудившийся интерес в глазах молодой леди не уменьшился. Возможно, он был вызван необычностью и смелостью идеи охоты на лососей, превозмогшими ее очевидное предубеждение против любых форм общения с молодым человеком. Она некоторое время тщательно изучала статью, стоявшую в печальном одиночестве среди запущенных деревьев, а затем сказала посыльному:

- Скажи этому джентльмену, что мне нет нужды повторять ему список моих идеалов. Он знает: какими они были, такими они и остаются. Поскольку они имеют касательство к делу, напомню, что абсолютная лояльность и правдивость имеют решающее значение. Скажи ему, никто не знает моего сердца лучше, чем я сама. Мне известны и его слабости, и его порывы. Именно поэтому я не желаю слушать его излияния, какой бы характер они не носили. Однако, коль скоро он упорно стремится еще раз услышать то, что ему прекрасно известно, можешь изложить ему суть дела.

Скажи ему, что в тот вечер я вошла в оранжерею с задней калитки, чтобы срезать розу для моей мамочки. Скажи, что под розовым олеандром я увидела его и мисс Эшбертон. Картина была само великолепие, а позы и взаиморасположение тел были столь красноречивы и очевидны, что объяснений не требовалось. Я покинула оранжерею, а заодно розу и мой идеал. Можешь передать эту песню и танец своему импресарио.

- Я тут одно слово не усек, леди. Взимо... Взимо... Мне и не выговорить. Что это значит, а?

- Взаиморасположение, или можешь называть это близостью, или, если хочешь, положением, слишком откровенным для человека, претендующего на звание идеала.

Гравий захрустел под ногами мальчишки. Он остановился у другой скамейки. Глаза молодого человека уже жадно допрашивали его. Мальчишка весь светился беспристрастным рвением переводчика.

- Леди сказала, что девушки страсть как покладисты, когда парни начинают плести небылицы, чтоб замириться, и потому не будет слушать ваши басни. Она говорит, что застукала вас в обнимку с приличным куском ситца в теплице. Она подошла, чтоб глянуть на ваши позы, а

вы так крепко сжали другую девушку, что у той дух вон. Говорит, это было так мило, ну полный блеск, что ее чуть не скрючило. Говорит, вы бы поспешили, чтобы перекусить перед отъездом.

Молодой человек тихонько присвистнул, и его глаза сверкнули внезапной догадкой. Он сунул руку в карман пальто и достал пачку писем. Выбрав одно из них, он протянул его мальчишке, сопроводив серебрянным долларом из портмоне.

- Передай это письмо леди, - сказал он, - и попроси его прочесть. Скажи, что оно, возможно, разъяснит ей ситуацию. Скажи, что если она добавит капельку доверия в свою концепцию идеалов, можно будет избежать серьезных недоразумений. Скажи, что лояльность, которой она так дорожит, никогда не была поколеблена. Передай, что я жду ответа.

Посланник стоял перед леди.

- Жентмен говорит, на него понапрасну катят баллон. Он говорит, что он не какой-нибудь там повеса; а вы лучше-ка прочтите письмо. Бьюсь об заклад, он честный малый, вот как.

Молодая леди не без сомнения достала письмо и прочитала его:

"Дорогой доктор Арнольд!

Хочу выразить Вам свою искреннюю признательность за любезную помощь, которую Вы оказали моей дочери в прошлую пятницу, когда она вследствие сердечного приступа лишилась чувств в оранжерее на приеме у миссис Уолдрон. Если бы Вас не оказалось рядом, чтобы подхватить ее, когда она падала, и уделить ей должное внимание, мы могли бы ее лишиться. Я был бы счастлив, если бы Вы зашли к нам и взяли на себя ее лечение.

С глубочайшим почтением,

Роберт Эшбертон".

Молодая леди сложила письмо, сунула его в конверт и протянула мальчишке.

- Жентмен ждет ответа, - сказал посыльный. - Чего сказать-то?

Девушка вдруг взглянула на него счастливыми, смеющимися, блестящими от слез глазами.

- Передай парню, сидящему вон на той скамейке, - сказала она, радостно и звонко рассмеявшись, - что его девушка ждет его!

Своеобразная гордость

М-р Кипплинг сказал: "Города полны гордыни и шлют друг другу вызовы". Именно так; Нью-Йорк был пуст.

Двести тысяч из его обитателей уехали на лето. Три миллиона восемьсот тысяч остались, чтобы присматривать за имуществом и платить по счетам отсутствующих. Эти двести тысяч - большие моты.

Нью-йоркец сидел в саду на крыше и втягивал усаду через соломинку. Его панама лежала на стуле. Июльская публика рассеялась между свободными столиками так свободно, как обыкновенно рассыпаются аутфильдеры при выходе на площадку чемпиона крикета. От времени до времени на эстраде выступали номера. С залива веял прохладный ветерок. Вокруг и в вышине - повсюду, за исключением сцены, - были звезды. Изредка мелькали лакеи, исчезая, как вспугнутые серны.

Предусмотрительным посетителям заказавшим прохладительные напитки с утра по телефону, теперь подавали их. Нью-йоркец замечал все недостатки своего комфорта, но довольство все же мягко светилось сквозь стекла его очков без оправы. Его семья уехала из города. Напитки были тепловаты. Балет страдал отсутвием и мелодии, и такта, но... семья его не вернется до сентября!

Вдруг в сад ввалился человек из Топаз-Сити. На нем так и лежала печать одинокого человека. Страдая от одиночества, он с характерным выражением вдовьего лица шагал по приютам веселья. Необыкновенная жажда общения с людьми овладевала им, когда он впивал столичный воздух.

Он направил руль прямо на столик нью-йоркца.

Фривольная атмосфера сада на крыше сделали нью-йоркца совершенно безоружным и

беспечным, и он решил отбросить все традиции своей жизни. Он пожелал единым, быстрым, чертовски-смелым; импульсивным, беззаботным движением разбить вдребезги все те условности, что вплелись в его существование.

Повинуясь этому радикальному и внезапному внушению, он слегка кивнул головой незнакомцу, когда тот приблизился к его столику.

Уже через мгновение человек из Топаз-Сити находился в списке самых закадычных друзей нью-йоркца. Он придвинул к столику стул, протянул ноги на два других стула, а на четвертый бросил свою широкополую шляпу. После того рассказал своему новому Другу всю историю своей жизни.

Нью-йоркец нагрелся немного,- как начинают нагреваться в нью-йоркских домах печи, с приходом весны. Лакей, неосторожно подошедший на расстояние оклика, был захвачен в плен и отпущен на честное слово с поручением сходить на экспериментальную станцию доктора Уайли. Балет посреди музыкальной фантазии изображал боливийских крестьян,- так значилось в программе. Часть балерин была одета в костюмы норвежских рыбачек. На другой части были наряды придворных дам Марии-Антуанетты, а еще одна часть, представляя собой морских нимф, была соответствующим образом обнажена. Весь же ансамбль производил впечатление собрища горничных в общественном клубе в Центральном Восточном парке.

- Давно в Нью-Йорке? - спросил Нью-йоркец, приготовляя определенные "чаевые" для лакея, который должен был принести ему крупную сдачу.

- Я? - сказал человек из Топаз Сити.- Четыре дня! Были ли вы когда-нибудь в Топаз-Сити?

- Я? ответил нью-йоркец.- Я никогда не был западнее Восьмой авеню. У меня был брат, который умер на Девятой, но я встретил процессию на Восьмой. Ни погребальной колеснице был пучок фиалок,- распорядитель указал на это, чтобы не было ошибок при расчете. Не могу сказать, чтобы я был хорошо знаком с Западом. - Топаз-Сити,- сказал человек, занимавший четыре стула,- один из прекраснейших городов в мире!

- Полагаю, что вы уже видели достопримечательности столицы,- заметил нью-йоркец.- Четыре дня - недостаточно для того, чтобы осмотреть, наиболее выдающееся, но все же общее впечатление можно получить. Наше архитектурное превосходство - вот что главным образом поражает приезжих!

Вы, разумеется, видали небоскреб "Флатайрон"? Его считают...

- Видел! - сказал человек из Топаз-Сити: - но вам все же следовало бы побывать в наших краях. У нас - гористая местность, и все дамы носят короткие юбки при восхождении на горы и...

- Извините! - произнес нью-йоркец: - это все не то! Нью-Йорк должен почитаться чудесным откровением для приезжих с Запада. Наши отели...

- Вот, вот! - воскликнул человек из Топаз-Сити: - это как раз напоминает мне, как в прошлом году шестнадцать человек, систематически нападавшие на почтовые дилижансы, были застрелены в двадцати милях...

- Я говорю про отели, - продолжал нью-йоркец:- в этом отношении мы идем впереди всей Европы. А что же касается нашего нетрудового элемента, то мы далеко...

- О, я не знаю!-прервал его житель Топаз-Сити.- Когда я уехал из дома, в нашей тюрьме сидело двадцать бродяг. Я не думаю, чтобы в Нью-Йорке...

- Прошу прощения, но вы, кажется, неверно поняли мою мысль. Вы, разумеется, посетили биржу и Уолл-Стрит, где...

- О, да! - воскликнул человек из Топаз-Сити, закуривая пенсильванскую сигару: - я хочу заявить вам, что у нас - самый лучший шериф к востоку от Скалистых гор. Билль Рейнер выудил из толпы пять карманых воров в тот самый день, как Томпсон-Красный-Нос заложил угловой камень своего нового салуна. В Топаз-Сити не допускается...

- Выпейте еще рейнвейна с сельтерской, - предложил нью-йоркец.-Как я уже докладывал вам, я никогда не был на Западе, но там не может быть ничего такого, что могло бы сравниться с Нью-Йорком. Что же касается претензии Чикаго, то я...

- Только один человек, - сказал топазец, - только один человек был убит и ограблен в Топаз-Сити за последние три...

- О, я знаю, что такое Чикаго! - возразил нью-йоркец.-Были ли вы на Пятой авеню и видели

ли роскошные особняки наших милл?..

- Видел все! Но вам следовало бы познакомиться с Ребром Стеггаль, нашим податным инспектором. Когда старый Тильбюри, владелец единственного двух - этажного дома в городе, пытался путем ложных показаний снизить свой налог с 6000 долларов до 450.75, то Реб нацепил свой 45" револьвер и пошел посмотреть:

- Да, да, но, если говорить о нашей столице, то надо заметить, что одна из величайших отличительных черт ее - это прекрасная полицейская часть! Никакая другая полиция в мире не может сравниться с...

- Этот лакей бегает вокруг нас, как летательная машина Ланглея,-заметил житель Топаз-Сити, изнывая от жажды.- В нашем городе тоже есть люди, оцениваемые в 409.000 долларов! Имеется старый Билль Уайзерс и полковник Меткаф, и...

- Видели ли вы Бродуэй ночью? - любезно осведомился нью-йоркец,-Немного улиц в мире могут сравниться с ним. Когда светит электричество, и мостовые залиты двумя стремительными потоками элегантных мужчин и красивых женщин в драгоценнейших туалетах, и когда эти потоки извиваются туда и сюда, образуя сплошной лабиринт дорогих,..

- Я знал только один случай в Топаз-Сити,-заявил человек с Запада:-у Джима Бейлея, нашего мэра, вытащили из кармана часы с цепочкой и 250 долларов наличными, в то время как...

- Это другое дело, - сказал нью-йоркец: - пока вы здесь, вам надо пользоваться случаем, чтобы осмотреть чудеса нашего города. Наша быстрая система передвижения...

- Если бы вы приехали в Топаз,-сказал топазец,- я мог. бы показать вам целое кладбище людей, случайно убитых. Что там говорить о разрывании людей на куски! Ведь когда Берри Роджерс разряжал в первого попавшегося свое ружье, заряженное картечью...

- Человек, сюда! - позвал нью-йоркец, - еще два таких же! Всеми признается, что наш город-центр искусства, литературы и наук. Возьмите, например, наших послеобеденных ораторов. Где еще в Америке вы найдете такое остроумие и красноречие, какое истекает из уст Динью и Форда, и..?

- Вот если взять газеты! - прервал его человек с Запада.-Вы, вероятно, читали о дочери Пита Уэбстера. Уэбстеры живут на два квартала к северу от здания суда в Топаз-Сити. Мисс Тилли Уэбстер без просыпу спала сорок дней и сорок ночей под ряд. Доктора не знали...

- Передайте мне спички, пожалуйста,-сказал нью-йоркец.-Заменили вы, с какой быстротой воздвигаются новые здания в Нью-Йорке? Усовершенствование стальных остовов...

- Я обратил внимание, - сказал топазец, - что, по статистическим данным, в Топаз - Сити только один плотник погиб, будучи раздавлен упавшим деревом в прошлом году! И лишь потому, что он попал в циклон...

- Они портят наш горизонт,-перебил нью-йоркец:- возможно, что мы еще не проявляем достаточного художественного вкуса при постройке наших зданий. Но я могу смело утверждать, что мы идем во главе живописного и декоративного искусства. В некоторых из наших домов находятся шедевры живописи и скульптуры. Человек, имеющий возможность посещать наши лучшие галереи, найдет там...

- Осадите! - воскликнул человек из Топаз-Сити: - прошлым месяцем в нашем городе была игра, в которой 90.000 долларов перешли из рук в руки в пару...

- Тарам-тара.... играл оркестр. Занавес на сцене, стыдясь написанного на нем утверждения "несгораемый", опускался медленным движением, характерным для средины лета. Публика лениво струилась вниз по лифту и лестнице.

Нью-йоркец и человек из Топаз-Сити с пьяной торжественностью пожали друг другу руки. Воздушная железная дорога хрюпло грохотала, трамваи гудели и звенели, извозчики ругались, мальчишки - газетчики звонко кричали, колеса оглушительно стучали. И тут у ньюйоркца явилась счастливая мысль, с помощью которой он надеялся закрепить превосходство своего города.

- Вы должны согласиться, что в отношении шума Нью-Йорк значительно превосходит всякий другой...

- Ничего подобного!-сказал человек из Топаз-Сити:- в 1900 году, когда к нам прибыл кандидат в конгрессмены с оркестром Союза, нельзя было... Стук экстренного вагона заглушил его дальнейшие слова,

Сыщики

В Нью-Йорке человек может исчезнуть внезапно и окончательно, как пламя задутой свечи. Все агенты разведки, полицейские ищечки, сыщики, знающие городские лабиринты, кабинетные детективы, работающие на основании теории и индуктивного метода,-все они будут призваны участвовать в поисках.

Чаще всего человека этого никогда больше не увидишь.

Иногда он вновь появится в Шибайзане или в лесах Terre Haute, называясь одним из синонимов "Смита" и совершенно не помня о всех событиях до известного времени, в том числе и о счете своего бакалейщика. Иногда после драгирований рек и обыска в ресторанах с целью узнать, не дожидается ли он хорошо приготовленного филе,- вдруг оказывается, что он живет рядом.

Это погашение человеческого существа, похожее на стирание человека с меловой доски, является одной из драматургических тем, производящих наибольшее сильное впечатление.

Случай с Мэри Спайдер, с этой точки зрения, не лишен интереса.

Человек средних лет, по имени Микс, приехал с Запада в Нью-Йорк с целью отыскать свою сестру, мисс Мэри Спайдер, вдову пятидесяти двух лет, которая около года жила в меблированном доме в людном квартале. Явившись по адресу, он узнал, что Мэри Спайдер выехала больше месяца тому назад. Никто не мог указать ему ее нового адреса. Выйдя из дома, Микс обратился к стоявшему на углу полисмэну и объяснил ему свое затруднение. - Сестра моя очень бедна, сказал он,- и мне хотелось бы найти ее. Я недавно нажил уйму денег на свинцовой руде и хочу, чтобы она разделила мое богатство. Помешать об'явление не стоит, так как она все равно не умеет читать.

Полисмэн подергал усы и принял такой сосредоточенный и победоносный вид, что Микс почти чувствовал, как радостные слезы его сестры Мэри капают на его ярко-синий галстук.

- Идите-ка в окрестности Канал-Стрита,- сказал полисмэн,- и начните ездить на самой большой ломовой телеге, какую только найдете. Там постоянно старухи попадают под ломовиков. Можете поискать среди них. Если вы не хотите этого, то ступайте в главную квартиру и добейтесь, чтобы вам дали летучего агента. В полицейской главной квартире Микс встретил полную готовность помочь ему. Была поднята общая тревога, и во все участки были разосланы снимки с фотографии мисс Спайдер, находившейся у ее брата.

В Мюльберри - Страт начальник назначил детектива Мюллинса на это дело. Детектив отвел Микса в сторону и сказал:

- Распутать это дело не так уж трудно. Сбрейте свои баки, наполните карманы хорошими сигарами и приходите на свиданье со мною в кафе Вальдорф к трем часам пополудни.

Микс послушался. Он нашел Мюллинса на месте. Они роспили бутылку вина, при чем детектив все время расспрашивал о пропавшей женщине.

- Да,- сказал Мюллинс: - Нью-Йорк - большой город, но детективное дело в нем систематизировано. Есть два пути, которыми мы можем идти к цели. Сперва мы попробуем один из них. Вы говорите, что ей пятьдесят два года. -Немного больше,- сказал Микс, Детектив проводил техасца в отделение конторы об'явлений одной из крупнейших газет. Тут он написал следующее об'явление и предложил его вниманию Микса: "Нужны немедленно сто хорошеных христок для новой оперетки. Прием весь день. Бродуэй, Но..."

Микс пришел в негодование.

- Моя сестра,-сказал он,- бедная, пожилая женщина, занятая тяжелым трудом. Я не понимаю, каким образом подобное об'явление поможет делу.

- Прекрасно,-сказал детектив,-я вижу, что вы не знаете Нью-Йорка. Но, если у вас есть предубеждение против этого, мы можем испробовать другое средство. Это - более верный способ, но будет стоить вам дороже.

- Не обращайте внимания на расходы, - сказал Микс,-мы испробуем его.

Сыщик привел его обратно в Вальдорф.

- Займите две спальни и гостиную, - учил он,- и подыметесь туда.

Когда это было сделано, оба были введены в роскошный номер первого этажа. Микс

выглядел удивленным. Детектив погрузился в бархатное кресло и вытащил коробку с сигарами.

- Я забыл посоветовать вам, старина,- сказал он:- вам следовало бы нанять комнаты помесячно, с вас тогда не содрали бы так много.

- Помесячно?! - воскликнул Микс:- что вы хотите этим сказать?

- О, чтобы обработать дело таким образом, нужно время. Я говорил вам, что это будет стоить дорого. Нам придется ждать до весны. Тогда выйдет новый городской справочник. Весьма возможно, что имя и адрес вашей сестры будут в нем указаны.

Микс немедленно отдался от городского детектива. На следующий день кто-то посоветовал ему обратиться к Шенроку Джольинсу, знаменитому нью-йоркскому частному сыщику, который брал громадную плату, но совершил чудеса в области раскрытия тайн и преступлений.

После двухчасового ожидания в передней знаменитого сыщика, Микс был к нему допущен. Джольинс, в пурпурном халате, сидел у шахматного столика, на котором лежал журнал, и пытался разрешить тайну одного запутанного и загадочного романа. Худощавое интеллигентное лицо знаменитого сыщика, его проницательные глаза и его такса за каждое слово достаточно известны и не нуждаются в описании. Микс изложил свое дело.

- Мой гонорар в случае успеха будет 200 долларов,- сказал Шенрок Джольинс.

Микс кивнул в знак согласия.

- Я берусь за ваше дело, м-р Микс, - сказал наконец Джольинс. Исчезновение людей в этом, городе всегда было для меня интересной проблемой. Я вспоминаю случай, который я довел до успешного конца год тому назад. Семья, носящая фамилию "Кларк" внезапно исчезла из маленькой квартирки, в которой жила. Я два месяца наблюдал за этим домом, ища какого-нибудь указания. Однажды меня поразило, что некий торговец молоком и мальчик из бакалейной лавки всегда шли задом наперед, когда несли свои товары по лестнице. Проследив индуктивным способом идею, на которую навели меня мои наблюдения, я сразу узнал местопребывание пропавшей семьи. Они переселились в другую квартиру по другую сторону площадки и переменили свою фамилию на "Кралк".

Шенрок Джольинс и его клиент пошли в меблированный дом, где жила Мэри Спайдер, Сыщик попросил указать ему ее комнату, которая со временем ее исчезновения никем не была занята. Комната была маленькая, грязная и бедно обставлена.

Микс уныло уселся на стул, в то время как знаменитый сынок в поисках следов и указаний обшаривал стены, пол и несколько штук старой расшатанной мебели. По истечении получаса, Джольинс собрал несколько странных вещей: дешевую шляпную булавку, обрывки театральной афиши и кончик небольшой разорванной карточки, на которой были: слово "левая" и буквы "С 12e.'

Шенрок Джольинс минут десять стоял, прислонившись к камину и подперев голову рукой, с сосредоточенным взглядом на интеллигентном лице. По истечении этого времени он воскликнул с воодушевлением:

- Пойдемте, мистер Микс! Я могу привести вас прямо в дом, где живет ваша сестра. Вам нечего беспокоиться об ее благополучии: она не терпит нужды в деньгах, по крайней мере в настоящее время.

- Как вы это узнали?- спросил восхищенный Микс, испытывая радость и удивление в равной мере. Единственной слабостью Джольинса была, быть-может, профессиональная гордость своими удивительными достижениями в индукции. Он всегда был готов удивить и очаровать слушателей описанием своих методов.

- Путем исключения, - сказал великий Джольинс, раскладывая свои вещественные доказательства на маленьком столике. - Я выкинул некоторые части города, куда она могла бы переехать. Видите вы эту булавку? Она исключает Бруклин. Ни одна женщина не пытается абордировать вагон, идущий через Бруклинский мост, не будучи уверена, что у нее есть шляпная булавка, посредством которой она пробьет себе дорогу к сидячему месту. А теперь я хочу доказать вам, что она не могла переселиться и в Гарлем. За этой дверью на стене два крючка. На один из них мисс Спайдер вешала свою шляпку, на другой - шаль. Заметьте, что низ висящей шали постепенно образовал на оштукатуренной стене грязную полосу. Полоса эта ровная: это

доказывает, что на шали нет бахромы, Ну, могло ли бы когда-нибудь случиться, чтобы женщина средних лет, носящая шаль, влезала в Гарлемский поезд без того, чтобы на шали была бахрома, которая зацепляется в двери и задерживает пассажиров, идущих за ней?

Итак, мы исключаем Гарлем. Поэтому я вывожу, что мисс Спайдер уехала недалеко.

На этой карточке вы видите слово "левая", букву "С" и "No 12". Я случайно знаю, что в No 12 на авеню С находится первоклассный пансион, в значительной степени превышающий средства вашей сестры,- так мы предполагаем. Но вот я нахожу кусок театральной афиши, странным образом скомканной. На какую мысль это наводит вас, м-р Микс? Вероятно, ни на какую. Но это красноречиво для человека, который в силу привычки и упражнений обращает внимание на малейшие подробности.

- Вы говорили мне, что ваша сестра - уборщица. Она мыла полы в конторах и общественных зданиях. Предположим, что она получила такую работу в театре. Где чаще всего теряют драгоценные вещи, м-р Микс? Разумеется, в театре. Посмотрите на этот кусок афиши. Обратите внимание на круглое, вдавленное место. Он был обернут вокруг кольца, может - быть, очень дорогое кольцо.

Мисс Спайдер нашла это кольцо, когда работала в театре. Она торопливо оторвала кусок афиши, тщательно завернула кольцо и спрятала его на груди. На следующий день она продала его и, когда увеличились ее средства, она стала искать себе более комфортабельное помещение. Когда я дохожу до этого места, то не вижу ничего невозможного в цепи событий в No 12 авеню С. Там мы и найдем вашу сестру, м-р Микс. Мистер Джольинс закончил свою убедительную речь улыбкой пользующегося успехом артиста.

Восхищение Микса было выше всяких слов. Они вместе отправились на авеню С, No 12. Это был старинный дом из бурого камня, в богатом и респектабельном квартале. Они позвонили. На запрос им ответили, что никакой мисс Спайдер здесь не знают, и что за последние шесть месяцев ни один новый жилец не поселился в доме. Когда они снова очутились на тротуаре, Микс стал рассматривать вещественные доказательства, которые он забрал с собой из прежней комнаты сестры.

- Я не сыщик, - заметил он Джольинсу, подымая кусок афиши к самому носу, - но мне кажется, что в ней было завернуто не кольцо, а круглая мягкая лепешка. А этот обрывок с адресом очень похож на купон от билета на место No 12, ряд С, левая сторона.

Глаза Шенрока Джольинса смотрели куда-то вдаль.

- Мне кажется, что нам следовало бы посоветоваться с Джеггинсом, сказал он.

- Кто это Джеггинс? - спросил Микс.

- Он - глава новой школы детективов, - ответил Джольинс.-Их методы отличаются от наших, но говорят, что Джеггинс разрешил несколько чрезвычайно сложных проблем. Я отведу вас к нему.

Они застали, "величайшего" Джеггинса в его конторе. Это был маленький человек со светлыми волосами, погруженный в чтение одного из буржуазных творений Натэниэля Хосурна. Оба великие сыщика разных школ церемонно пожали друг другу руки. Затем был представлен Микс.

- Изложите факты,-сказал Джеггинс, продолжая читать. Когда Микс окончил, величайший закрыл книгу и сказал:

- Верно я понял, что вашей сестре пятьдесят два года? что у нее большое родимое пятно около носа? что она-бедная вдова, едва перебивающаяся уборкой, и что у нее самые обыкновенные лицо и фигура?

- Это очень точно описано,-согласился Микс. Джеггинс встал и надел шляпу.

- Через пятнадцать минут,-сказал он,-я вернусь и принесу вам ее настоящий адрес.

Шенрок Джольинс побледнел, но заставил себя улыбнуться. В назначенное время Джеггинс вернулся и справился по небольшому клочку бумаги, который он держал в руках.

- Вашу сестру, Мэри Слайдер,-спокойно об'явил он:-вы можете найти в No 162 Чильтон-Стрит. Она живет в комнате с окнами во двор, в пятом этаже. Дом этот всего в четырех кварталах отсюда.-Он продолжал, обращаясь к Миксу:

-Я советую вам пойти и проверить мои показания, а затем вернуться сюда. Я уверен, что м-р

Джольнс будет ждать вас. Микс убежал; через двадцать минут он возвратился с сияющим лицом.

- Она живет там и здорова. Скажите, сколько вам заплатить?

- Два доллара!-сказал Джеггинс. Микс расплатился и ушел. Шенрок Джольнс стоял перед Джеггинсом со шляпой в руке.

- Если это не слишком смело с моей стороны,- запинаясь, проговорил он,- если вы не откажетесь сделать мне такое одолжение... если нет препятствий...

- Разумеется, - ответил Джеггинс: - я скажу вам, как я это сделал. Помните вы описание примет мисс Спайдер? Знали ли вы когда-нибудь женщину с такой наружностью, которая не заказала бы своего увеличенного портрета карандашом с фотографии-с уплатою за него в рассрочку, понедельно? Крупнейшее заведение такого рода находится как раз за углом.

Я пошел туда и из книги заказчиков узнал ее адрес.

Вот и все.